ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛІЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ XXXIX.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1808.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ, 1808.

No 9.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Марія.

(Отрывокъ изъ Артурова Журнала.)

Я праздновалъ свое рожденіе съ нѣкоторыми Оксфортскими друзьями. Пили за мое здоровье, когда мнѣ подали отъ батюшки письмо, въ которомъ увѣдомлялъ онъ меня, что матушка занемогла отчаянною болѣзнію. Не медля ни минуты, беру почтовую карету и оставляю Оксфортъ. Состояніе мое во все продолженіе дороги было неописанно; приближаюсь къ замку, не смѣю поднять глазъ, боюсь увидѣть траурный гербъ (*)... Увы! этотъ

(*) Въ Англіи, по смерти знатнаго Господина, прибиваютъ обыкновенно къ воротамъ его дома фамильный гербъ, съ траурными украшеніями.

ужасный предметъ первый представился моему взору; сердце мое стѣснилось. И такъ мы навсегда разлучились! говорилъ я самому себѣ; напрасно буду ее призывать, напрасно буду надѣяться, что взоръ ея встрѣтится съ моимъ, что милый голосъ ея отзовется въ моей душѣ: она оставила меня навѣки, и никогда, никогда не возвратится! . . . Карета остановилась; я побѣжалъ на лѣсницу, нетерпѣливо желая увидѣть батюшку; мнѣ нужно было прижаться къ его сердцу, почувствовать себя въ его объятіяхъ, услышать его голосъ . . . . онъ сдѣлался для меня драгоцѣннѣе! Вхожу въ кабинетъ; онъ устремилъ на меня горестный, меланхолическій взглядъ; подалъ мнѣ руку; я бросился на колѣна; приложилъ ее къ сердцу, чувствовалъ, что она трепетала . . . . о! никогда, никогда не забуду этой минуты, въ которую увидѣлъ первую горесть отца моего! Цѣлый вечеръ провели мы въ разговорѣ о той, которую навсегда потеряли. Голосъ его дрожалъ, когда онъ описывалъ мнѣ послѣднюю минуту ея жизни и повторялъ послѣднія благословенія моей матери! Но взоры его воспламенились, когда онъ началъ говорить о милыхъ качествахъ ея сердца, о томъ блаженствѣ, которымъ наслаждался онъ въ теченіе всей ея жизни! Ахъ, естьли бы она

могла слышать послѣднія выраженія любви его!

11 *Іюня.* Нынче, когда мы садились обѣдать, я содрогнулся невольно, взглянувши на то мѣсто, которое матушка занимала обыкновенно за столомъ. Мнѣ прискорбно было видѣть на немъ другаго; я желалъ бы, чтобъ привычки драгоцѣнныхъ намъ людей не изчезали вмѣстѣ съ ними, но были, такъ сказать, хранимы нашимъ почтеніемъ къ ихъ памяти; я желалъ бы, чтобъ милые слѣды ихъ изглаживались постепенно; чтобы, не видя ихъ передъ собою, мы долго еще находили вокругъ насъ признаки минувшаго бытія ихъ. Не знаю, замѣтилъ ли батюшка мое чувство; но онъ отворотился и, садясь на прежнее мѣсто свое, сказалъ: „мой другъ! никто кромѣ жены твоей не будетъ занимать мѣста твоей матери; тогда уступлю тебѣ и свое; имѣніе наше сдѣлается общимъ; ты не будешь наслѣдникомъ отца, ты будешь дѣлиться съ истиннымъ своимъ другомъ; прежде смерти своей, увижу тебя главою семейства, и прежде смерти своей, узнаю, какимъ щастіемъ назначено тебѣ наслаждаться въ то время, когда меня не станетъ!“

Я слушалъ его съ нѣкоторымъ восхищеніемъ, и клялся въ душѣ никогда не за-

бывать такой любви, такого единственнаго, несравненнаго добродушія.

15 *Іюня.* Нынче я встрѣтилъ утро въ полѣ, на томъ самомъ пригоркѣ, съ котораго такъ часто смотрѣли мы на восходящее солнце вмѣстѣ съ матушкою. Душа моя наполнена была сладостнымъ унынїемъ. Каждое дерево, каждый кустъ напоминали мнѣ о щастливыхъ лѣтахъ моего младенчества. Нѣжныя заботы моей матери такъ неразлучны съ началомъ моей жизни, что нѣтъ для меня ни одного воспоминанїя въ прошедшемъ, съ которымъ не сливался бы въ душѣ моей незабвенный ея образъ. Я и она, она и я: вотъ все, что представляется моему воображенїю, когда начинаю думать о прошедшемъ! О вы нѣжныя, сладкїя чувства, которыя всегда старалась она поселить во мнѣ убѣдительными уроками любви, великодушное состраданїе, человѣколюбїе, пожертвованїе самимъ собою! никогда, никогда не покидайте моего сердца; руководствуйте мнѣ въ жизни, дабы я могъ угадывать и услаждать нещастїе! Слезы благодарности и чувства, не изсякайте никогда, но будьте сокрыты: люди наименовали васъ малодушїемъ.

24 *Іюня.* Батюшка вчера не ужиналъ, и мы разстались рано. Я вышелъ

въ поле, бродилъ задумавшись; излучистая рѣка привела меня въ прекрасный паркъ. Вхожу во внутренность рощи; луна ярко свѣтила; никогда небо не казалось мнѣ столь чистымъ и спокойнымъ; воздухъ былъ растворенъ запахомъ цвѣтовъ; я часто останавливался, вдыхалъ въ себя пріятное благовоніе; смотрѣлъ на небо; душа моя наполнена была самою нѣжною, самою сладкою унылостію; вѣтерокъ приносилъ ко мнѣ издалека тихіе звуки: пѣли меланхолической романсъ; приближаюсь къ хижинѣ, въ которой слышенъ былъ голосъ; прижавшись къ дереву, неподвижный, покрытый сумракомъ деревъ, не зная, въ какомъ мѣстѣ я находился, слышу одну гармонію милаго голоса, которой, казалось, летѣлъ съ неба, или долженъ былъ до него достигнуть; забываюсь, душа моя въ волненіи ... Голосъ умолкъ; послышалось множество другихъ, которые хвалили пѣвицу; мечта моя исчезла; похвалы сіи меня смутили; не знаю, какое чувство произвела въ моей душѣ незнакомка своимъ выразительнымъ пѣніемъ. Но я былъ на нее въ досадѣ; воображалъ, что она старалась блистать: искуство, думалъ я, открыло ей тѣ милые звуки, которые проникнули въ мое беззащитное сердце. Я удалился, и внутренно, по какому-то неясному для меня чувству,

радовался, что не видалъ въ лице этой женщины. Можетъ быть встрѣчу ее въ свѣтѣ, не подозрѣвая, что это она; можетъ быть опять буду ею очарованъ, не думая о тѣхъ похвалахъ, которыя и теперь еще непрїятнымъ образомъ отзываются въ моемъ слухѣ. Не хочу слышать ея романсовъ. Пускай она говоритъ: я увѣренъ, что голосъ ея трогателенъ и сладокъ.

Хижина окружена была розовыми кустами: я сорвалъ одну розу, и всякой разъ, когда звуки, болѣе нѣжные, трогали меня сильнѣе, вдыхалъ въ себя съ неизъяснимымъ удовольствїемъ ея запахъ. Возвратясь домой, замѣчаю при свѣчѣ, что роза еще у меня въ рукахъ; она перестала мнѣ нравиться; я бросилъ ее на столъ и легъ въ постель. Поутру нахожу, что она завяла, и начинаю объ ней сожалѣть; иду въ садъ, вижу розовые кусты, но почему, не знаю, множество цвѣтовъ въ одномъ мѣстѣ произвело во мнѣ впечатлѣнїе непрїятное! Замѣчаю въ сторонѣ уединенную розу; срываю ее, нюхаю, стараюсь возобновить тѣ самыя чувства, которыя производила во мнѣ вчерашняя моя роза; но все было не то; запахъ возбудилъ во мнѣ одно воспоминанїе, не возвративши мнѣ прежняго моего чувства:

я былъ одинъ, въ знакомомъ мѣстѣ и днемъ; въ рукахъ моихъ была только роза.

25 *Іюня.* Вчерашнее произшествіе оставило въ душѣ моей какое-то безпокойство, для меня неизъяснимое. Я цѣлой день думалъ объ ней; воображалъ милую душу, прелестное лице; этотъ восхитительный голосъ, который вчера казался мнѣ гармоніею небесныхъ жителей, безпрестанно звучалъ въ моемъ сердцѣ; но разбирая свои чувства, я наконецъ увѣрилъ себя, что этотъ самый голосъ произвелъ бы во мнѣ самое непріятное впечатлѣніе, когда бы изображалъ какое-нибудь веселое, живое чувство: онъ противорѣчилъ бы тогда меланхолическому расположенію души моей. Скажешь, что радость не должна скрываться во мракѣ, что можно раздѣлять ее только тогда, когда она видима: вчера, уединеніе, спокойствіе ночи, блѣдное сіяніе луны приготовили меня къ унынію; я былъ уже растроганъ, когда магическіе звуки потрясли мое сердце. Сія привлекательная гармонія, которая выражала любовь, произвела во мнѣ совсемъ новое чувство: теперь душа моя желаетъ, требуетъ любви! Но кто *она*? Гдѣ это прелестное существо? Далеко ли? Когда ее встрѣчу? И долго ли продолжится сія неизвѣстность?

1 *Іюля.* Я занимался ею безпрестанно, и не смѣя говорить съ батюшкою о моей встрѣчѣ, разсказалъ ему о своей прогулкѣ. По описанію моему онъ тотчасъ догадался, что я былъ въ паркѣ Лорда Сеймура, съ которымъ давно хотѣлось ему меня познакомить. Нынче послѣ обѣда приказалъ онъ заложить карету, и мы отправились къ Лорду Сеймуру.

Сколько разнообразныхъ чувствъ колебали мою душу во время дороги! „Почему знать, думалъ я, можетъ быть она была въ этомъ домѣ на одну только минуту? Я никогда не любилъ заводить новыхъ знакомствъ, и теперь ѣду къ Лорду Сеймуру — за чѣмъ же? Хочу увидѣть ту, которой можетъ быть уже нѣтъ въ его домѣ. Чтожь, естьли она здѣсь, и естьли одинъ взглядъ на нее разрушитъ всѣ мои мечты? Естьли наружность ея безобразна? — Безобразна! быть не можетъ! это лице должно быть восхитительно!“ Воображеніе представило мнѣ существо, украшенное всѣми прелестями юныхъ лѣтъ, выразительные взгляды, гибкой, величественный станъ, но вмѣстѣ и хитрости кокетства. Батюшка началъ со мною говорить; я не слыхалъ его словъ и отвѣчалъ ему разсѣянно. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально; я смѣшался; по щастію ка-

реша наша остановилась у Сеймурова замка, и онъ не имѣлъ времени сдѣлать мнѣ такого вопроса, на которой не могъ бы я скоро найти удовлетворительнаго отвѣта.

Лордъ Сеймуръ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ, повелъ въ гостиную и представилъ своему семейству. Не могу изъяснить своего безпокойства; я не смѣлъ поднять глазъ; боялся не найти той, которая одна была въ моемъ сердцѣ; но я увидѣлъ дочерей Лорда Сеймура, и всѣ мои сомнѣнія разсѣялись.

Мы входимъ въ гостиную. Съ правой стороны у камина сидѣла Милади Сеймуръ: казалось, что утомительная, медленная болѣзнь непримѣтно вела ее ко гробу; тѣлесное страданіе не обезобразило ея лица, миловиднаго и величественнаго. Она говоритъ очень пріятно; слабость голоса и то вниманіе, съ которымъ надобно вслушиваться въ каждое слово ея, придаютъ какую-то особенную прелесть ея выраженіямъ. Марія, младшая дочь Лорда Сеймура, сидѣла подлѣ нее; ни одна дочь не можетъ имѣть такого сходства съ своею матерью, какъ Марія. Застѣнчивость не позволяетъ ей говорить; но прекрасные глаза ея ищутъ вашихъ, когда вы сказали такое слово,

которое понравилось ей; естьлижь какое-нибудь выраженіе ваше, какой-нибудь странный вашъ поступокъ показались ей непонятными, она перестаетъ вѣрить своему чувству, смотритъ на мать, и глаза ея спрашиваютъ, имѣетъ ли она причину быть недовольною.

Марія, милая, привлекательная Марія! ты ли, или другая очаровала меня своимъ голосомъ, не знаю; и на что мнѣ знать! Можетъ быть не захотѣлъ бы я найти въ тебѣ такихъ восхитительныхъ талантовъ: хочу тебя любить, но боюсь очарованія. Милое, прелестное твореніе! сердце мое привязано къ тебѣ тою любовію, которую въ душѣ своей питаешь ты къ нѣжной матери, тѣми недостатками, которыми отличены отъ тебя твои сестры: каждое изъ ложныхъ достоинствъ ихъ придастъ новый блескъ твоимъ натуральнымъ качествамъ; я люблю тебя за эту тихую скромность, за это молчаніе, которое, кажется, одному только человѣку обѣщаетъ открытіе твоего сердца. Марія! не знаю, имѣешь ли ты богатство; но я увѣренъ, что ты благодѣтельна: естьли бѣдный не произноситъ съ любовію, съ благодарностію твоего имени, то я обманутъ самою сладостною, самою восхитительною мечтою.

Лордъ Сеймуръ сидѣлъ въ большихъ креслахъ по лѣвую сторону камина; у ногъ его спали двѣ собаки; онъ безпрестанно будилъ ихъ, ласкалъ, гладилъ, дергалъ за уши, короче, занимался только ими. Миссъ Сара, старшая дочь его, была одѣта въ охотничье платье; старалась казаться живою и забавною; смѣялась безъ причины; переходила съ мѣста на мѣсто; прыгала; со мною говорила объ однѣхъ собакахъ и лошадяхъ; называла меня *своимъ охотникомъ*, не удостоивъ освѣдомиться, люблю ли охоту и соглашусь ли скакать за нею по полямъ и рощамъ. Марія не вмѣшивалась въ наши разговоры. Я осмѣлился у нее спросить, хотя напередъ угадывалъ ея отвѣтъ, принимаетъ ли она участіе въ забавахъ Миссъ Сары? О нѣтъ! отвѣчала Сара съ насмѣшливою улыбкою, Марія никогда не выходила изъ тѣни нашего замка. — Правда, сказала Милади Сеймуръ, Марія всегда при мнѣ; она служитъ подпорою моей слабости, въ награду за то, что я пеклась о ея младенчествѣ. — Марія украдкою подняла глаза на небо и опустила ихъ на свою работу. Понимаю тебя, моя невинная Марія: ты передаешь небесамъ это чистое, священное сокровище — благодарность матери; но взоры твои, потупляемые съ такою непорочною скромностію, увѣряютъ меня,

что ты боишься оскорбить сестерѣ драгоцѣннымъ своимъ превосходствомъ.

Миссъ Сара начала гладить собакъ. Лордъ Сеймуръ поглядѣлъ на жену свою съ неудовольствїемъ. Всѣ молчали; въ эту минуту вошла Миссъ Индїана, сестра Лорда Сеймура, и Миссъ Эльмина, средняя дочь его. Меня представили имъ; онѣ обошлись со мною безъ всякаго особеннаго вниманїя; но батюшка возбудилъ его, сказавъ, что я недавно прїѣхалъ изъ Оксфорта. Миссъ Эльмина посмотрѣла на меня пристально — Боже мой! воскликнула она, вы вѣрно въ отчаянїи? Что можетъ замѣнить общество ученыхъ! Вамъ остается искать утѣшенїя въ однѣхъ книгахъ! — Марїя была въ замѣшательствѣ; Милади Сеймуръ казалась безпокойною; я замѣтилъ, что имъ непрїятно было странное педантство Эльмины, и отвѣчалъ ей сухо: простите меня, Миссъ Эльмина! ученымъ прїятнѣе всего забывать въ обществѣ любезныхъ людей свои книги. Она посмотрѣла на тетку свою съ видомъ удивленїя и жалости, и сдѣлала мнѣ нѣсколько вопросовъ, приличныхъ болѣе женщинѣ: признаюсь, что это маленькое мщенїе показалось для меня забавнымъ.

Ввечеру всѣ полуученые провинцїалы съѣхались въ замокъ. Эльмина была ду-

шею разговора. Марія сѣла разливать чай. Не знаю, почему такъ сильно желаешь, чтобъ всѣ отличали того человѣка, который нравился болѣе другихъ; но я досадовалъ внутренно на этихъ господъ, которые совсѣмъ не обращали вниманія на Марію; они говорили съ нею только тогда, когда надобно было принять отъ нее чашку — такое несправедливое пренебреженіе меня оскорбляло.

Сара и Лордъ Сеймуръ вышли; Милади приказала мнѣ сѣсть подлѣ себя: съ какимъ почтеніемъ, съ какимъ чувствомъ говорила она о моей матери! при каждомъ словѣ ея Марія вздыхала, взглядывала то на мать, то на меня, то на печальное мое платье: милая, утѣшительная жалость сіяла на ея лицѣ. Марія! тебѣ одной повѣрилъ бы я тоску своего сердца; ты одна, съ которою желалъ бы провесть то время нещастія, которое назначено для меня въ будущемъ опредѣленіемъ Промысла!

Чѣмъ больше вниманія оказывала мнѣ Милади Сеймуръ, тѣмъ съ большею учтивостію обходились со мною Индіана и Эльмина; но эта учтивость была смѣшана съ досадою. Наконецъ онѣ сдѣлались неотступны. Страждущая Милади,

будучи не въ состояніи долѣе выносить ихъ крика, попросила позволенія оставить общество; Марія подала ей руку, и онѣ удалились. Комната показалась мнѣ пустою; разговоръ сдѣлался для меня несноснъ; я упросилъ батюшку ѣхать, и съ радостнымъ торжествомъ ребенка вырвался изъ этого шумнаго, скучнаго круга.

8 *Іюля.* Вчера, по утру, Лордъ Сеймуръ и Миссъ Сара присылали меня звать съ собою на охоту. Я былъ увѣренъ, что Маріи съ ними не будетъ; желалъ остаться, но чувствовалъ, что мой отказъ не понравится Лорду и любимой его дочери; сверхъ того, удовольствія охоты казались мнѣ самымъ вѣрнымъ средствомъ сдѣлаться короче въ семействѣ Маріи; я согласился, признаюсь, съ досадою, но поминутно повторялъ себѣ: это для нее! нынѣшній день будетъ потерянъ! но завтра, но послѣ завтра, но въ слѣдующіе дни ты будешь съ Маріею! Пріѣзжаю; звукъ роговъ, шумныя восклицанія охотниковъ вселяютъ и въ меня какую-то живость; я раздѣляю общее удовольствіе; въ самомъ дѣлѣ, будучи занятъ одною Маріею, я забывалъ, что любилъ и собакъ и лошадей; но въ эту минуту прежняя моя страсть возобновилась съ новою силою. Миссъ Сара хотѣла, чтобы я ѣхалъ

подлѣ нее: мы познакомились, какъ будто вѣчно жили вмѣстѣ; я удивлялся ея пріятному виду, ея неустрашимости; самая дерзость ея мнѣ нравилась. Мы скакали безъ памяти: Сара казалась мнѣ воздушнымъ божествомъ. По нещастію лошадь ея споткнулась; она упала съ сѣдла; я кинулся къ ней на помощь, поднялъ ее, просилъ, чтобы она была осторожнѣе и не скакала такъ шибко; мнѣ хотѣлось, чтобы она хотя на минуту занялась тою опасностію, отъ которой имѣла щастіе избавиться; можетъ быть, я желалъ найти въ ней болѣе робости, болѣе той скромной слабости, которая такъ мила въ женщинѣ. Сара не поняла моего чувства; она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, громко засмѣялась и поскакала. Я сердился, она шутила надъ моею досадою, надъ моимъ безпокойствомъ; нарочно хотѣла меня испугать, и прыгнула черезъ ровъ, кланяясь мнѣ рукою съ насмѣшливымъ видомъ. Что за мысль приводить меня въ смущеніе? Конечно Сара отъ природы жива и вѣтрена? Можетъ быть, въ ребячествѣ забавлялись ея веселымъ нравомъ, и теперь Сара останется на всю жизнь и вѣтреною и слишкомъ шумною въ обхожденіи. Тѣ недостатки, которые мы сами почитаемъ любезными и хотимъ выказывать, подобны безобразію, слишкомъ замѣтному

отъ пышнаго наряда. — Охота кончилась. Лордъ Сеймуръ приближился къ намъ; мы ѣхали шагомъ; я гладилъ свою лошадь и разговаривалъ съ нею какъ съ другомъ: бѣдная тварь не знала, что неудовольствіе мое на Сару было единственною причиною такой необыкновенной ласки, и что, за нѣсколько минутъ, я не пожалѣлъ бы ее, стараясь опередить Сару на скачкѣ. Не тоже ли видимъ иногда въ свѣтѣ? говорилъ я самому себѣ. Тебя удивляетъ неожиданный знакъ вниманія: осмотрись, найдешь причину вблизи, въ какомъ нибудь постороннемъ чувствѣ удовольствія или досады.

Мы возвратились къ обѣду въ замокъ. Миссъ Индіана и Миссъ Эльмина сидѣли въ гостиной. „Вы насъ забыли" сказала первая Лорду Сеймуру. — Скажи лучше: вамъ было очень весело! — „Но вы знаете, что я люблю обѣдать рано." — Миссъ Индіана кашляла, морщилась, хотѣла казаться разслабленною, едва передвигала ноги, шаталась. Такое притворство мнѣ наскучило; я подалъ ей тотъ самой стулъ, съ котораго она только что встала; она посмотрѣла на меня съ удивленіемъ, поблагодарила довольно холодно, сѣла, называя себя умирающею. . . . „Вяну! . . . изчезаю!" говорила она поминутно, и ни-

жто не слушалъ ея плачевныхъ восклицаній. — Не безпокойтесь, шепнула мнѣ на ухо Сара, тетушкѣ хочется быть жалкою; часъ обѣда еще не близко. — Въ эту минуту вошла Марія; казалось, что я ожидалъ одного прихода ея, чтобы найти особенную прелесть въ томъ обществѣ, которое за минуту было для меня такъ пусто. Я съ безпокойствомъ угадывалъ, какое мѣсто выберетъ Марія: приближится ли ко мнѣ, удалится ли отъ меня, встрѣтятся ли глаза ея съ моими. Каждое движеніе Маріи наполняло меня и робостію и надеждою.

Марія подошла къ отцу: казалось, что робкимъ поклономъ своимъ просила она ласковаго взгляда, благосклоннаго слова. Лордъ Сеймуръ взялъ ее за руку и спросилъ: какова твоя мать? — Милая, милая Марія! безъ тебя отецъ твой былъ чужестранцемъ въ кругу семейства и въ собственномъ домѣ своемъ; тебя ожидалъ онъ, чтобы узнать о женѣ своей, о матери твоихъ сестеръ; ты одна исполняешь сію священную должность любви, сладостную, драгоцѣнную, которая одна украшаетъ тебя болѣе всѣхъ твоихъ прелестей. Взглянувъ на Марію, я вспомнилъ то время, когда и меня занимало щастіе матери; я сказалъ самому себѣ: что бы ни чувствовалъ ты въ сердцѣ своемъ

ѣъ Марїи, но мать твоя одну ее могла бы наименовать своею дочерью! — Пошли обѣдать; я по нещастїю сѣлъ далеко отъ Марїи. Послѣ стола не имѣлъ случая сказать ей ни слова: остатокъ дня проведенъ былъ очень скучно.

12 *Іюля.* Вчера, я очень рано пошелъ гулять, и, по обыкновенїю своему, прямо въ паркъ Лорда Сеймура. Приближаюсь къ маленькой хижинѣ, гдѣ въ первой разъ услышалъ голосъ Марїи: дверь была заперта. Розы стцвѣли. „Еще нѣсколько времени, подумалъ я, и на кустахъ не останется ни одного листа!“ Все приводило меня въ задумчивость. Я легъ на травку, думалъ о Марїи, спрашивалъ у самаго себя: какая неизъяснимая сила привлекала къ ней мою душу, въ которой соединено столько противностей? Мнѣ любить ее съ моимъ ревнивымъ, вспыльчивымъ, безпокойнымъ, взыскательнымъ, непостояннымъ характеромъ? Такъ, непостояннымъ! малѣйшїй недостатокъ Марїи можетъ меня отъ нее удалить; а совершенство покажется мнѣ утомительнымъ! Мнѣ предаваться любви? мнѣ, который такъ часто бывалъ несправедливымъ въ дружбѣ? Или Марїя сдѣлаетъ меня нещастнымъ, или я самъ сдѣлаюсь ея мучителемъ! Будетъ ли она

спокойна — воображу, что она равнодушна! покажется ли веселою при нашемъ свиданіи послѣ продолжительной разлуки — подумаю, что она не замѣтила моего отсутствія! найду ли ее печальною — она слишкомъ мало наслаждается моимъ возвращеніемъ; словомъ, я еще не люблю, но уже предвижу всѣ волненія, неразлучныя съ любовію.

Въ эту минуту показалась вдалекѣ Марія: она шла прямо къ хижинѣ; двѣ служанки несли за нею корзину съ цвѣтами. Увидя меня она покраснѣла. „Сара ѣздитъ въ манежѣ — сказала она — Эльмина проводитъ все утро свое въ библіотекѣ . . . . . Я хотѣла приготовить въ хижинѣ завтракъ для матушки; она любитъ это мѣсто . . . . . Мы думали, что здѣсь никого нѣтъ!“ — Марія покраснѣла болѣе прежняго, произнеся послѣднее слово. Что оно значитъ? Приглашаютъ ли меня остаться, или хотятъ, чтобы я удалился? — Какова Милади Сеймуръ? спросилъ я. — „Нынче ей лучше! погода такая прекрасная!“ Марія улыбнулась, и улыбка ея сказала мнѣ: останься.

Марія держитъ въ рукахъ ключь отъ хижины; отворяетъ дверь. О я ослѣплен-

ный! могу ли еще сомнѣваться въ моей любви къ Марїи? Сердце мое замираетъ отъ безпокойства, въ ожиданїи, что скажетъ мнѣ она: простится ли со мною, или позоветъ меня въ хижину? Она сама въ замѣшательствѣ: впускаетъ напередъ одну изъ своихъ женщинъ, потомъ другую; но теперь что она сдѣлаетъ? Естьли войдетъ одна, не сказавъ мнѣ ни слова; естьли забудетъ обо мнѣ, то я удалюсь и никогда, никогда ее не увижу! Но Богъ знаетъ, сколь тягостно это будетъ для моего сердца! Но естьли она меня пригласитъ, то буду ль доволенъ ея поступкомъ? не буду ли со временемъ обвинять ее въ неосторожности? Марїя! Марїя! или вся душа моя принадлежитъ уже тебѣ? Не я ли иногда клянусь, что ты будешь щастлива, какъ будто бы щастїе твое зависѣло отъ меня? И кому же повѣряю свои клятвы, безполезныя клятвы, которыхъ ты не слышишь? Самому себѣ, пламенной, безпокойной душѣ моей, суровому своему характеру, котораго боюсь, начиная узнавать любовь.

Марїя остановилась въ нерѣшимости; я смотрѣлъ на нее, прислонясь къ дереву. По щастїю, пришло мнѣ въ голову спросить, не ей ли принадлежала въ особенности эта хижина? — Я сама ее прибрала для ма-

тушки, отвѣчала Марія, и, какъ будто принявъ вопросъ мой за желаніе войти во внутренность хижины, посторонилась: вхожу; Марія слѣдуетъ за мною Разсматриваю мебели, картины, и между тѣмъ не теряю изъ глазъ Маріи: она разбираетъ цвѣты; украшаетъ ими чайный столикъ; ставитъ на него чашку — это для матери; ставитъ другую — это для себя; но Марія беретъ третью — конечно для меня, думаю, и отворачиваюсь, чтобы не дать замѣтить ей своего удоволствія; оно скоро исчезло: Марія долго смотрѣла на чашку, долго оборачивала ее въ рукахъ, обтирала и наконецъ опять поставила на каминъ; но по нѣжному, ей одной сродному и мнѣ только понятному чувству, сняла со стола и свою: все дѣлалось въ молчаніи, Марія не поднимала глазъ, и это молчаніе, и это безпокойство не были потеряны для моего сердца.

Скоро явилась Милади Сеймуръ. Марія живымъ удовольствіемъ своимъ, казалось, говорила мнѣ: теперь только могу радоваться твоему присутствію! и не дожидаясь приглашенія матери, опять сняла съ камина обѣ чашки, бывшія причиною невиннаго ея замѣшательства. Лади Сеймуръ предложила мнѣ завтракать вмѣстѣ

съ ними: я сѣлъ между ею и прелестною ея дочерью, и никогда не чувствовалъ такого чистаго, безмятежнаго щастія. Лади Сеймуръ казалась веселѣе обыкновеннаго. Говоря о вещахъ совсемъ неважныхъ, имѣла она въ голосѣ какую-то милую, трогательную выразительность, которая прямо лилась въ мою душу: казалось, что каждый изъ насъ понималъ ту тайну, которой не осмѣлился бы ни открыть, ни выслушать.

Послѣ завтрака, Лади Сеймуръ заставила Марію пѣть; при первомъ звукѣ голоса узналъ я тотъ самый романсъ, ту самую трогательную мелодію, тѣ меланхолическія слова, которыя за нѣсколько дней проникнули въ мое сердце. Я перемѣнился въ лицѣ: Милади, взглянувъ на меня, замѣтила перемѣну и съ чувствомъ спросила: конечно этотъ романсъ возбуждаетъ во мнѣ слишкомъ живо какое-нибудь нѣжное воспоминаніе? — Не музыка, отвѣчалъ я, но этотъ голосъ! — Она удивилась, глаза ея требовали объясненія; я описалъ свою вечернюю прогулку, и тотъ восторгъ, съ какимъ я слушалъ пѣніе Маріи, не знавши еще ее въ лице . . . . Въ глазахъ Милади Сеймуръ написано было удовольствіе; Марія краснѣла; но когда я сказалъ, что удалился

въ ту самую минуту, когда услышалъ похвалы и рукоплесканія, воскликнула: вѣрно это случилось въ тотъ самой вечеръ, когда сестрицы Арабелла и Люція у насъ ужинали! — Какъ же я обманулся, Марія! какъ заключенія мои были несправедливы! ея сестры! конечно подруги ея младенчества! одного съ нею возраста! Нѣтъ, Марія не можетъ быть кокеткою; она пѣла для того, что голосъ ея нравится милой матери. Марія! сердце мое принадлежитъ тебѣ; здѣсь, въ этой хижинѣ, смотря на твою мать и близь тебя, я вѣрилъ щастію! Но будешь ли раздѣлять живость моего чувства? будешь ли снисходительна къ моимъ странностямъ? Такъ, я былъ щастливъ! но въ туже минуту я чувствовалъ, что безпокойство и сомнѣніе овладѣли бы моимъ сердцемъ, когда бы хотя одно постороннее лице находилось тогда вмѣстѣ съ нами, когда бы я не былъ увѣренъ, что Марія совсемъ незнакома съ большимъ свѣтомъ.

20*го Іюля.* Какъ изобразить состояніе моего сердца? Нынѣ поутру я встрѣтился съ Маріею, въ деревнѣ; не смѣя подать ей руки, я шелъ съ нею рядомъ. Марія входила въ нѣкоторыя хижины, которыхъ обитатели существуютъ ея благотвореніями. Сердце мое трепетало отъ любви и радости, видя, какъ все благо-

словляло, какъ все боготворило Марїю! Каждый поступокъ ея имѣетъ особенную, ей одной принадлежащую прелесть. Привыкнувъ скрываться внутри своего семейства и не стараясь блистать, подобно сестрамъ, она боится малѣйшаго отличїя. Посмотрите на нее въ ту минуту, когда она окружена благодарными въ бѣдной хижинѣ: она краснѣетъ, внимая ихъ благословенїямъ; она велитъ имъ молиться за свою мать, которая одна, по ея словамъ, объ нихъ печется, одна благотворитъ имъ рукою своей дочери. Марїя! завтра придешь къ нимъ съ утѣшенїемъ и помощїю, и позабывъ о своихъ заботахъ, о своихъ слезахъ, которыя при мнѣ проливала ты надъ бѣдностїю и нещастїемъ, ты вмѣстѣ съ ними благословишь свою мать; ей одной принесешь въ даръ и любовь ихъ и благодарность и слезы!

Я смотрѣлъ на нее и говорилъ самому себѣ: это сердце не было никогда затворено для состраданїя. Все то, что могла сдѣлать добраго Марїя, конечно сдѣлано, и безъ малѣйшаго забвенїя, безъ малѣйшей разсѣянности. Всякая мысль ея непорочна; всякой поступокъ ея великодушенъ. Марїя! вчера любилъ я тебя невольно; теперь привязанъ къ тебѣ всѣми силами души: принадлежать тебѣ — есть

щастіе моей жизни; единственная, восхитительная моя надежда!

Выходя изъ деревни, Марія со мною простилась; я долго слѣдовалъ за нею глазами; она оборачивалась нѣсколько разъ и всегда ласковымъ знакомъ давала знать, что видѣла меня и надѣялась увидѣть. Приближившись къ повороту, на которомъ должна была она сокрыться отъ меня за рощею, Марія оборотилась въ послѣдній разъ, махнула мнѣ рукою, платкомъ, и изчезла; а я стоялъ неподвижно, смотрѣлъ на нее какъ на удаляющагося Ангела, который увлекалъ за собою всю мою душу; не могъ сойти съ мѣста, не смѣлъ за нею слѣдовать, и по мѣрѣ того какъ она изчезала, чувствовалъ въ душѣ своей возобновляющуюся горесть. О время будущаго, время неизвѣстное, невѣрное, которое никогда не являешься ни такимъ, какъ мы желаемъ, ни такимъ, какъ мы боимся' что ты мнѣ приготовило? По крайней мѣрѣ да не погибнутъ мои надежды, которыми сердце мое такъ щастливо . . . . и щастливо, быть можетъ, на одну минуту!

Я взглянулъ на послѣднее дерево, которое сокрыло отъ меня Марію, и сказалъ ему, какъ будто надѣясь, что оно

меня услышитъ: завтра буду ожидать ее на этомъ самомъ мѣстѣ; завтра, можетъ быть, долго буду смотрѣть на тебя, прежде нежели увижу мою Марїю! — Никогда, никогда не пройду мимо этого дерева безъ сладкаго воспоминанїя любви и скорби!

1 *Августа.* Нѣсколько разъ посѣщалъ я и хижину и деревню: Марїя со мною не встрѣчалась. Когда я вижусь съ нею у Лорда Сеймура, глаза ея слѣдуютъ за каждымъ моимъ шагомъ; взоръ ея внимаетъ каждому моему слову, отвѣтствуетъ на каждое мое выраженїе: но естьли подойду къ ней, то этотъ взоръ перемѣняется; глаза ея опущены, или избѣгаютъ встрѣчи съ моими, какъ будто опасаясь понимать меня .... Марїя! для чегожь принуждаешь меня угадывать каждую твою мысль и толковать каждый твой поступокъ? Для чего, милый другъ, отдалять то время, въ которое, открывъ мнѣ тайну души своей, ты скажешь: онъ меня знаетъ?

Нынче нашелъ я очень много гостей у Лорда Сеймура. Эльмина и Сара были одѣты по новой, безразсудной модѣ, которая похитила всѣ покровы у скромности, и не оставила почти ни одной преграды взорамъ желанїя. Марїя подражала

въ одеждѣ своимъ сестрамъ. Я не хочу ее оправдывать: но что почувствовалъ я, когда Марія, увидя меня, покраснѣла и тотчасъ завернулась въ шаль, которая лежала позади ее на креслахъ! Марія, сердце тебя не обмануло; взоръ мой есть взоръ любовника: и прежде меня была ты окружена мужчинами, но ты не замѣтила, что они на тебя смотрятъ. О всемогущество любви! я узнаю тебя въ этомъ непостоянствѣ моихъ впечатлѣній: вчера, можетъ быть, я не могъ бы вообразить Марію въ такой одеждѣ; черезъ минуту можетъ быть я сталъ бы укорять ее съ досадою; но въ ту минуту я наслаждался однимъ ея замѣшательствомъ. Чувства мои произведены ея простосердечіемъ, невинностію, нѣжными прелестями, робкою скромностію; но минута забвенія открыла мнѣ ея душу. Прощаю тебя, Марія! пускай, въ эту минуту, одежда твоя будетъ подобна одеждѣ обыкновенныхъ женщинъ; въ другое время, ты должна отличаться отъ нихъ во всемъ: и сердце и взоры мои должны всегда узнавать въ тебѣ одну Марію.

8 *Августа.* Нынче поутру батюшка спросилъ у меня, не хочу ли посѣтить нѣкоторыхъ сосѣдей? Я удивился; мнѣ казалось, что подлѣ насъ не могло быть

никого, кромѣ одной Марїи и семейства ея. Что со мною сдѣлалось? Не уже ли вселенная заключается для меня въ одной Марїи? Перечитываю свой журналъ: тѣ дни, въ которые не видалъ я Марїи, оставлены безъ замѣчанїя. Съ той самой минуты, въ которую узналъ я Марїю, всѣ мои мысли относятся къ ней; воспоминанїе о Марїи сливается съ каждымъ моимъ чувствомъ; между каждымъ предметомъ и мною блистаетъ восхитительный ея образъ!

Во время завтрака я и батюшка молчали; я видѣлъ, что онъ былъ смущенъ, и не смѣлъ спросить у него о причинѣ сего смущенїя; въ первый разъ еще въ жизни скрывалъ я отъ него свое чувство, а онъ не повѣрялъ мнѣ своего безпокойства. Я хотѣлъ выдти. „Артуръ! сказалъ онъ, ты часто ѣздишь къ Лорду Сеймуру?“ — Я отвѣчалъ движенїемъ головы! — „Дочери его очень милы.“ — Такой же отвѣтъ, хотя мнѣ непрїятно было, что онъ не отличилъ Марїи. — „Младшая нравится болѣе другихъ“ — Я началъ дышать свободнѣе. — „Жаль, что отецъ рѣшился не выдавать ее замужъ прежде старшихъ!“ — Не могу описать горестнаго своего чувства; казалось, что всѣ мои надежды разрушились вдругъ

отъ одного слова. Кто можетъ не предпочесть Марїю Эльминѣ и Сарѣ! Не думаетъ ли онъ, воскликнулъ я, что много найдется людей, способныхъ любить ученую Эльмину и вѣрить свое щастїе вѣтренной Сарѣ? — „Ты слишкомъ строгъ, и я бы сказалъ, что ты имѣешь какую-нибудь тайную причину быть строгимъ, когда бы не опасался противъ воли твоей обнаружить то чувство, котораго ты, можетъ быть, не хочешь открыть своему другу.“ — Противъ воли! не произносите никогда этого слова, батюшка! вы вѣрно проникнули во глубину моего сердца? — Онъ вздохнулъ. „Семейство Лорда Сеймура, прибавилъ онъ, раздѣлено на три сильныя, одна съ другою несогласныя партїи. Отецъ желѣетъ, что нѣтъ у него сына, и объявилъ рѣшительно, что онъ отдастъ и имя свое и фортуну тому, кто женится на Сарѣ. Миссъ Индїяна взялась воспитывать Эльмину, и дѣлаетъ ее по себѣ наслѣдницею. Лади Сеймуръ, принужденная уступить волѣ мужа, не могла участвовать въ воспитанїи Эльмины, и съ горестїю замѣчала его странность; сїя совершенно разстроила ея здоровье. Марїя, которою Лордъ Сеймуръ не занимался отъ безпечности, была единымъ ея прибѣжищемъ, утѣшенїемъ, надеждою. Милади воспи-

тывала ее съ дѣятельною попечительностїю просвѣщенной матери, которая, приводя къ совершенству моральныя добродѣтели, умѣетъ образовать и самыя дарованїя. Артуръ! я уважаю твой выборъ; но подумай, что въ этомъ семействѣ всѣ раздѣлены сильнымъ соперничествомъ, какъ дѣти, такъ и родители; хваля которую нибудь изъ дочерей, оскорбляешь необходимо всѣхъ другихъ; показывая привязанность къ одной, вооружаешь противъ себя остатокъ семейства. Но тотъ, кто выберетъ Марїю, непремѣнно затворитъ для себя ея домъ, усилитъ горесть Милади Сеймуръ, и будетъ причиною новыхъ гоненїй противъ невинной ея дочери." — Я посмотрѣлъ съ довѣренностїю въ глаза батюшки, и взявши его за руку сказалъ: или я ошибаюсь, или печальное состоянїе Марїи васъ тронуло! разсчеты интереса никогда не принудятъ васъ отнять у меня той, къ которой привязано мое сердце. – „Никогда! Умирающая мать твоя возложила на меня обязанность сдѣлать тебя щастливымъ; но, другъ мой, не бросайся въ семейство несогласное, суетное, разстроенное, гдѣ выгоды одного возбуждаютъ ненависть во всѣхъ." — Ахъ! Милади Сеймуръ и Марїя ни къ кому не чувствовали ненависти! — „Правда! но могутъ ли онѣ что-нибудь сдѣ-

лать для собственнаго или для твоего щастія?" — Батюшка, воскликнулъ я, поздно! — „Я это предвидѣлъ! я дурно сдѣлалъ, что, въ надеждѣ разсѣять твою горесть, познакомилъ тебя съ семействомъ Сеймура; чувствую, что я одинъ всему причиною." — А я одинъ буду нещастливъ! раздалось во глубинѣ моей души. Но я не обвиняю отца своего; напротивъ я съ нѣкоторою сладостію думаю, что сердце мое и безъ него узнало бы Марію; что сердце Маріи ожидало одного меня, чтобы начать чувствовать.

Пріѣхали гости: батюшка принялъ ихъ, и разговоръ нашъ пресѣкся; я долженъ былъ переломить себя, казаться веселымъ, но лице мое мнѣ измѣняло. Сколько неизвѣстнаго, сколько мучительнаго представлялось мнѣ въ будущемъ! Батюшка меня понималъ: мое нещастіе было въ его сердцѣ; онъ часто смотрѣлъ на меня выразительными глазами состраданія и съ трогательнымъ добродушіемъ; двадцать разъ подходилъ я къ окну, искалъ взорами отдаленнаго Сеймурова замка, сердце мое стѣснялось; но я имѣлъ твердость не видаться съ Маріею, и цѣлый день не отходилъ отъ батюшки. Прощаясь съ нимъ, мы обнялись. „Мой другъ! сказалъ онъ, ты самъ почувствуешь, когда возвратишся твое

спокойствіе, отъ какихъ горестей избавила тебя сія минута твердости.“ — Возвратится твое спокойствіе! слова сіи растерзали мою душу; я пожалѣлъ, что не былъ у Маріи. Не думаетъ ли онъ, что я уже отказался отъ любви, отъ щастія? Марія! Марія! одна мысль, что никогда тебя не увижу, привела меня въ трепетъ и я произнесъ клятву быть твоимъ навѣки!

9 *Августа.* Никогда не видать Маріи! — эта мысль представилась мнѣ прежде, нежели я открылъ глаза. *Не можетъ быть?* воскликнулъ я, какъ будто сражаясь съ силою, которая хотѣла разлучить меня съ самимъ собою. Звукъ моего голоса меня разбудилъ; бросаюсь съ постели; бѣгу къ окну, изъ котораго видѣнъ паркъ Сеймуровъ; долго смотрю на него, опершись на балконъ, неподвижный, съ наружнымъ спокойствіемъ, но внутренно волнуемый бурею страсти. Я думалъ объ *ней*, видѣлъ ее передъ собою: она казалась мнѣ существомъ божественнымъ; я клялся ее любить . . . . . что я говорю любить! ей отдать свою душу и жизнь, существовать для ея щастія, жить для того, чтобы украсить милую жизнь ея. . . . . Таковы были мои надежды! О неизвѣстность будущаго! ужели должны онѣ не исполниться?

Я цѣлый день не видался съ батюшкою. Могъ ли признаться ему, что хочу опять увидѣть Марїю? Но какоежь нашелъ онъ средство удалить меня отъ Марїи? Сказать, что она нещастна; сказать, что она гонима.

Прїѣзжаю въ замокъ Сеймуръ, и нахожу, что все семейство сбирается въ Батъ на скачку; въ досадѣ, что не могу свободно говорить съ Марїею, рѣшаюсь провесть тотъ день вмѣстѣ съ нею. Послѣ скачки данъ великолѣпный обѣдъ и балъ. Для женщинъ приготовлена была палатка; онѣ шли въ нее толпою; нѣсколько цыганокъ, съ прекрасными, одѣтыми въ рубище дѣтьми, стояли у входа и просили милостыни. Ихъ не удостоивали даже отказа, шли мимо, не слушая ихъ вопля, не обращая на нихъ глазъ. Марїя, прислонившись къ дереву, ждала, чтобы это блестящее общество разсѣялось. и не удивлялась жестокому его равнодушїю. Увидя меня, она поклонилась мнѣ съ большимъ противъ обыкновеннаго удовольствїемъ, съ милою, дружескою улыбкою. Засмотрѣвшись на Марїю, я не замѣтилъ нищихъ. Лордъ Сеймуръ, Эльмина и Сара уже прошли: Марїя была въ нерѣшимости; хотѣла и не хотѣла идти; я замѣтилъ въ глазахъ ея прискорбїе, смѣшанное съ

удивленіемъ, но оно тотчасъ для меня объяснилось, когда я увидѣлъ вокругъ нее нещастныхъ и почувствовалъ, что ей хотѣлось подать имъ помощь. Я далъ гинею бѣдной женщинѣ, которая была къ намъ ближе, и въ эту минуту маленькая дѣвочка, дочь ея, воскликнула обратясь къ Маріи: ты правду говорила, что придетъ *такой человѣкъ*, который намъ поможетъ. Марія покраснѣла и сказала съ усмѣшкою: странная мода ходить безъ кармановъ лишаетъ иногда способа сдѣлать доброе дѣло — „Марія! спросилъ я у нее въ полголоса, меня ли вы ожидали? на меня ли вы надѣялись?“ — Она потупила глаза и не отвѣчала ни слова; но это безмолвіе не есть ли признаніе? Въ восхищеніи, бросилъ я полный кошелекъ въ фартукъ Цыганки, говоря: не забывай этого дня; онъ есть день щастія! — Марія закрыла глаза рукою, и не говоря ни слова, пошла въ палатку; тамъ увидѣли мы Эльмину, окруженную мущинами и женщинами; она объясняла имъ происхожденіе Цыганъ, и съ важностію разбирала этимологію ихъ имени.

Сара спросила у нее: могутъ ли Цыганки предсказывать будущее? — Эльмина посмотрѣла на нее сурово. Надѣюсь, сказала она, что ты не имѣешь такого

грубаго суевѣрія. Правда, что бубны, въ которыя и нынче еще стучатъ эти бродяги, таковы точно, какія употребляли Индѣйскіе жрецы при своихъ волшебствахъ и предсказаніяхъ; ихъ хиромантія есть выдумка Индійцевъ, и самое имя Цыганы доказываетъ, что они происходятъ изъ страны Цингана, которая находится на берегахъ Инда. — Сара, которая сама завела сестру свою въ такое ученое разсужденіе, была не въ силахъ его дослушать, ушла и скоро возвратилась, ведя за собою четырехъ самыхъ старыхъ и безобразныхъ *волшебницъ*. Молодые мущины и дѣвушки ахнули отъ удивленія: они не могли видѣть равнодушно такого безобразія. Сара забавлялась своею выдумкою и первая подала руку отгадчицамъ: онѣ предсказали ей знатность, богатство, удовольствія, словомъ, все, что въ свѣтѣ называютъ щастіемъ. Эльмина морщилась, и никакъ не согласилась принять участія въ этой шуткѣ. Марія, привыкнувъ повиноваться сестрамъ съ перваго слова, сняла перчатку по прозьбѣ Сары, и подала прекрасную руку свою Цыганкѣ. Ахъ! сказали ей вдругъ всѣ четыре: „*одинъ!* тотъ, который такъ жалостливъ, къ бѣднымъ, будетъ твоимъ мужемъ“ — Марія поспѣшила надѣть перчатку. *Одинъ!* воскликнула Сара. *Одинъ!* повторили мущины,

Кто этотъ одинъ? гдѣ этотъ щастливецъ? Но въ обществѣ никто не замѣтилъ, что я подалъ милостыню Цыганкѣ, и слѣдственно никому не пришло въ голову сказать, что этотъ неизвѣстный былъ я.

О! какъ наслаждался я смущеніемъ Маріи! Она краснѣла, блѣднѣла, взглядывала не меня и опускала глаза съ такимъ волненіемъ, что ей невозможно было не измѣнить своему чувству. Я имѣлъ силу отъ нее удалиться; за то не отводилъ отъ нее глазъ ни на минуту. О какъ была она мнѣ драгоцѣнна! Черезъ нѣсколько времени нашелъ я ее одну; приближился: Марія! сказалъ я, запретите ли мнѣ быть суевѣрнымъ? позволите ли мнѣ надѣяться того щастія, которое мнѣ предсказано? — Два раза хотѣла она отвѣчать, и два раза не могла найти ни одного слова. Я осмѣлился говорить о моей любви, о нѣжной, непорочной любви, которую все усиливаетъ, которая съ каждымъ взглядомъ на милое, невинное лице ея становится непорочнѣе и чище. Марія слушала меня въ нерѣшимости; вздыхала; въ глазахъ ея изображалось уныніе. — „Марія! не ужели не вѣрите вы моимъ чувствамъ?“ — Она продолжала молчать; я не могъ вынести сего молчанія. — „Марія, Марія! хотя изъ жа-

лости отвѣчайте мнѣ: вѣрители вы моему сердцу?“ — Я родилась нещастною! сказала она съ трепетомъ — милыя, сладостныя слова, которыя сильно отозвались въ моемъ сердцѣ; онѣ заключали въ себѣ судьбу моей жизни: Марія сомнѣвается въ любви моей только потому, что почитаетъ себя рожденною на нещастіе! О какъ мучительно слышать такое признаніе въ присутствіи тысячи свидѣтелей, не броситься къ ногамъ ея, не цѣловать ихъ, не обливать слезами! Я увидѣлъ идущую къ намъ Сару, и только успѣлъ сказать Маріи: никогда не будешь нещастною! — Какая-то сердечная унылость разлилась по лицу ея; она вздохнула изъ глубины сердца, удалилась медленно; я послѣдовалъ за нею глазами; одинъ молодой человѣкъ позвалъ ее танцовать; она согласилась, и согласилась для того, что боялась моихъ взоровъ, боялась собственныхъ своихъ размышленій.

О Марія! что причиною твоего унынія? Упрекаешь ли себя въ томъ, что я такъ щастливъ? Боишься ли отца своего и сестеръ? Милый другъ! я усмирю свое высокомѣріе и свою пылкость; я въ состояніи сносить для тебя ихъ несправедливость; твой образъ будетъ передо мною; милыя добродѣтели моей Маріи будутъ хранителями моего сердца!

Съ какимъ удовольствїемъ, съ какимъ обновленнымъ чувствомъ я слѣдовалъ за каждымъ ея движенїемъ, за каждымъ ея шагомъ! Она меня любитъ! она будетъ сопутницею, очарованїемъ моей жизни! О! какимъ именемъ назову тебя, первый взглядъ, слѣдующїй за первымъ признанїемъ — первый взглядъ, въ которомъ душа говоритъ: я буду твоею!

(Окончанїе въ слѣдующемъ Номерѣ.)

II.

Христїянское увѣщанїе,

(на счетъ молодой дѣвушки, которая называется Вѣрою.)

Хотите ль въ рай, мои друзья?
Благому слѣдуйте примѣру:
Молитесь Богу такъ, какъ я;
И сердцемъ обожайте — Вѣру!

С . . . нъ.

III.

Людмилла,
Руская Баллада (*).

„Гдѣ ты, милый? Что съ тобою?
Съ чужеземною красою
Знать въ далекой сторонѣ
Измѣнилъ, невѣрный, мнѣ?
Иль безвременно могила
Свѣтлый взоръ твой угасила?“
Такъ Людмилла, приунывъ,
Къ персямъ очи преклонивъ,
На распутіи вздыхала.
„Возвратится ль онъ — мечтала —
Изъ далекихъ, чуждыхъ странъ,
Съ грозной ратію Славянъ?“

Пыль туманитъ отдаленье!
Свѣтитъ ратныхъ ополченье!
Топотъ, ржаніе коней!
Трубный трескъ и стукъ мечей!
Прахомъ панцыри покрыты!
Шлемы лаврами обвиты!
Близокъ, близокъ ратныхъ строй! —
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны!
„Все забыто: возвращенны!“ —
А Людмилла? Ждетъ-пождетъ:
„Тамъ дружину онъ ведетъ!

(*) Подражаніе Биргеровой *Леонорѣ*.

„Сладкій часъ — соединенье!“ —
Вотъ проходитъ ополченье!
Миновался рашныхъ строй!
Гдѣжь, Людмилла, твой герой?
Сладость - щастье, ты увяло!
Жизнь - любовь, тебя не стало!
Радость! гибни, друга нѣтъ! —
Тихо въ теремъ свой идетъ,
Томно голову склонила:
„Разступись, моя могила!
Гробъ откройся! полно жить:
Дважды сердцу не любить!“

„Что съ тобой, моя Людмилла?
Нѣжна матерь возопила,
О! спокой тебя Творецъ!“
— Милый другъ, всему конецъ!
Что прошло — невозвратимо!
Небо къ намъ неумолимо,
Царь небесный насъ забылъ!
Мнѣль Онъ щастья не сулилъ?
Гдѣжь обѣтовъ исполненье?
Гдѣ святое Провидѣнье?
Нѣтъ! немилостивъ Творецъ!
Все прости, всему конецъ! —

„О Людмилла! грѣхъ — роптанье!
Скорбь — Создателя посланье:
Зла Создатель не творитъ!
Мертвыхъ стонъ не воскреситъ!“
— Ахъ, родная, миновалось!
Сердце вѣрить отказалось!

Аль, съ надеждой и мольбой,
Предъ Иконою святой,
Не точила слезъ ручьями?
Нѣтъ, безплодными мольбами
Не призвать минувшихъ дней!
Не цвѣсти душѣ моей!

Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежнихъ лѣтъ краса!
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимыхъ?
Возвращуль — невозвратимыхъ?
„Царь небесъ, то скорби гласъ!
Дочь, воспомни смертный часъ!
Краткo жизни сей страданье!
Рай — смиреннымъ воздаянье,
Адъ — бунтующимъ сердцамъ!
Будь послушна Небесамъ!“

— Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
Съ милымъ вмѣстѣ — всюду рай!
Съ милымъ розно — щастья край
Горькихъ горестей обитель!
Нѣтъ, забылъ меня Спаситель! —
Такъ Людмилла жизнь клята,
Такъ Творца на судъ звала. . . . .
Вотъ ужь солнце за горами;
Вотъ усыпала звѣздами
Ночь спокойный сводъ небесъ;
Мраченъ долъ и мраченъ лѣсъ.

Вотъ и мѣсяцъ величавой
Всталъ надъ тихою дубравой:
То изъ облака блеснетъ,
То за облако зайдетъ.
Съ горъ простерты длинны тѣни,
И лѣсовъ дремучихъ сѣни,
И зерцало зыбкихъ водъ,
И небесъ далекій сводъ
Въ свѣтлый сумракъ облеченны!
Спятъ пригорки отдаленны,
Боръ заснулъ, долина спитъ . . . . .
Чу! полночный часъ звучитъ!

Потряслись дубовъ вершины!
Вотъ, повѣялъ изъ долины
Перелетный вѣтерокъ . . . . .
Скачетъ по полю ѣздокъ:
Борзый конь и ржетъ и пышетъ!
Вдругъ . . . идутъ, Людмилла слышитъ,
На чугунное крыльцо . . . .
Тихо брякнуло кольцо . . . . .
Тихимъ шопотомъ сказали:
(Всѣ въ ней жилки задрожали;
То знакомый голосъ былъ:
То ей милый говорилъ)

— Спитъ иль нѣтъ моя Людмилла?
Помнитъ друга, иль забыла?
Весела, иль слезы льетъ?
Встань, женихъ тебя зоветъ! —
„Тыль? Откуда въ часъ полночи?
Ахъ! едва прискорбны очи

Не потухнули отъ слезъ!
Знать тронулся Царь небесъ
Бѣдной дѣвицы тоскою?
Точноль милый предо мною?
Гдѣ блуждалъ? Какой судьбой
Ты опять въ странѣ родной?"

— Близь Наревы домъ мой тѣсный!
Только мѣсяцъ поднебесный
Надъ долиною взойдетъ,
Лишь полночный часъ пробьетъ —
Мы коней своихъ сѣдлаемъ,
Темны кельи покидаемъ!
Поздно я пустился въ путь!
Ты моя, моею будь!
Чу! Совы пустынной крики!
Слышишь? Пѣнье, брачны лики!
Слышишь? Борзый конь заржалъ!
Ѣдемъ, ѣдемъ, часъ насталъ! —

„Переждемъ хоть время ночи:
Вѣтеръ всталъ отъ полуночи,
Хладно въ полѣ, боръ шумитъ,
Мѣсяцъ тучами закрытъ."
— Вѣтеръ буйный перестанетъ,
Стихнетъ боръ, луна проглянетъ!
Ѣдемъ: намъ сто верстъ ѣзды!
Слышишь? Конь грызетъ бразды!
Бьетъ копытомъ съ нетерпѣнья!
Мигъ намъ страшенъ замедленья!
Краткій, краткій данъ мнѣ срокъ!
Ѣдемъ, ѣдемъ; путь далёкъ! —

„Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила;
Слышишь? Колоколъ гудитъ.“
— Вѣтеръ стихнулъ, боръ молчитъ!
Мѣсяцъ въ водный токъ глядится!
Мигомъ борзый конь домчится! —
„Гдѣжь, скажи, твой тѣсный домъ?“
— Тамъ, въ Литвѣ, краю чужомъ:
Хладенъ, тихъ, уединенный,
Свѣжимъ дерномъ покровенный:
Саванъ, крестъ и шесть достокъ!
Ѣдемъ, ѣдемъ; путь далёкъ! —

Мчатся всадникъ и Людмилла.
Робко дѣва обхватила
Друга нѣжною рукой,
Приклонясь къ нему главой.
Скокомъ, лётомъ по долинамъ,
По горамъ и по равнинамъ!
Пышетъ конь — земля дрожитъ;
Брызжутъ искры отъ копытъ;
Пыль катится въ слѣдъ клубами;
Скачутъ мимо ихъ рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
Съ громомъ зыблются мосты.

— Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится,
Мертвый съ дѣвицею мчится:
Путь ихъ къ кельѣ гробовой!
Страшноль, дѣвица, со мной? —
„Что до мертвыхъ? Что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба!“

— Чу! въ лѣсу потрясся листъ!
Чу! въ глуши раздался свистъ!
Чорный воронъ встрепенулся!
Вздрогнулъ конь и отшатнулся!
Вспыхнулъ въ полѣ огонёкъ! —
„Близколь, милый?“ — Путь далёкъ! —

Слышутъ шорохъ тихихъ тѣней:
Въ часъ полунощныхъ видѣній,
Въ дымѣ облака, толпой,
Прахъ оставя гробовой
Съ позднимъ мѣсяца восходомъ,
Легкимъ, свѣтлымъ хороводомъ,
Въ цѣпь воздушную свились,
Вотъ за ними понеслись!
Вотъ поютъ воздушны лики . . . . .
Будто въ листьяхъ повилики
Вьется лёгкій вѣтерокъ,
Будто плещетъ ручёкъ!

— Свѣтитъ мѣсяцъ, долъ сребрится,
Мертвый съ дѣвицею мчится:
Путь ихъ къ кельѣ гробовой!
Страшноль, дѣвица, со мной? —
„Что до мертвыхъ? Что до гроба?
Мертвыхъ домъ земли утроба!“
— Конь, мой конь! бѣжитъ песокъ! (*)
Чую ранній вѣтерокъ!
Конь, мой конь! быстрѣе мчися:
Звѣзды утренни зажглися!

(*) Въ песочныхъ часахъ.

Мѣсяцъ въ облакѣ потухъ!
Конь! мой, кричитъ пѣтухъ! —

„Близколь, милый?“ — Вотъ примчались! —
Слышутъ: сосны зашатались!
Слышутъ: спалъ съ воротъ запоръ!
Борзый конь стрѣлой на дворъ!
Что же, что въ очахъ Людмиллы?
Камней рядъ, кресты, могилы,
И среди ихъ Божій храмъ!
Конь несется по гробамъ!
Стѣны звонкій вторятъ топотъ,
И въ травѣ чуть-слышный шопотъ
Мнится мертвыхъ тихій гласъ! . . .
Вотъ денница занялась!

Что же чудится Людмиллѣ?
Къ свѣжей конь примчась могилѣ,
Бухъ въ нее и съ сѣдокомъ!
Вдругъ — глухой подземный громъ!
Страшно доски затрещали;
Кости въ кости застучали,
Пыль взвилася; обручь хлопъ!
Тихо, тихо вскрылся гробъ! . . .
Что же, что въ очахъ Людмиллы? . . .
Ахъ, невѣста, гдѣ твой милый?
Гдѣ вѣнчальный твой вѣнецъ?
Домъ твой — гробъ; женихъ — мертвецъ!

Видитъ трупъ оцѣпенѣлый!
Прямъ, недвижимъ, посинѣлый!

Длиннымъ саваномъ обвитъ!
Страшенъ милый прежде видъ:
Впалы мертвыя ланиты;
Мутенъ взоръ полуоткрытый;
Руки сложены крестомъ.
Вдругъ . . . привсталъ . . . манитъ перстомъ:
„Конченъ путь! ко мнѣ, Людмилла!
„Намъ постель — темна могила!
„Завѣсъ — саванъ гробовой!
„Сладко спать въ землѣ сырой!

Чтожь Людмилла? . . . Каменѣетъ;
Меркнутъ очи; кровь хладѣетъ;
Пала мертвая на прахъ!
Стонъ и вопли въ облакахъ!
Визгъ и скрежетъ подъ землёю!
Вдругъ усопшіе, толпою,
Потянулись изъ могилъ;
Тихій, страшный хоръ завылъ:
„Смертныхъ ропотъ безразсуденъ!
„Царь Всевышній правосуденъ!
„Твой услышалъ стонъ Творецъ!
„Часъ твой билъ — насталъ конецъ!

Ж.

IV.

Что есть жизнь?

(Пѣсня въ кругу друзей.)

Жизнь смертныхъ тяжелое бремя!
Страданіе — участь людей!
Надѣйся на будуще время,
А слезы украдкою лей! —

Печали вездѣ за тобою;
Готовься, хоть радъ, хоть не радъ!
Не воленъ ты самъ надъ собою:
Споткнешься въ дорогѣ стократъ!

Пусть такъ! но дружества чувство
Утѣха сердцамъ молодымъ!
Ахъ! дружба — Придворныхъ искуство!
Мы часто обмануты имъ!

Коль выгоды видятъ — ласкаютъ;
Нѣтъ выгоды — знать не хотятъ;
Царей и Вельможь презираютъ,
Какъ скоро пропалъ ихъ парадъ!

Любовь — утѣшенье нещастнымъ!
Такъ думали люди всегда.
Ахъ! можно ли вѣрить прекраснымъ?
Имъ вѣрить, не вѣрить — бѣда!

Кто любитъ не ложно, сердечно, —
Насмѣшки, мученье найдетъ!
Живущій безъ страсти, безпечно,
Не дышетъ, но камнемъ живетъ!

Въ Вельможи хотите добиться?
Но что же вамъ прибыли въ томъ?
Вельможѣ почасту не спится;
Ставъ знатнымъ, онъ сталъ всѣмъ врагомъ!

Сего дни, какъ башня, возвышенъ;
А завтра — на улицѣ прахъ!
Сего дни величественъ, пышенъ;
А завтра — лежитъ на Филахъ!

Ученый ученьемъ гордится!
Но гдѣ же? — Въ передней глупцовъ!
За дальнія сферы стремится,
А дома не видитъ угловъ!

Всѣ мудрые — вольности дѣти;
А въ нихъ-то и низость и бой!
Другъ другу коварство и сѣти!
Съ слѣпыми самъ будешь слѣпой!

Герой на войнѣ побиваетъ
За странное слово, за честь!
Минута — онъ всѣхъ поражаетъ!
Минута — къ женѣ его вѣсть:

„Супругъ твой погибъ на сраженьѣ!“
Скажитежь, чего онъ искалъ? —
О ложныхъ честей обольщенье!
Равны: кто разбилъ и кто палъ!

Богатый для свѣтлаго злата
Полвѣка и ползъ и не спалъ;
Какая же низости плата?
Златымъ истуканомъ онъ сталъ!

На карты, на вина, на пиво,
Всемощный, онъ таксу даетъ;
А сердца заботамъ — о диво!
Онъ таксы прямой не найдетъ.

Друзья! отъ чего міръ негоденъ,
По той же причинѣ — хорошъ.
Здѣсь всякой на выборъ свободенъ:
Что сѣешь, то ты и пожнёшь.

Ни знати, ни злата, ни власти
Намъ Богъ не хотѣлъ даровать;
Но вмѣстѣ намъ не далъ и страсти
Излишняго въ жизни желать.

Онъ далъ намъ спокойство и скромность,
И маленькой умъ для себя,
Веселье и горести томность —
Не много дала намъ судьба!

Онъ далъ намъ безцѣнную радость:
Немногое вмѣстѣ дѣлить;
И сильнымъ безвѣстную сладость:
Въ посредственномъ всё находить.

О братья! сплетемся руками!
Пойдемъ въ предназначенный путь!
Когдажь утомимся играми,
Онъ дастъ намъ могилу — заснуть.

Для будущей жизни, прекрасной —
Тамъ тѣ же намъ чувства питать;
Тамъ станемъ, какъ здѣсь, мы согласно
Одною любовью дышать!

Мрзлко.

V.

Парикмахеръ

въ своемъ ученомъ кабинетѣ.

Одному изъ знакомыхъ моихъ надобно было остричься: я проводилъ его къ лучшему Парижскому парикмахеру, который принялъ насъ въ прекрасной маленькой галлереѣ, украшенной множествомъ бюстовъ, Греческихъ, Римскихъ, Французскихъ, и началъ съ важностію осматривать голову моего знакомца, просилъ

его поворотиться налѣво, направо, посмотрѣть на небо, въ землю, въ окно, улыбнуться, разсердиться, взглянуть со вниманіемъ на картину, на которой представленя была нагая женщина, пройтись по горницѣ, протанцовать, утереть носъ платкомъ. Парикмахеръ бѣгалъ вокругъ него съ лорнетомъ смотрѣлъ, присѣдалъ, изгибался; наконецъ, по нѣкоторомъ размышленіи, сказалъ: теперь я доволенъ, милостивый государь! знаю, чего вамъ надобно; мы сдѣлаемъ искусную смѣсь Тита съ Каракаллою и Альцибіадомъ. Этотъ хохолъ Титовой головы полонъ добродушія; но чувствую, что съ нимъ полезно смѣшать этотъ угрюмый вихоръ Каракаллы, и двѣ или три забавныя букли Альцибіада... Вы будете несравненны! — Въ эту минуту господинъ парикмахеръ взглянулъ нечаянно на мою голову; въ глазахъ его изобразилась досада, и я понялъ, что прическа моя была весьма далека отъ совершенства. Позвольте, милостивый государь! — сказалъ онъ, приподымая передніе мои волосы — Возможно ли! нѣтъ ни одного ученаго хохла! ни одного! Какой Вандалъ обезобразилъ такъ прекрасные ваши волосы? Это ужасно! Въ три мѣсяца я могъ бы поправить эту ошибку; вы имѣете желтый цвѣтъ лица, государь мой — истин-

ный цвѣтъ древности! безобразїе прелестное! Надобно только, чтобы въ расположенїи вашихъ вихровъ сохранена была величественная простота и вмѣстѣ съ нею нѣкоторое мужество Черные ваши глаза приводятъ въ восхищенїе, а черные волосы приводятъ въ ужасъ — смѣсь удивительно щастливая! Теперь чувствуете ли, что надобно помѣстить въ хохлѣ вашемъ часть Ювенала, Тиверїя и крошечку Тита? это будетъ несравненно! — Я не могъ отворить рта отъ удивленїя. По щастїю моему въ эту самую минуту вбѣжалъ молодой человѣкъ, запыхавшись, съ бюстомъ въ рукахъ. „Нашелъ! нашелъ! кричалъ онъ безъ памяти; это онъ! нашъ Антиной! Поздравь меня, любезный Пикаръ!" Пикаръ подошелъ съ важностїю къ Антиною: долго, съ большимъ вниманїемъ его разсматривалъ; обвелъ концемъ своихъ ножницъ его волосы; наконецъ сказалъ: прекрасно! не льзя лучше! оставьте у меня эту голову; я сдѣлаю нужныя наблюденїя, и завтра послѣ обѣда непремѣнно буду у васъ. — Замѣть, воскликнулъ молодой человѣкъ, этотъ нѣжный хохолъ! Не правда ли, что онъ хорошъ удивительно? А эти крупныя кудри? Не правда ли, что онѣ плѣняютъ своею живостїю, чувствительностїю, остротою?

Но этотъ вихорь, признаюсь, долженъ уступить другимъ въ совершенствѣ! я замѣчаю въ немъ болѣе распутства, нежели сладострастія. Смотри однако, Пикарь, какъ искусно Артистъ, перемѣшавъ его съ этимъ задумчивымъ вихромъ, избѣжалъ непостоянства, или лучше сказать вѣтренности, которыя, безъ этаго благоразумнаго смѣшенія, были бы неминуемы! — „Чувствую, чувствую! — воскликнулъ мой Пикарь въ восторгѣ — и завтра, милостивый государь, ваша голова будетъ совершеннѣйшимъ произведеніемъ моихъ ножницъ!“

(Съ Франц.)

VI.

Изъясненіе картинки.

Любовь, разлученная съ Юностію и Граціями, забываетъ въ объятіяхъ Дружбы оскорбленія Времени. Время, представленное въ видѣ крылатаго и угрюмаго старика, ломаетъ Амуровъ лукъ; стрѣлы уже изломаны; факелъ гаснетъ. Амуръ, прелестное божество, лишенный крылъ (эмблема непостоянства), безъ сожалѣнія жертвуетъ ими Вѣрности (собака, обрывающая крылья), и проливаетъ слезы въ объятіяхъ Дружбы, которая

старается утѣшить его сострадательнымъ своимъ взоромъ; она сидитъ у гроба: знакъ неизмѣняемости въ чувствахъ, которыя не могутъ угаснуть и въ самой вѣчной разлукѣ. Вдали видны Юность и Граціи — онѣ удаляются, плывя по теченію рѣки, въ легкомъ суднѣ: пріятная аллегорія измѣняющейся жизни! Картина сія писана Живописцемъ Карафомъ.

ПОЛИТИКА.

VII.

Взглядъ на Исторію и Статистику Швеціи.

Естьли будемъ говорить о томъ времени, въ которое Швеція раздѣлена была на множество малыхъ провинцій, принадлежавшихъ каждая особенному владѣльцу, и послѣ соединенныхъ подъ одну державу: то Швеція принадлежитъ къ самымъ древнимъ Государствамъ Европы. Еще въ осьмомъ вѣкѣ Ингіальдъ поработилъ всѣхъ малыхъ Королей Швеціи, сдѣлался единственнымъ ея правителемъ, и всѣ провинціи подчинилъ Іарламъ, или Графамъ, которые владычествовали ими во имя Ингіальда. Но Швеція вступила въ политическій кругъ Европейскихъ Монархій не прежде, какъ при Густавѣ Вазѣ. По многимъ кровопролитнымъ войнамъ, три народа, населяющіе Скандинавскій сѣверъ, соединены были въ одинъ (1397) Кальмарскимъ союзомъ; но правители ихъ почитали Данію главною частію Монархіи, а Швецію только завое-

ванною провинцїею — въ слѣдствїе чего былъ избранъ здѣсь въ 1436 первый Предстатель нацїи, который признавалъ могущество Короля, имѣвшаго свое пребываніе въ Данїи, но всегда ему противился, или скрытно, или явно. Такая утомительная борьба продолжалась восемдесять лѣтъ, до царствованїя Христїерна, который, желая насилїемъ и жестокостїю присвоить титло неограниченнаго Монарха Швецїи, былъ сверженъ вдругъ съ обоихъ своихъ престоловъ. Густавъ Эрихзонъ, изъ фамилїи Ваза, почти единственный важный человѣкъ, имѣвшїй случай избавиться отъ кинжала убїйцъ Христїерновыхъ, явился предводителемъ своего народа, освободилъ его отъ Датскаго ига и, признанный Королемъ, уничтожилъ въ Швецїи вредную Папскую Іерархїю; короче: далъ своему народу независимость, и церковную и политическую, и привелъ его въ уваженїе у другихъ народовъ Европы. Но онъ не сдѣлалъ его ни могущественнымъ, ни богатымъ: важность и влїянїе малолюдной нацїи, населяющей страну обширную, но безплодную, всегда зависитъ отъ личнаго характера ея Регентовъ, и Швецїя тогда только становилась ужасною, когда предводительствовали ею Герои.

Густавъ Адольфъ, истинный Герой, былъ столь же человѣколюбивый Политикъ, какъ и Густавъ Ваза. Онъ видѣлъ, что Швецїя, богатая желѣзомъ и воинами, тогда только укоренитъ свою независимость и благоденствїе, когда прїобрѣтетъ такїя провинцїи, которыя изобильны предметами, необходимыми для удовлетворенїя важнѣйшихъ ея потребностей. Овладѣвъ Лифляндїею, вознамѣрился онъ воспользоваться неустройствами Германїи. Австрїйскїй Домъ готовъ былъ исполнить важное предпрїятїе Карла Пятаго, современника Вазы, имянно: покорить своему скипетру всю Германїю; и видѣлъ съ негодованїемъ, что сильныя сѣверныя Державы, Швецїя и Данїя, были противницами честолюбивыхъ его замысловъ. Данїя положила оружїе; но Швецїя подняла его. Густавъ Адольфъ явился съ мужественнымъ войскомъ въ Померанїи, спокойно занялъ Штральзундъ, которому напрасно угрожалъ Валленштеинъ приступомъ, и принудилъ Протестантскихъ Государей, именовавшихъ Густава защитникомъ, содѣйствовать ему въ обширныхъ его планахъ. Великое намѣренїе сего Монарха, сдѣлаться главнымъ предводителемъ сѣверной Германїи, было уничтожено внезапною его смертїю; но славный Оксенштирнъ, его Министръ, и образованные имъ Герои-Полко-

водцы: Бернардъ Веймарскій, Баннеръ, Торстензонъ, Врангель, продолжали дѣйствовать въ послѣднюю половину 30-лѣтней войны съ такою силою, что наконецъ произвели въ Германіи сію знаменитую революцію (благодѣтельную, или вредную, рѣшительно сказать не смѣемъ), ея *раздробленіе* на множество мѣлкихъ Монархій и Областей, за что уступлены Швеціи большія, плодоносныя провинціи.

Выборъ сихъ провинцій былъ самый выгодный и благоразумный; разсматривая положеніе ихъ замѣтишь, что Оксенштирнъ соображался съ планомъ Густава Адольфа. Померанія служила для Швеціи открытымъ входомъ въ сѣверную Германію; съ другой стороны прикрывали ее Бременъ и Верденъ, къ которымъ легко могли примкнуть вспомогательныя войска древней союзницы Шведскаго народа, Франціи. Заблужденіе Королевы Христины, которая почитала главною своею цѣлію то, что можетъ только служить украшеніемъ Монарха, которая, изъ любви къ наукамъ, сложила съ себя вѣнецъ, и потомъ разными интригами старалась его возвратить; разслабленіе Швеціи: развивающееся могущество Россіи, которое воспрепятствовало ей обратить свое вниманіе исклю-

чительно на Германїю, разрушили сїи обширныя предпрїятїя. Послѣдователи Христины, мужественные Полководцы, съ трудомъ сохранили политическое величїе и влїянїе Швецїи, но были не въ состоянїи распространить ея могущества. При Карлѣ XII она возвысилась, но только для того, чтобы унизиться и можетъ быть — унизиться на вѣки! Сначала защищалъ онъ свою землю какъ Герой; но скоро мщенїе и желанїе уничтожить своихъ противниковъ обратили его въ странствующаго Рыцаря: фортуна его уступила Генїю Великаго ПЕТРА. Подвиги Карла, изумившїе сначала всю Европу, имѣли то нещастное слѣдствїе, что Швецїя лишилась половины своихъ областей, а Король ея потерялъ неограниченность власти. Болѣе не скажемъ ни слова о судьбѣ сего народа; утративъ свое могущество, пересталъ онъ имѣть влїянїе на политическїя произшествїя Европы. Обратимъ глаза на теперешнее состоянїе сей Монархїи.

При вступленїи Густава IV на Шведскїй престолъ, Государство его, въ сравненїи съ другими Державами Европы, казалось разрушеннымъ рыцарскимъ замкомъ, въ срединѣ котораго отъ прежняго великолѣпїя и богатства остался одинъ толь-

ко спокойный уголъ для прежняго обладателя. Теперь влїянїе Швецїи, слава ея и побѣды почитаются однимъ преданїемъ древности; ея владѣнїя не иное что, какъ раздробленныя области — два полуострова, между которыми болѣе полугода почти не можетъ быть никакого сообщенїя; которыхъ половина принадлежитъ двумъ сосѣдственнымъ Государямъ: Россїйскому ІМПЕРАТОРУ и Королю Датскому; крѣпость на чужомъ берегу, важная, но безполезная, ибо она ничему не служитъ защитою; наконецъ, торговый городъ на томъ же берегу, который въ теченїи нѣсколькихъ вѣковъ дошелъ до такого упадка, до какого только могъ дойти, имѣя превосходное и самое выгодное для торговли положенїе.

Сообразуясь съ порядкомъ произшествїй, мы должны сначала сказать нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ владѣнїи Швецїи, которое почитается самымъ маловажнымъ. *Висмаръ*, находящїйся на берегу Мекленбургскомъ, нѣкогда бывшїй однимъ изъ знатнѣйшихъ Ганзейскихъ городовъ, теперь въ совершенномъ упадкѣ, и главная причина сего упадка есть совершенное отдѣленїе его отъ провинцїй окружныхъ. Въ самомъ городѣ и въ принадлежащемъ къ нему округѣ (1½ квадратныхъ

миль) считается не болѣе 6000 жителей, которые ведутъ самый маловажный торгъ: извѣстно, что нынѣшнїй Король продалъ этотъ городъ за 4 миллїона Шведскихъ талеровъ.

Шведская Померанїя, которую приличнѣе можно бы было назвать Штральзундскимъ округомъ, есть провинцїя плодоносная и богатая, но пространство ея такъ мало, что всѣхъ доходовъ, съ нее собираемыхъ, едва достаточно на содержанїе Штральзундскихъ укрѣпленїй, ея гражданскихъ Чиновниковъ и областнаго ея войска. Островъ Рюгенъ имѣетъ въ поверхности 71 квадратную милю; число жителей въ немъ простирается до 120,000. Штральзундъ былъ важною крѣпостїю и гаванью тогда, когда свободный входъ въ Германїю былъ нуженъ для Швецїи; но Густавъ IV не можетъ уже имѣть обширныхъ плановъ Густава Адольфа; времена перемѣнились! Извѣстно, что Швецїя потеряла прошедшимъ лѣтомъ и Штральзундъ и Померанїю; Шведскїй Король покоился въ то время, когда другїя Державы сражались; и поднялъ оружїе тогда, когда онѣ заключили миръ.

Шведская Финляндїя, древняя и важная провинцїя сей Монархїи, имѣетъ

въ поверхности 58,000 квадратныхъ миль, населена сильнымъ, трудолюбивымъ и (естьли Государь любимъ своею націею) мужественнымъ народомъ; число ея обитателей простирается до 650,000. Одна только малая часть Финляндіи — слишкомъ малая въ отношеніи къ ея пространству, обработана или можетъ быть обработана; сама Натура, кажется, сдѣлала ее неприступною для непріятеля: вездѣ утесы, озера, болота, лѣса непроходимые; но побѣдоносное оружіе Русскихъ поработило сію область въ короткое время, и по своему положенію она можетъ почесться однимъ изъ самыхъ важныхъ пріобрѣтеній Россіи со временъ Великаго ПЕТРА.

Владѣнія Густава IV уменьшились всего на все 5873 квадратными милями земли и 170,000 жителей; теперьонѣ состоятъ изъ собственно такъ называемой Швеціи и Шведской Лапландіи.

Нынѣшнее Королевство Швеція заключаетъ въ себѣ двѣ восточныя трети Скандинавскаго полуострова. Отдѣленіе отъ нее западной трети, т. е. Норвегіи, почитаю неизъяснимою историческою загадкою! Между обитателями Швеціи и Норвегіи гораздо болѣе сродства, нежели

между Валлїйцами, Шотландцами и Англичанами; самыя выгоды ихъ — и въ то время, когда образовались въ сосѣдствѣ ихъ другїя Монархїи — были совершенно одинаковы; но добровольная покорность Норвегїи Государямъ, владычествовавшимъ по ту сторону моря, доказываетъ, что они никогда не дорожили своею независимостїю, своимъ бытїемъ политическимъ. Единственнымъ разрѣшенїемъ сей задачи можетъ служить то, что оба сїи народа, которые пользуются въ странахъ, ими населяемыхъ, однѣми и тѣми же произведенїями Натуры, не имѣли никогда одинъ въ другомъ существенной нужды. Не смотря на то, Короли Шведскїе нашли бы въ завоеванїи всего полуострова Скандинавскаго гораздо болѣе для себя выгоды, нежели въ тщетныхъ прїобрѣтенїяхъ на сѣверѣ Германїи: они соединили бы народы свои съ народомъ близкимъ и, такъ сказать, имъ родственнымъ; сила ихъ была бы разпространена, ихъ политическая важность сдѣлалась бы ощутительнѣе.

Нынѣшнее Королевство Швецїя состоитъ изъ четырехъ главныхъ частей: изъ собственно такъ называемой Швецїи, Готескаго Королевства, Нордландїи, Лапландїи. Обширность ея — 8000 квадратныхъ миль, слѣдственно одною пятою

долею менѣе того, что была Францїя до начала революцїи. Обработываемой земли относительно къ пространству весьма мало: на сѣверѣ жестокїй климатъ умерщвляетъ всякое иноземное растенїе; а мохъ и нѣкоторыя дикїя ягоды не могутъ служить достаточною пищею для народа многочисленнаго; средняя полоса Швецїи богата мѣдными и желѣзными рудами, но въ тоже время полна и болотъ, озеръ, утесовъ. Здѣсь промышленность дѣятельнѣе; но тонкой гражданской образованности надобно искать на берегахъ, гдѣ наиболѣе процвѣтаетъ торговля. Южныя провинцїи самыя плодородныя. Шонїя называется Шведскимъ раемъ: можно сравнять ее съ Курляндїею, или Померанїею. Она единственное мѣсто въ Швецїи, гдѣ водятся соловьи.

Число народа въ Швецїи простирается теперь до 2,300,000. Города ея раздѣляются на торговые, землепашественные и горные. Ни одинъ изъ нихъ не обширенъ, и самый романически прелестный Штокгольмъ имѣетъ не болѣе 80.000 жителей. Густавъ III, любитель Наукъ и Художествъ, чрезвычайно украсилъ этотъ городъ и самый его округъ. Штокгольмъ не только есть самый

блестящій и многолюдный изъ городовъ Швеціи, но онъ можетъ почесться первымъ и по торговлѣ; половина *ввозимыхъ* товаровъ складывается въ Штокгольмѣ, и шесть тринадцатыхъ частей *вывозимыхъ* выпускаются изъ его гавани.

Первое мѣсто послѣ Штокгольма, по торговлѣ, принадлежитъ Готенбургу, въ которомъ считается 20,000 жителей; неподалеку отъ него находится крѣпкій утесистый Марштрандъ, который справедливо именуютъ сѣвернымъ Гибральтаромъ. Шведы гордятся своими Университетами, Упсала и Лундъ; но они мало уважаемы иностранцами. Главное сборное мѣсто Шведской морской силы есть Карльскрона. Вообще города Швеціи въ нѣкоторомъ несогласіи съ самимъ Государствомъ: едва заключается въ нихъ одна десятая доля всего народа. Но слово *несогласіе* не есть самое приличное для такого обстоятельства, которое, можетъ быть, есть настоящая причина одного весьма важнаго преимущества Швеціи, бывшаго доселѣ неизъяснимымъ для всѣхъ Статистиковъ; именно: хотя изъ Швеціи вывозятъ однѣ грубыя, необработанныя произведенія, но цѣна вывозимыхъ товаровъ всегда превосходитъ, въ мирное время, одною четвертью цѣну ввозимыхъ — вѣро-

ятное слѣдствіе того, что девять десятыхъ частей народа живутъ разсѣянно, сохраняя древнюю прародительскую простоту свою, въ провинціяхъ, которыя на югѣ Европы были бы названы степями. — Въ послѣдніе годы торговля занимала 1200 кораблей; вывезено товаровъ болѣе, нежели на 10,000,000, а ввезено менѣе, нежели на 8,000,000.

Доходы Государственные простирались въ 1800 до шести милліоновъ. Въ послѣдствіи сумма сія была возвышена; теперь, напротивъ, должна унизиться. Съ другой стороны Швеція въ 1804 году имѣла 14 милліоновъ талеровъ долгу, а въ 1805 считалось въ оборотѣ болѣе, нежели на 16,000,000 ассигнацій.

Изъ Королей Цвейбрикскаго Дома Карлъ X, XI и XII наиболѣе усилили Шведское сухопутное войско. Послѣдній началъ вести войну съ 80,000; но при окончаніи сей нещастной войны, войско его было совершенно уничтожено, и Швеція лишилась болѣе 100,000 воиновъ. Съ тѣхъ поръ военная сила ея не возникала. Густавъ III сдѣлалъ послѣднее напряженіе, вооруживъ въ 1789 году противъ Россіи 50,000 солдатъ и 20,000 волонтировъ, что вмѣстѣ съ запаснымъ войскомъ соста-

вило 100,000 человѣкъ. Въ послѣдніе годы въ Шведской арміи считалось не болѣе 53,0400. — Морская сила Швеціи также имѣла свои революціи, минуты упадка и возвышенія. Густавъ Ваза положилъ ей первое основаніе. Она безпрестанно возвышалась до самаго нещастнаго Карла XII, который по смерти своей оставилъ однѣ ея развалины; въ половинѣ осмнадцатаго вѣка возстановилась она снова, а въ 1759 Густавъ III имѣлъ уже 29 линейныхъ кораблей, 23 фрегата, галерный флотъ, состоявшій изъ 300 судовъ, и сверхъ того такъ называемый гребной флотъ. Число морскихъ служителей простиралось до 18,000, а пушекъ до 5000. Флотъ сей, какъ извѣстно, претерпѣлъ великій уронъ въ войнѣ съ Россіею, и съ тѣхъ поръ не могъ уже быть приведенъ въ прежнее цвѣтущее состояніе.

(*Съ Нѣмецкаго.*)

VIII.

Принцъ Людовикъ Прусскій.

Пылкій и храбрый юноша, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ Франціи, и первая жертва послѣдней войны, столь гибельной для Прусской Монархіи. Онъ не имѣлъ еще 34 лѣтъ, когда погибъ

(10 Октября 1806 года) на сраженіи при Заальфельдѣ. Героическая смерть, которую предпочелъ онъ жизни, послѣ нещастной потери всего ввѣреннаго начальству его войска, примирила съ нимъ тѣхъ самыхъ людей, которые осуждали его съ наибольшею строгостію. Натура одарила Принца Людовика прекрасными качествами, которыми онъ могъ бы воспользоваться ко славѣ своей, когда бы умѣлъ сохранить во всемъ надлежащую средину. Въ его воспитаніи тѣлесныя способности были предпочтены душевнымъ. Никто не могъ съ такимъ совершенствомъ ѣздить верьхомъ, фехтовать, плавать, танцовать, какъ Принцъ Людовикъ; но онъ не имѣлъ искусства мыслить въ связи, соображать идеи, не могъ порядочно заниматься науками. Принцъ Людовикъ былъ испорченъ слабыми родителями, и еще болѣе слѣпою дружбою Фридриха-Вильгельма, который воспламенилъ совершенно его живую, необузданную душу.

Естьли бы Король захотѣлъ поступать согласно съ желаніями Людовика, то война продолжалась бы непрерывно. Внутренняя дѣятельность молодаго Принца не имѣла никакой пищи во время мира: онъ безпрестанно былъ въ движеніи; по-

рядокъ и подчиненность законамъ были ему противны. Не льзя было безъ нѣкотораго состраданія слышать, какъ онъ возставалъ противъ своей судьбы, и говорилъ, со слезами на глазахъ, молодымъ людямъ къ нему привязаннымъ: „Друзья мои! вы ошибаетесь, естьли почитаете меня щастливымъ. Нѣтъ ни одного изъ васъ, которому бы я не завидовалъ. Вамъ открыто обширное поприще; вы можете стремиться, желать, надѣяться — а я, поставленный судьбою на высотѣ, все получилъ безъ усилія, прикованъ къ одному мѣсту, не имѣю впереди ничего лестнаго, долженъ быть неподвиженъ.“ — Слова сіи совершенно изображаютъ внутреннее безпокойство души его, живой, колеблемой страстями, но лишенной способа ихъ удовольствовать.

Послѣдніе три мѣсяца 1805 года (во время Австрійской и Моравской кампаніи) были самою нещастною эпохою для Принца Людовика. Онъ ожидалъ съ мучительнымъ нетерпѣніемъ сигнала войны, и повелѣніе отступить поразило его какъ ударъ грома. Онъ сдѣлался главою безчисленнаго множества недовольныхъ. По его приказанію, жандармы давали серенаду Г. Гарденбергу, который совѣтовалъ объявить войну Франціи. Въ изсту-

пленіи своемъ перебилъ онъ всѣ окна въ домѣ Гаугвица, который настоятельно требовалъ, чтобы не нарушали мира; словомъ, немноголюдная партія благоразумныхъ людей принуждена была умолкнуть передъ его многочисленными сообщниками, и Прусскія войска двинулись въ поле.

Долго Принцъ Людовикъ не зналъ, какое дадутъ ему мѣсто; наконецъ поручили ему начальство надъ авангардомъ Принца Гогенлоге. Не извѣстно, о чемъ разсуждалъ онъ съ симъ Генераломъ 7 Октября; но всѣ увѣрены, что съ самаго этого дня мысль о смерти овладѣла его душею; *погибнуть* казалось ему необходимостію.

Октября 10, рано поутру, Принцъ Людовикъ отправился къ Заальфельду: онъ долженъ былъ защитить сіе важное мѣсто; но отступилъ, желая *дать болѣе смѣлости* Французамъ (собственное выраженіе Людовика); непріятель, ударивъ на него съ быстротою, все опрокинулъ: побѣда была совершенная. Людовикъ надѣялся примѣромъ своимъ остановить бѣгущее войско, бросился впередъ, и вмигъ окруженъ былъ Французскими гусарами. Онъ съ гордостію и презрѣніемъ отвергнулъ жизнь, которую предлагали ему побѣдители; его прострѣлили пулею

въ грудь, и онъ упалъ съ лошади, раненный смертельно. Самъ непріятель принужденъ былъ отдать ему справедливость: Французы наименовали его *неустрашимымъ*.

(Съ Французскаго.)

IX.

Извѣстія.

Гельзингфорсъ, 23 Марта.

Я писалъ уже къ вамъ, что мы отправились изъ Абова къ Гендгуду (не къ Тангергуту, какъ было поставлено ошибкою) для обозрѣнія крѣпости. То, что мы здѣсь нашли, превзошло наше ожиданіе — именно: крѣпкую батарею, высѣченную въ гранитномъ утесѣ, находящуюся на мысу, и очень поспѣшно, сколько могли мы замѣтить, оставленную непріятелемъ, съ мортирами и пушками, которыя были загвождены весьма слабо; прибавьте къ тому нѣсколько острововъ, со всѣхъ сторонъ укрѣпленныхъ: батареи на нихъ еще не кончаны, хотя надъ ними трудятся болѣе 23 лѣтъ, и вы можете легко представить, съ какимъ усиліемъ, когда вообразите, что острова сіи не иное что, какъ верши-

ны гранитныхъ утесовъ, выходящихъ изъ глубины моря, взорванныхъ порохомъ и дѣятельнымъ прилѣжанїемъ преобразованныхъ въ батареи, на которыхъ видите три ряда пушекъ, одна выше другой. Скажите, какими ядрами возможно разрушить такїя страшныя, рукою Натуры сооруженныя стѣны? Таковы и неприступныя укрѣпленїя Свїабурга. Видно, что непрїятель поспѣшно оставилъ Гендгутъ: ни одна пушка не загвождена порядочно; лафеты и другїя принадлежности цѣлы. 15го Марта возвратились мы черезъ Экнеесъ, прекрасный городокъ, прїятно расположенный по заливу, въ Гельзингфорсъ: съ тѣхъ поръ безпрестанно стрѣляютъ по Свїабургу съ нашихъ батарей; передъ вечеромъ и къ ночи канонада становится обыкновенно сильнѣе. Частые пожары возвѣщаютъ намъ дѣйствїе нашихъ ядеръ; но дѣйствїе сїе могло бы быть гораздо сильнѣе, когда бы человѣчество не вопїяло въ душѣ нашего Полководца за бѣдныхъ и невинныхъ обитателей Гельзингфорса: мы бы могли со всѣхъ сторонъ окружить нашими батареями крѣпость, и она принуждена бы была сдаться — но въ тоже время и жители города были бы жертвою нашей побѣды. Судьба, кажется, хочетъ наградить насъ за сїю кротость другими преимуществами: я уже писалъ къ вамъ о взя-

тїи Бїорнеборга; теперь и Ваза, и Восточно-Ботническая, богатая лѣсомъ провинцїя, принадлежатъ намъ. Состоянїе разсѣянныхъ остатковъ Шведской армїи, скитающейся въ пустыхъ и безплодныхъ странахъ, должно быть горестно и приводитъ въ ужасъ. — 31 *Марта.* Три крѣпости, изъ пяти составляющихъ Свїабургъ и, что всего выгоднѣе, тѣ самыя, которыя наиболѣе вредили городу — Лонгернъ, Лилла-Вестра-Сварпоэ, Остра-Сварпоэ — наконецъ сдались, по сильномъ девятидневномъ бомбардированїи и страшной канонадѣ. Мы спокойны: опасность, грозившая бѣднымъ городскимъ жителямъ, совершенно миновалась.

*

Слухи о смерти Шведскаго Короля, разнесшїеся на берегахъ Зунда, весьма сомнительны — ожидаемъ, чтобы они подтвердились. Въ Штокгольмѣ все готово придти въ волненїе. Извѣстїе объ уничтоженїи двухъ третей гребнаго Шведскаго флота въ Финляндїи; о занятїи сей провинцїи Русскими войсками; о приближенїи непрїятеля къ предѣламъ Швецїи со стороны Данїи и Норвегїи, приняты съ великимъ ропотомъ: всѣ требуютъ единогласно Государственнаго Сейма. — Шведскїй флотъ, состоящїй изъ 17 кораблей, пустился изъ Карльскроны въ море; онъ

взялъ свое направленіе къ югу; цѣль его еще неизвѣстна; въ числѣ 17 кораблей считается 11 очень старыхъ. — Въ Шоніи собирается 20,000 человѣкъ Шведской арміи; она идетъ подъ командою Армфельда въ Норвегію. — На двухъ Англійскихъ линейныхъ корабляхъ доставлено въ Швецію 200,000 фунтовъ стерлинговъ. Англичане, которые, не смотря на политическія преступленія своихъ правителей, не измѣняютъ благородному характеру своему, собрали знатную сумму, назначенную вдовамъ и сиротамъ погибшихъ въ Померанціи Шведскихъ солдатъ, и Шведскимъ плѣнникамъ, находящимся во Франціи и Голландіи.

*

Сообщаемъ нѣкоторыя подробности взятія подъ стражу Россійскаго Посланника, Гна. Алопеуса. 3 го Марта явился къ нему Королевскій Адъютантъ, Полковникъ Бойе, и объявилъ отъ имени своего Монарха, что онъ имѣетъ повелѣніе арестовать его, запечатать Посольскую Канцелярію и забрать всѣ принадлежащія къ ней бумаги. Рускій Министръ, чрезвычайно изумленный, называлъ такой поступокъ насильственнымъ, оскорбительнымъ для его ИМПЕРАТОРА, хотѣлъ защищаться — но въ ту минуту явился Офицеръ съ сильнымъ отрядомъ Королевской Гвардіи; надлежало

повиноваться. Всѣ Чиновники Посольства, находившіеся въ городѣ, были отысканы Полиціею и заперты каждый на занимаемой имъ квартирѣ. Гвардейскій Порутчикъ приставленъ къ особѣ Министра, и 4 унтеръ-офицерамъ поручено смотрѣніе за служителями Канцеляріи. Чрезъ нѣсколько времени явился къ Господину Алопеусу Градоначальникъ, и хотѣлъ знать, что ему надобно на содержаніе своего дома, на пищу и на другія домашнія необходимыя потребности. „Никто не будетъ удивляться — отвѣтствовалъ ему съ негодованіемъ почтенный Министръ — естьли, поступивъ такъ оскорбительно съ Посланникомъ сильнаго Государя, вы лишите его и пищи; естьли, отнявъ у него свободу, отъимете и жизнь: но для меня слѣшно, какъ можетъ Градоначальникъ Шведской столицы входить въ такія подробности, о которыхъ долженъ говорить со мною одинъ управитель моего дома. Естьли Посланникъ Россійскаго ИМПЕРАТОРА не можетъ имѣть свободы въ доставленіи себѣ пищи, а долженъ обо всемъ относиться къ Начальству: то онъ скорѣе согласится питаться хлѣбомъ и водою — ГОСУДАРЬ его умѣетъ отмщать за оскорбленія, а соотечественники его умѣютъ ихъ сильно чувствовать.“ — Господинъ Эренгеймъ доставилъ Господину Алопеусу слѣдующую Ноту: Его Ве-

личество получилъ извѣстіе, что Руская армія, вступившая въ Финляндію, приближается уже къ Ловизѣ; онъ почитаетъ сіе рѣшительнымъ разрывомъ согласія между обѣими Державами, и приказываетъ объявить Россійскому Посланнику, Господину Алопеусу, что онъ не признаетъ его уже въ семъ званіи; что съ сей минуты всѣ Дипломатическія обязанности его прекратились.

*

Письмо изъ Испаніи отъ 22 Марта. На прошедшей недѣлѣ произошли здѣсь чрезвычайныя перемѣны. Со времени открывшагося заговора противъ Короля, котораго главою былъ Астурійскій Принцъ, носились здѣсь разные слухи, приводившіе всѣхъ въ безпокойство. Утверждали, что въ Испаніи существуютъ двѣ партіи; что одна изъ нихъ управляема Княземъ мира, который, согласно съ Королевою, намѣренъ лишить жизни Крон-Принца (Принца Астурійскаго); что предводителемъ другой былъ самъ Крон-Принцъ, желающій похитить у родителя своего престолъ и возложить на себя его корону. Извѣстно, что, по открытіи заговора, нѣкоторыя знатныя особы принуждены были оставить Мадритъ и жить въ отдаленныхъ провинціяхъ. Сіи произ-

шествія приводили публику въ безпокойство. Дворъ, опасясь возобновленія безпорядковъ, приказалъ, чтобы всѣ войска, которыя назначены были дѣйствовать въ Португаліи, возвратились поспѣшно въ Мадритъ. Въ двадцати миляхъ отъ сей столицы, на берегахъ Эбра, находился Французскій лагерь; курьеры безпрестанно посылаемы были изъ Мадрита въ лагерь, изъ лагеря въ Мадритъ; почему и заключали, что Испанское Правительство имѣло съ Французскимъ переговоры о чемъ нибудь весьма важномъ. Дѣла находились въ такомъ положеніи, когда разнесся слухъ, что Король, имѣвшій тогда пребываніе въ Аранжуэцѣ, собиралъ тайный совѣтъ, въ слѣдствіе котораго Князь мира и вмѣстѣ съ нимъ Королева рѣшились ѣхать въ Севилу, а Кронъ-Принцъ и братъ его положили остаться въ Аранжуэцѣ. Въ то же самое время находившіеся въ Мадритѣ гарнизоны получили приказаніе выступить. Народъ пришелъ въ волненіе. Король, желая успокоить его, издалъ на другой же день (16 Марта) слѣдующую прокламацію: „Вѣрные Испанцы! благородное ваше смятеніе въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ есть неоспоримый знакъ вашей приверженности къ отечеству и Монарху. Будьте спокойны! Арміи союзника моего, Императора Французовъ, пройдутъ мирно и съ

дружественными намѣреніями черезъ мои владѣнія: они спѣшатъ защищать берега ваши отъ нападенія общихъ непріятелей. Призываю тѣлохранителей своихъ въ Аранжуэцъ не для того, чтобы они служили мнѣ проводниками въ предпринимаемомъ мною путешествіи, или защитою въ собственномъ моемъ замкѣ. Могу ли чего страшиться, увѣренный въ моихъ подданныхъ, непоколебимыхъ и вѣрныхъ? Могу ли думать, что они откажутся меня защитить, когда престолъ мой окруженъ будетъ опасностію? Нѣтъ, Испанцы, не ужасайтесь ничего! Примите войска союзника нашего съ прежнимъ расположеніемъ дружбы; все кончится черезъ нѣсколько дней, все приведено будетъ въ прежній порядокъ; я самъ буду спокоенъ, огражденный любовію моихъ поданныхъ и щастливый привязанностію моего семейства! Дано въ Аранжуэцѣ 16 Марта 1808." — Не смотря на сію прокламацію, Королевская Гвардія вышла въ Аранжуэцъ, рано поутру, 17 Марта, и въ Мадритѣ остались только два полка Швейцаровъ: волненіе сдѣлалось всеобщимъ; народъ бросился въ Аранжуэцъ; здѣсь узнали, что вещи Королевскія были уложены и что на станціяхъ по дорогѣ Севильской приготовлены были лошади; улицы наполнились много-

численными толпами людей; народъ кричалъ солдатамъ: Отечество гибнетъ! Допустите ли Короля къ побѣгу? Не уже ли и вы будете такъ же мало привязаны къ своему законному Государю, какъ и народъ Лиссабонскій къ своему Регенту? — Тѣ изъ Министровъ, которые въ засѣданіи Совѣта противились отъѣзду Короля, надѣясь ему воспрепятствовать, поспѣшили разсѣять по всѣмъ окружнымъ деревнямъ возмутительную вѣсть, что отечеству угрожаетъ опасность. Народная толпа безпрестанно увеличивалась въ Аранжуэцѣ. Ночь съ 17 го на 18 е была чрезвычайно смутная. Король и Королева провели ее безъ сна. Въ четыре часа утра ворвался народъ въ замокъ *Князя мира*; тѣлохранители его хотѣли отразить бунтовщиковъ, но ихъ пересилили. Супруга Князя вышла на крыльцо; возмутившіеся приняли ее съ уваженіемъ, но отослали подъ прикрытіемъ въ Королевскій дворецъ, а сами кинулись въ замокъ — Князь мира успѣлъ однако сокрыться. 19 го въ пять часовъ утра, пріѣхалъ въ Аранжуэцъ Французскій Посланникъ; онъ тотчасъ представленъ былъ Королю, и черезъ нѣсколько часовъ вышла прокламація, что Князь мира отрѣшенъ отъ всѣхъ своихъ должностей, и что Король

самъ принимаетъ на себя главное начальство армїи. Едва узнали въ Мадритѣ о сей прокламацїи, какъ весь народъ кинулся къ замку Князя мира (находившемуся въ сей столицѣ); но увидя прибитый къ нему Королевскїй гербъ, не осмѣлился въ него ворваться. За то, великолѣпные дворцы его брата и обоихъ зятьевъ, съ домами Золера, Министра финансовъ, и главнаго счетнаго Директора Эспуикозы, были разграблены; всѣ мебели и драгоцѣнности, которыхъ не льзя было унести съ собою, перебиты, испорчены, сожжены на улицахъ, и никто не противился сему безпорядку: Швейцарскїе гарнизоны спокойно стояли на своихъ квартирахъ. Въ прокламацїи Короля Князь мира названъ просто *Эмануиломъ Годои*; онъ найденъ былъ въ анбарѣ своего замка, въ которомъ скрывался болѣе 36 часовъ, и взятъ подъ стражу. Братъ его (Шефъ Лейбгвардїи) былъ схваченъ солдатами и также отданъ подъ арестъ. — 19 го Марта Король торжественно отказался отъ правленїя. Въ прокламацїи своей говоритъ онъ, что болѣзнь принуждаетъ его сойти съ престола; что онъ имѣетъ нужду въ *климатѣ болѣе умѣренномъ*; что онъ предпочитаетъ безпокойной жизни Монарха прїятное и без-

мятежное состояніе частнаго человѣка; что, наконецъ, уступаетъ корону своему любезному сыну и законному Наслѣднику, Принцу Астуріійскому — и новый Король принялъ престолъ подъ именемъ *Фердинанда* VII. Имѣніе и доходы преждебывшаго Князя мира конфискованы; народъ требуетъ, чтобы вся Королевская Фамилія возвратилась въ Мадритъ, и чтобы Князю мира отрублена была голова. Ожидаютъ съ часу на часъ вступленія Французскихъ войскъ въ столицу. Великій Герцогъ Бергскій приближается сюда съ корпусами Маршала Монсея и Генерала Дюпона; его квартира теперь въ Алькевандѣ, слѣдовательно весьма близко отъ Мадрита. — Всѣ тѣ, которые за два мѣсяца были обличены въ умышленіи противъ Короля вмѣстѣ съ Наслѣднымъ Принцомъ, возвращены въ Мадритъ указомъ Фердинанда.

*

Князь мира — естьли вѣрить послѣднимъ извѣстіямъ — приговоренъ къ смерти и будетъ разстрѣлянъ. — Новый Король уничтожилъ охотничье право, и теперь каждому крестьянину въ Испаніи позволено бить на своемъ полѣ дичину. Число Французскихъ войскъ, находящихся въ Испаніи, простирается до 100,000. Генералъ Леши командуетъ

корпусомъ, занимающимъ Каталонію. Думаютъ, что Французскій Императоръ посѣститъ сначала Барцеллону. Король Карлъ съ супругою, Королева Луиза и дочь ея, бывшая Королева Этрурійская, находятся въ Аранжуэцѣ; слѣдовательно извѣстіе, что они сокрылись въ лагерь Французской, и что Король обнародовалъ въ немъ новую прокламацію, несправедливо. Спокойствіе опять воцарилось въ Испаніи. Маршалъ Монсей живетъ въ Мадритѣ, а Генералъ Дюпонъ идетъ въ Толедо, гдѣ назначена ему главная квартира. Еще не извѣстно, какія слѣдствія будетъ имѣть сія быстрая перемѣна въ правительствѣ Испанскомъ; но можно подозрѣвать, что назначеніе Французскихъ войскъ, наводнившихъ Испанію, не есть одна осада Гибральтара — послѣдствія откроютъ намъ важныя намѣренія Наполеона.

*

Въ Копенгагенѣ получено извѣстіе, что передъ островомъ Борнгольмомъ появились Англійскіе корабли. Белтъ ими наполненъ. 28 го Марта прошли первые непріятельскіе корабли черезъ Зундъ: одинъ линейный и одинъ куттеръ; они бросили якорь неподалеку отъ Гельзингбурга.

*

Еще не получено никакого вѣрнаго извѣстія о Рошефортской эскадрѣ. Изъ Милана пишутъ, что 32 Французскихъ корабля явились въ Сициліи, и высадили на берегъ отъ 8 до 10,000 человѣкъ войска. Но Анконскія вѣдомости извѣщаютъ, что эскадра сія находится уже въ Корфу. Напротивъ изъ Неаполя пишутъ, что Французскій флотъ, состоящій изъ 31 корабля, удалился отъ острова Корфу, запасши его на нѣсколько мѣсяцовъ съѣстными припасами и другими необходимыми потребностями. Ожидаемъ съ любопытствомъ дальнѣйшихъ извѣстій. Флотъ сей, можетъ быть, устремится на Аглинскую эскадру, находящуюся въ Архипелагѣ; или на Англійскіе корабли, плавающіе въ Адріатическомъ морѣ: въ послѣднемъ случаѣ получитъ онъ сильное подкрѣпленіе отъ Венеціанскихъ военныхъ кораблей и Руской эскадры, остановившейся въ Тріестѣ.

*

Увѣряютъ, что Порта соглашается на пропускъ Французскаго войска въ Персію, и Барону Гибшъ, Австрійскій курьеръ, привезъ изъ Константинополя въ Вѣну пріятное извѣстіе, что, послѣ многихъ переговоровъ, и жаркихъ преній между Французскимъ Генераломъ Себасті-

ани и Рейсъ-Эфендїемъ, Порта наконецъ готова приступить къ заключенїю съ МОНАРХОМЪ Россїйскимъ мира.

29 *Апрѣля.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАЙ, 1808.

No 10.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Давыдъ Юмъ

при концѣ жизни.

(Письмо Адама Смита къ Виллїаму Страхану.)

Съ горестнымъ удовольствїемъ описываю вамъ послѣднїя минуты нашего почтеннаго друга, Давыда Юма, котораго память навсегда останется для насъ драгоцѣнною. Онъ самъ увѣренъ былъ, что болѣзнь его неизлѣчима; но, убѣжденный друзьями, рѣшился испытать, не принесетъ ли ему какой нибудь пользы путешествїе; и въ концѣ Апрѣля выѣхалъ изъ Лондона. Въ Морпетѣ встрѣтился онъ съ Г. Гомомъ и со мною: мы оставили столицу нарочно для того, чтобы увидѣть нашего друга, надѣясь, что най-

демъ его еще въ Эдинбургѣ. Господинъ Гомъ возвратился съ нимъ въ Лондонъ; и во все пребыванїе больнаго въ Англїи не отлучался отъ него ни на минуту, заботясь о немъ какъ другъ чувствительный и нѣжный. Я, къ сожалѣнїю, не могъ послѣдовать его примѣру, простился съ Юмомъ, и отправился въ Шотландїю къ матушкѣ, которая давно ожидала моего прїѣзда. — Движенїе и перемѣна воздуха, казалось, имѣли благодѣтельное влїянїе на болѣзнь нашего друга: онъ прибылъ въ Лондонъ гораздо въ лучшемъ положенїи, нежели въ какомъ оставилъ Эдинбургъ. Медики присовѣтовали ему ѣхать въ Батъ, къ водамъ, которыя произвели сперва хорошее дѣйствїе; онъ самъ началъ было думать лучше о состоянїи своего здоровья, но скоро прежнїе припадки возвратились съ прежнею силою: съ тѣхъ поръ онъ совершенно пересталъ надѣяться выздоровленїя, покорился судьбѣ своей съ веселымъ сердцемъ; смерть не представляла ему ничего ужаснаго, и мысль о ея приближенїи не нарушала ни на минуту обыкновенной ясности его духа. Онъ возвратился въ Эдинбургъ, гораздо болѣе разслабленный, но съ тѣмъ же невозмущаемымъ спокойствїемъ, съ какимъ его оставилъ; по прежнему занимался поправкою сочиненїй своихъ для но-

ваго изданія; читалъ книги; разговаривалъ съ друзьями, и часто по вечерамъ игралъ въ любимую игру свою Вистъ. Онъ былъ такъ веселъ, такъ живъ и пріятенъ въ разговорѣ, что, не смотря на жестокіе припадки болѣзни, никто не могъ вообразить его въ опасности. „Я обрадую вашихъ друзей извѣстіемъ, что вамъ гораздо лучше — сказалъ ему однажды Докторъ Дундасъ — ваше здоровье видимо поправляется!“ — Любезный другъ — отвѣчалъ Юмъ — на что обманывать себя и другихъ? Скажите имъ лучше, что я умираю такъ роспѣшно, что мои непріятели (естьли только ихъ имѣю) не могутъ не отдать мнѣ въ этомъ случаѣ должной справедливости, и такъ беззаботно, что истинные друзья мои должны болѣе радоваться, нежели плакать! — Полковникъ Эдмондстонъ, просидѣвъ у него цѣлый вечеръ, написалъ къ нему на другое утро письмо, въ которомъ съ прискорбіемъ говорилъ о близкой и вѣчной ихъ разлукѣ; онъ заключилъ его прекрасными стихами Аббата Шолье, который, размышляя о смерти своей, болѣе всего сожалѣетъ о необходимости покинуть лучшаго своего друга Маркиза Лафара. Философъ нашъ былъ такъ великодушенъ и твердъ, что друзья не опасались писать къ нему, какъ человѣку умирающему; мож-

но сказать, что мысль о смерти была для него привлекательна. Онъ получилъ при мнѣ письмо Полковника Эдмондстона, которое прочиталъ въ слухъ. — Признаюсь, сказалъ я, не могу еще отказаться совершенно отъ надежды: вы такъ спокойны и веселы; жизненныя ваши силы такъ мало истощились, что я никакъ не воображаю васъ близкимъ къ смерти. — „Надежда ваша, любезный другъ, отвѣчалъ мнѣ Давыдъ Юмъ, неосновательна. Болѣзнь, которой я подверженъ, всегда смертельна въ мои лѣта. Ввечеру я чувствую себя слабѣе, нежели поутру; утромъ чувствую себя хуже, нежели наканунѣ. Самыя жизненныя силы мои ощутительно изчезаютъ. Нѣтъ, мой другъ, намъ скоро и очень скоро надобно будетъ разстаться! — „По крайней мѣрѣ, отвѣчалъ я, вы имѣете самое сладкое утѣшеніе въ минуту смерти: вы видите и друзей и семейство свое совершенно щастливыми.“ — Ваша правда, и это утѣшеніе такъ для меня чувствительно, отвѣчалъ Юмъ, что я, читая вчера Луціановы разговоры мертвыхъ, не нашелъ для себя приличнымъ ни одного изъ тѣхъ извиненій, которыми тѣни хотятъ избавить себя отъ переѣзда черезъ Стиксъ на лодкѣ Харона; я не имѣю ни дома, которой бы надобно было достроить; ни дочери, которой хо-

тѣлось бы выдти за мужъ съ хорошимъ приданымъ; ни заимодавца, съ котораго не худо было бы взять деньги. Право не знаю, что сказать мнѣ Господину Харону, естьли, паче чаянія, вздумается попросить у него отсрочки. Важнѣйшее изъ всего того, что мнѣ хотѣлось сдѣлать въ жизни, давно уже сдѣлано. Положеніе родственниковъ и друзей моихъ прекрасное. Могу ли не умереть съ удовольствіемъ? На примѣръ, я позволилъ бы себѣ сказать Харону: добрый старичокъ! не будь поспѣшенъ; я поправляю свои сочиненія для новаго изданія; осталось очень немного: не льзя ли подождать по тѣхъ поръ, какъ все будетъ кончано? Мнѣ очень хотѣлось бы знать, какъ приметъ публика мою поправку! „Пустое, отвѣчалъ бы мнѣ Харонъ — такимъ извиненіямъ не будетъ конца! Тебѣ вздумается опять что нибудь поправить, а я скучай на берегу съ пустою лодкою! Нѣтъ, господинъ разскащикъ, садись и ѣдемъ!“ — Потерпите, почтенный Харонъ, сказалъ бы я ему опять; вамъ, думаю, извѣстно, что я Писатель; дайте мнѣ время найти нѣкоторыя истины, полезныя людямъ; уничтожить нѣкоторые предразсудки; словомъ, открыть человѣческому роду глаза: прошу не болѣе пяти лѣтъ отсрочки! не болѣе, какъ черезъ пять лѣтъ буду имѣть удовольствіе видѣть, что люди, благодаря

моимъ сочиненіямъ, сдѣлались умнѣе! Войдите въ мое положеніе, Господинъ Харонъ, и будьте снисходительны! — При этомъ словѣ мой Харонъ вышелъ бы изъ себя и топнулъ бы ногою. — Старой зраль! воскликнулъ бы онъ, замахнувшись на меня весломъ, долго ли тебѣ мнѣ докучать своими бреднями? Смотри пожалуй какая выдумка! Надѣяться дожить до тѣхъ поръ, какъ люди сдѣлаются умнѣе, не тожели значитъ, что надѣяться быть безсмертнымъ? Полно разсуждать, лѣнивецъ; полѣзай въ лодку, мнѣ скучно!"

Умирающій Юмъ никогда не старался выказывать своего великодушія и своей твердости; онъ говорилъ о смерти въ такомъ только случаѣ, когда начинали объ ней говорить другіе, слѣдственно довольно часто, потому что друзья его безпрестанно приходили навѣдываться о его болѣзни. Забавный разговоръ, который описалъ я вамъ выше, былъ послѣдній между мною и нашимъ общимъ другомъ. Скоро онъ ослабѣлъ чрезвычайно, и самые друзья сдѣлались ему въ тягость; не смотря на то, спокойствіе духа его было такъ постоянно; его веселость, добродушіе, снисходительность, такъ неизмѣняемы, что онъ не показывалъ и виду неудовольствія; продолжалъ пріятно разговаривать съ друзьями, хотя по-

слѣ каждаго разговора чувствовалъ большее разслабленіе въ своемъ тѣлѣ; казалось, что онъ хотѣлъ посвятить дружбѣ угасающія свои чувства, пользовался ими, сколько могъ, и даже не хотѣлъ замѣчать, что онѣ истощались. Однако онъ требовалъ самъ, чтобы я оставилъ Эдинбургъ (гдѣ жилъ единственно для него) и возвратился къ матушкѣ въ Киркальди. Я согласился исполнить его требованіе, но съ тѣмъ, чтобы онъ присылалъ за мною всякой разъ, когда пожелаетъ меня видѣть. Мы разстались. Господинъ Блакъ, Докторъ его, обѣщалъ извѣщать меня, сколь можно часто, о состояніи больнаго.

Августа 23, получилъ я слѣдующую записку отъ самаго Г. Юма:

Эдинбургъ, 25 *Августа*, 1776. Будучи очень слабъ, любезный Смитъ, я принужденъ просить моего племянника, чтобы онъ написалъ за меня это письмо. Я скорымъ шагомъ приближаюсь къ могилѣ. Въ послѣднюю ночь была у меня лихорадка; я надѣялся, что она прекратитъ мою скучную болѣзнь вмѣстѣ съ жизнію, но по нещастію она миновалась. Не зову васъ къ себѣ; ваше присутствіе здѣсь не можетъ быть полезно. Докторъ Блакъ будетъ извѣщать васъ подробно о состояніи моей болѣзни. Простите, добрый, почтенный другъ! простите!

Черезъ три дни получаю отъ Доктора Блака слѣдующее:

Эдинбургъ, 26 Августа, понедѣльникъ. Въ субботу, въ 4 часа по полудни, скончался почтенный Гнъ Юмъ. Ночью, съ четверга на пятницу, замѣтилъ я первые признаки близкой его смерти; болѣзнь усилилась чрезвычайно, и наконецъ разслабленіе сдѣлалось такъ велико, что онъ не могъ уже отдѣлить головы отъ подушки. Не смотря на то, до послѣдней минуты сохранилъ онъ и память и чувство; до послѣдней минуты былъ терпѣливъ, спокоенъ, даже веселъ. Я не слыхалъ ни одного выраженія скорби; онъ разговаривалъ со мною ласково; дружески смотрѣлъ на предстоявшихъ. Скоро отнялся у него языкъ; онъ выражался взорами, исполненными любви и нѣжности; наконецъ скончался; душа его до самой кончины сохранила свою веселость; онъ помнилъ объ васъ, но запретилъ къ вамъ писать, не желая, чтобы спокойствіе послѣднихъ минутъ его возмущаемо было печалію разлуки.

Такъ умеръ нашъ другъ, достойный, незабвенный Давыдъ Юмъ. Многіе не будутъ съ нимъ согласны въ философическихъ мнѣніяхъ. Одни будутъ опровергать ихъ, дру-

гіе оправдывать, но всѣ вообще должны согласно мыслить о его характерѣ, благородномъ и безпорочномъ. Въ самомъ дѣлѣ всѣ качества его были приведены нашурою въ какое-то щастливое равновѣсіе: съ этой стороны не знаю подобнаго ему человѣка. Будучи бѣденъ и совершенно ограниченъ въ своихъ нуждахъ, онъ никогда не пропускалъ случая благотворительствовать и быть великодушнымъ на дѣлѣ. Умѣренная жизнь его имѣла въ основаніи не скупость, а благоразумную любовь къ свободѣ. Не смотря на слабое сложеніе тѣла, онъ былъ характеромъ твердъ, рѣшителенъ, во мнѣніяхъ постояненъ. Шутливость его въ разговорѣ была не иное что, какъ непринужденное изліяніе добродушія и веселости, соединенныхъ съ тонкою скромностію; острыя слова его не имѣли ни малѣйшей колкости, напротивъ были пріятны и забавляли тѣхъ самыхъ людей, на счетъ которыхъ были сказаны. Друзья плѣнялись его веселостію; они предпочитали всему пріятную бесѣду Юма, и сія веселость характера, столь привлекательная въ обществѣ, но часто неразлучная съ вѣтренностію, или слишкомъ легкими качествами, соединена была въ немъ съ трудолюбіемъ, дѣятельностію, глубокомысліемъ, необыкновенною быстротою понятія и обширною уче-

ностію; словомъ: Давыдъ Юмъ во все продолженіе жизни своей и въ самую рѣшительную минуту кончины представляетъ намъ образецъ мудреца добродѣтельнаго! Онъ столько приближился къ идеалу совершенства, сколько возможно человѣку, творенію слабому, ограниченному, непостоянному. *Адамъ Смитъ.*

(*Съ Англійск.*)

II.

Заяцъ и Лягушки.

(*Съ Французскаго.*)

Въ норѣ своей разъ Заяцъ размышлялъ:
Нора хоть бы кого такъ размышлять научитъ!
Томяся скукою, мой Заяцъ тосковалъ;
Вѣдь родомъ грустенъ онъ и страхъ его всё мучитъ.
Онъ думаетъ: куда тотъ нещастливъ,
Кто родился трусливъ!
Вѣдь въ прокъ себѣ куска бѣдняжка не съѣдаетъ:
Отрады нѣтъ ему; отвсюду лишь гроза!
А такъ-то я живу: проклятой страхъ мѣшаетъ
И спать мнѣ иначе, какъ разтворя глаза.
Перемоги себя, мудрецъ сказать мнѣ можетъ!

Ну вотъ! кто трусость переможетъ?
По правдѣ, чай и у людей
Не меньше трусости моей.
- Такъ Заяцъ изъявлялъ догадку,
Дозоромъ обходя вкругъ жила своего;
Отъ тѣни, отъ мечты, ну, словомъ, отъ всего
Его бросало въ лихорадку.
Задумчивой звѣрокъ,
Такъ въ мысляхъ разсуждая,
Вдали услышалъ шумъ, и тотчасъ на утёкъ!
Пустился какъ стрѣла, къ норѣ онъ поспѣшая;
Случись ему бѣжать близь самаго пруда:
Вдругъ видитъ, что его Лягушки испугались;
Лягушки вспрыгались и въ воду побросались.
Ба! ба! онъ думаетъ, такая же бѣда
И отъ меня другимъ! Я не одинъ робѣю!
Откуда удальство такое я имѣю,
Что въ ужасъ привожу собой?
Такъ знать прегрозной я герой?
Нѣтъ! видно на землѣ трусливца нѣтъ таковa,
Трусливѣе себя чтобъ не нашелъ другова!

Ю. Н. М.

III.

Пѣсня.

(Съ Французскаго.)

Когда веселій на крылахъ
Утекши дни воспоминаемъ,
Платя имъ чувства дань, въ слезахъ
Еще отраду мы вкушаемъ.
Укрась, о лютня! голосъ мой
Твоей гармоніей унылой,
И съ сердцемъ вмѣстѣ ты воспой,
Что я живу въ разлукѣ съ милой!

Два сердца за одно имѣть;
Свое тѣмъ бытіе удвоить;
Другъ друга молча разумѣть,
И милой мысль себѣ присвоить;
Сноснѣе находить бѣды;
Щастливѣй быть въ пріятной долѣ:
Сихъ благъ я всѣ вкушалъ плоды . . . .
Но нѣтъ со мной — нѣтъ милой болѣ!

Любилъ я тѣ луга, кусты,
Гдѣ милая со мной гуляла;
Для насъ Природа красоты
И въ дни ненастны не теряла.
Ужь лугъ цвѣтами не блеститъ,
Что устилали путь предъ нею:
Постылъ тому Природы видъ,
Кто съ милой разлученъ своею!

Ни что не замѣнитъ ужь той,
Которой сердце имя дало!
Пріятства могутъ быть въ другой,
Но милой слыть лишь ей пристало.
Разъ въ жизни сладость намъ дана,
Всѣ блага зрѣть въ одномъ предметѣ:
Въ году одна живётъ весна,
Одна и милая на свѣтѣ.

Въ предѣлы дальни ты несешь,
О нѣжная Луна! сіянье,
И мнѣ въ смущенно сердце льешь
Надежды сладкое мечтанье!
Сей даръ въ лучахъ своихъ сошли
Теперь же къ той, съ кѣмъ я разстался,
И мысли ей о томъ всели,
Кто слёзы лишь по ней остался!

Ю. Н. М.

IV.

Мальвина.

(*Романсъ*)

Съ тѣхъ поръ, какъ ты плѣненъ другою,
Мальвина вянетъ въ цвѣтѣ лѣтъ!
Мнѣ свѣтъ прелестенъ былъ тобою!
Теперь — прости прелестный свѣтъ!
Ахъ! не отринь любви моленья!
Приди — не сердце мнѣ отдать,

Но взоръ потухшій мой принять,
Въ минуту смертнаго мученья!

Спѣши, спѣши! близка кончина!
Смотри, какъ въ часъ послѣдній свой
Твоя терзается Мальвина
Стыдомъ, любовію, тоской!
Не смерти страшной содроганье,
Не тусклый, неподвижный взглядъ
Тебѣ, о милый! возвѣстятъ,
Что жизни кончилось страданье!

Ахъ, нѣтъ! . . . . Когдажь Мальвины муку
Не услаждаетъ твой приходъ;
Когда хладѣющую руку
Тебѣ она не подаётъ;
Когда забытъ мой другъ единый,
Мой взоръ престалъ его искать,
Душа престала обожать:
Тогда — тогда ужь нѣтъ Мальвины!

Съ Франц. Ж.

V.

Къ Элизѣ,

(которая страждетъ продолжительною болѣзнію.)

Писано въ началѣ нынѣшней весны.

О ты, въ которой Богъ всѣхъ дней моихъ блаженство,
Все милое мое судилъ мнѣ показать,
Чтобъ обольщенному страданія познать;
Въ которой видѣлъ я Природы совершенство —
Вѣщай, почто она, законы позабывъ,
Свой ходъ перемѣняетъ?
Почто глава свѣтилъ, въ среду небесъ вступивъ,
Благотворящаго огня не разливаетъ?
Почто, туманной мглой одѣявъ свой чертогъ,
Доселѣ медлитъ онъ надъ нашею страною
Явиться съ милою сопутницей, весною?
Когда свирѣпыхъ бурей богъ
Владычество его оспоривать престанетъ,
И радостно земля проглянетъ? —
Увы! все, все — земля и небеса,
Природа, кажется, съ твоимъ тоскуетъ другомъ,
Взирая на тебя, терзаему недугомъ!
Творенье лучшее Творца,
Возможетъ ли Онъ насъ обрадовать весною,

Когда весна не воззоветъ
Тебя къ здоровью и покою?
Гдѣжь первый взоръ ея отраднѣе блеснетъ,
Когда онъ не блеснетъ въ твоемъ уныломъ взорѣ?
Гдѣ веселиться ей, когда Элиза въ горѣ?
Гдѣ лучше разцвѣсти, какъ, Ангелъ, не въ тебѣ?
Подобно блѣдному пловцу среди волненья,
Стихій разгнѣванныхъ въ борбѣ
Безплодно ждущему знакомыхъ звѣздъ явленья,
Путеводителей къ любезной сторонѣ,
Я взоръ свой на тебя едину обращаю,
И въ нетерпѣніи безмолвномъ примѣчаю,
Когда наступитъ часъ придти моей веснѣ!
Такъ, для души моей, о другъ мой несраненной!
Въ выздоровленіи твоемъ она придетъ;
Въ тебѣ возвеселитъ улыбкой драгоцѣнной;
Въ тебѣ, Элиза, разцвѣтетъ;
Въ тебѣ благотворить и восхищать насъ станетъ;
Въ тебѣ и на мою печальну Музу взглянетъ —
И все пріиметъ новый видъ!
Природа радостной одеждою возблещетъ,
И оживленный лѣсъ, при тихихъ вѣтеркахъ,
Зеленой тѣнью возтрепещетъ;
Ковры разстелятся въ лугахъ;
Какъ бисеромъ ручьи посыплются струями;
Въ дубравахъ гимны возгремятъ;
Амуры, Радости на землю низлетятъ,

Украсять милую цвѣтами,
И я, восторженный, свой голосъ вознесу,
Съ Природой вмѣстѣ даръ Элизѣ принесу.
Надежда сладкая! . . . . . О Боже! о Всесильный!
Котораго съ тѣхъ поръ я болѣ началъ знать,
Какъ сталъ Элизу обожать,
Источникъ благости обильный,
О горняя Любовь! услыши стонъ любви,
На слезы преклонись, на лютое страданье,
Содѣлай чудеса — укрась Свое созданье,
И скорбный духъ мой оживи! . . . .
— — — — — — — — — — — — —
— — — — — — — — — — — —
Элиза! Богъ благій мольбѣ моей внимаетъ!
Могуль роптать, что Онъ весны не возвращаетъ!
На что она, къ чему? Когда для всѣхъ другихъ
Покрытъ лазурный сводъ одеждой тучь густыхъ;
Когда свирѣпствуютъ мятели,
Морозы снова прилетѣли
И въ бѣлыхъ ризахъ древеса . . . .
Мой Богъ мнѣ милостивъ! Я вижу: небеса
Отверзлись, процвѣли, Природа обновилась,
Весна съ любовію на землю низпустилась,
И все ликуетъ въ тишинѣ . . . . .
Ахъ, нѣтъ! ты улыбнулась мнѣ!

Мрзлнв.

VI.

Сѣтованіе.

Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторь тоскѣ моей!
Здѣсь Лилы тихая могила!
Все милое почіетъ здѣсь!
Какъ молнія прелестна Лила
Сверкнула ты — и блескъ изчезъ.
Я зрѣлъ: тѣнь смерти, разстилаясь,
Затмила утро дней твоихъ;
Глаза прелестные, смыкаясь,
Искали друга и родныхъ.

Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторь тоскѣ моей!
Сонмъ юношей — толпа крылата,
Что роемъ вслѣдъ за ней вилась —
Свѣтъ суетный — сія утрата
Не извлекла слезы у васъ . . . .
А вы, что въ мукахъ дни считали,
Чьихъ бѣдъ прервала Лила нить,
Въ груди и вздоха не сыскали
Стенящу тѣнь ея почтить.

Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторь тоскѣ моей!
Увы! и дружба возвратила
Утѣхи, радостны мечты;
Померкшій Лилы зракъ забыла!
Одежды горести сняты!

Другъ нѣжный, Лила несравненна
Въ сихъ будто не цвѣла мѣстахъ,
Лишь урна здѣсь уединенна
Гласитъ увядшей Лилы прахъ!

Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторь тоскѣ моей!
Одна любовь безъ утѣшенья!
Любовь лишь горести вѣрна!
Не ищетъ грусти услажденья,
Тоской своей живетъ она.
Въ тоскѣ денницу я встрѣчаю;
Днемъ мрачно все въ моихъ глазахъ;
Во тмѣ нощной одинъ рыдаю;
Проходитъ ночь — я всё въ слезахъ!
Лейтесь слезы изъ очей!
Лира вторь тоскѣ моей!

Ф. Ивановъ.

VII.

Марія.

Отрывокъ изъ Артурова Журнала.

(*Окончаніе.*)

11 *Августа.* Возвращаюсь домой, бѣгу въ объятія батюшки. Она меня любитъ! восклицаю въ восхищеніи. Батюшка хотѣлъ отвѣчать — Она меня лю-

быть! — повторяю нѣсколько разъ. Душа моя наполнена была восторгомъ. Батюшка, наслаждайтесь моимъ щастїемъ! сомнѣнїе кончилось! миновалась мучительная неизвѣстность!

На другой день увлекаю его за собою къ Милади Сеймуръ. Она была одна, въ своемъ кабинетѣ — я этого ожидалъ: препятствїя казались мнѣ невозможными; я чувствовалъ себя щастливымъ и щастливымъ совершенно! Въ первый и конечно единственный разъ въ жизни обрадовался я, что Марїи не было на ту минуту съ нами.

Съ какимъ трепетомъ вошелъ я въ кабинетъ Милади Сеймуръ! Сердце мое предупреждало то сладостное мгновенїе, въ которое назначено было мнѣ обѣщать ей любовь нѣжнаго сына. Увидя батюшку, она встала: это вниманїе учтивости успокоило нѣсколько мою волнующуюся душу; оно остановило на языкѣ моемъ трогательное имя матери, которымъ хотѣлъ я наименовать ее, когда бы осмѣлился говорить ей о Марїи.

Батюшка сѣлъ; спросилъ Милади о здоровьѣ; нетерпѣнїе мучило мое сердце; наконецъ онъ сказалъ: „Милади! я имѣю

сына, любезнаго и совершенно добраго сердцемъ — повѣрьте въ этомъ отцу, который никогда не видалъ отъ него огорченія! Онъ привязанъ къ одной прелестной дѣвицѣ: она вамъ знакома! Помогите намъ склонить отца ея на этотъ союзъ, которымъ и Артуръ и она должны быть истинно щастливы!" — Лади Сеймуръ покраснѣла. Въ эту минуту вошла Марія. Мать подала ей знакъ, и она удалилась — съ видимымъ замѣшательствомъ: сердце ея угадывало нашу тайну. Я бросился къ ногамъ Милади: ахъ! склонитесь, склонитесь на мою прозьбу! отдайте ее моей любви! вся моя жизнь посвящена будетъ ея щастію — „Для чего не зависитъ она отъ моей воли!" сказала Милади. — Я поцѣловалъ одну ея руку; батюшка пожалъ другую — „Друзья мои, милые друзья! намъ трудно будетъ успѣть въ своемъ предпріятіи" — *Намъ!* какъ былъ я ей благодаренъ за это нѣжное соединеніе желаній! — „Не буду передъ вами скрываться: я давно уже назначала Марію Артуру; но съ той минуты, въ которую замѣтила, что Марія была ему драгоцѣнна, слабость здоровья перестала меня безпокоить; будущее представилось мнѣ въ лучшемъ видѣ — (она взглянула на батюшку) — меня утѣшила надежда, что вы заступите нѣкогда мое мѣсто; что Марія найдетъ въ васъ нѣж-

наго отца: могла ли я ужасаться смерти? . . . . Но Лордъ Сеймуръ, но старшія мои дочери? Будутъ ли онѣ согласны?" — Я не могъ удержаться и воскликнулъ: ваша дочь одна Марія! Батюшка просилъ ее сообщить Милорду наше предложеніе; она дала слово, но съ тѣмъ, чтобы мы не спѣшили. „Я выберу благопріятную минуту! я напомню ему, что онъ, ввѣряя воспитаніе Эльмины своей сестрѣ, позволилъ мнѣ располагать судьбою Маріи." — Рука ея осталась въ моей; но она занималась однимъ батюшкою; скоро забыли о моемъ присутствіи. — Марія имѣетъ милый, прелестный характеръ, сказала Миладн. — Сынъ мой имѣетъ рѣдкое сердце. — „Естьлибъ вы знали, какъ она угадываетъ все то, что можетъ меня сдѣлать щастливою!" — А онъ? Какъ боится малѣйшей для меня непріятности! — „Благословляя ихъ, мы можемъ просить отъ Бога одного: чтобы ихъ дѣти были имъ подобны!" — Это единственное мое желаніе!" — „Это единственная моя молитва!" — Миладн назвала меня милымъ сыномъ, и позволила мнѣ говорить Маріи о любви своей. Я на колѣняхъ принялъ ея благословеніе.

12 *Августа.* Я возвратился домой въ такомъ состояніи, которому нѣтъ

выраженія на языкѣ человѣческомъ, и нынче по утру, очень рано, побѣжалъ въ Сеймуровъ паркъ. Со мною встрѣтилась Миссъ Эльмина; я ожидалъ не ее; но будучи щастливъ въ совершенствѣ, я не былъ способенъ ничѣмъ огорчаться; подошелъ къ Эльминѣ съ истиннымъ удовольствіемъ; одна застѣнчивость не позволила мнѣ сказать ей: *милая Миссъ Эльмина!* въ восторгѣ своемъ я любилъ всякаго человѣка.

Она закрыла книгу и пригласила меня съ собою гулять. Это неожиданное приглашеніе смутило нѣсколько мою веселость; но я утѣшился: сердце мое летѣло къ Маріи; для тебя одной, говорилъ я ей въ мысляхъ, для тебя сношу такое принужденіе; хочу, чтобы сестра твоя тебѣ осталась благодарною за мои ласки.

Мы пошли въ ту сторону парка, которая была еще мнѣ неизвѣстна. Эльмина привела меня къ пригорку, посвященному Меланхоліи: на немъ росли густыя деревья; глазамъ моимъ представились: жертвенникъ съ надписью: *Вертеру*; стихи къ Спокойствію, къ Равнодушію, къ Разсудку. — Никогда не прихожу на это мѣсто безъ нѣкотораго страха — сказала Эльмина —

какія воспоминанія! но моя чувствительность влечетъ меня сюда невольно.“ — Миссъ Эльмина имѣетъ чувствительность! Сказать правду, это меня удивило. Я посмотрѣлъ ей въ глаза, надѣясь увидѣть въ нихъ что нибудь сходное съ ея словами; но я нашелъ всё ту же Эльмину: холодную, вытянутую, сухую, какова была она вчера, какова будетъ вѣчно. — „Видите ли этотъ бѣлый, свѣтленькой домикъ? сказала она. Въ немъ живутъ нещастные! отецъ и мать, которыхъ участь самая печальная!“ — Не знаю, предчувствовало ли мое сердце горесть, боялось ли потерять тѣ сладкія чувства, которыми было наполнено; но я не могъ отвѣчать. — Эльмина остановилась, смотрѣла на меня . . . вздыхала . . . какъ будто требовала, чтобы я началъ разспрашивать о причинѣ сихъ томныхъ вздоховъ . . . но я молчалъ. Внутренній голосъ говорилъ мнѣ: удались! Ахъ! для чего не повиновался я сему благодѣтельному голосу!

Наконецъ Эльмина, вздохнувши опять, сказала: вы честный человѣкъ, любезный Артуръ! я могу на васъ положиться; могу открыть вамъ тайну, которая, вѣроятно, предохранитъ васъ отъ нещастія любить . . . . по крайней мѣрѣ любить, не будучи увѣреннымъ, что васъ

любятъ взаимно. Садитесь подлѣ меня и слушайте, но обѣщайтесь быть молчаливымъ.“ — О суевѣріе любви! ты одно можешь изъяснить то отвращеніе, которое почувствовалъ я при словѣ *тайна*. Съ какимъ усиліемъ принудилъ я себя сѣсть подлѣ Эльмины! она не замѣтила моего чувства, и начала говорить:

„Въ этомъ маленькомъ домикѣ живетъ владѣлецъ небольшаго сосѣдняго помѣстья. Онъ посылалъ своего сына учиться въ Итонъ и въ Кембричь. Не смотря на бѣдность, старался онъ не только усовершенствовать его въ наукахъ, но вмѣстѣ образовать въ немъ и пріятные таланты. Молодой Эдвинъ, возвратясь изъ Университета, казался въ здѣшней провинціи чудомъ. Отецъ познакомилъ его съ нашимъ домомъ. Батюшка обласкалъ молодаго человѣка, который въ самомъ дѣлѣ былъ очень любезенъ и имѣлъ наружность пріятную. Мы обходились съ нимъ просто, дружески, съ тою свободною ласкою, какую обыкновенно позволяешь себѣ съ людьми низшаго состоянія. Онъ привязался къ нашему семейству; былъ у насъ въ домѣ всякой день; нравился батюшкѣ; сестра Сара ѣздила съ нимъ на охоту; для меня писалъ онъ стихи; я поправляла ихъ, и мы очень часто

спорили о разныхъ ученыхъ матеріяхъ, которыми занимались просвѣщенные люди нашей провинціи; словомъ, Эдвинъ казался только *благодарнымъ*; никто не замѣчалъ въ немъ и тѣни намѣренія, несоотвѣтственнаго его состоянію. Въ одинъ день Марія пришла къ намъ съ заплаканными глазами — (при имени Маріи вся кровь моя бросилась къ сердцу) — причина ея печали была мнѣ неизвѣстна; я никогда не замѣчала, чтобы Эдвинъ имѣлъ къ ней какую нибудь привязанность, и какъ же должна была удивиться, когда батюшка, при всѣхъ насъ, спросилъ послѣ обѣда у Маріи: не она ли вселила въ Эдвина дерзкую надежду быть ея мужемъ? Марія сказала: *нѣтъ*, но такимъ слабымъ голосомъ, что батюшка вышелъ изъ себя; онъ приказалъ ей немедленно объяснить ему, что подало поводъ къ такому досадному слуху.“ — Боже! какъ я трепеталъ! каждое слово Эльмины, казалось, заключало въ себѣ судьбу моей жизни. Я вскочилъ съ мѣста, когда она произнесла имя Маріи; но ослабѣвъ, принужденъ былъ сѣсть опять на скамейку; мнѣ нужно было оперетъ на что нибудь свою голову, закрыть лице, удерживать свое дыханіе; глаза мои были опущены; я не могъ видѣть Эльмины, и чувствовалъ, что она на меня смотрѣла — кажется, что она нѣсколько минутъ не

говорила ни слова. Договаривайте! сказалъ я задыхаясь. — „Марія призналась, что Эдвинъ часто прогуливался съ нею вмѣстѣ въ паркѣ, часто говорилъ ей о своемъ отцѣ, о своей матери, говорилъ съ такимъ нѣжнымъ, съ такимъ непритворнымъ почтеніемъ, что сердце ея не могло не тронуться. Онъ желалъ, чтобы она посѣтила его родителей: Марія не имѣла духу отказаться, и Эдвинъ, можетъ быть обманутый такимъ снисхожденіемъ, вообразилъ, что сердце Маріи отвѣчало ему на то чувство, котораго она даже и не замѣтила. Батюшка сердился, называлъ ее неосторожною. Я, напротивъ, невольно приняла участіе въ горести Эдвина. Онъ открылъ мнѣ свою душу; я видѣла, что онъ обманывался надеждою на привязанность Маріи: занимаясь ею безпрестанно, онъ часто говорилъ объ ней съ восторгомъ, еще чаще съ прискорбіемъ, но никогда безъ чувства или съ равнодушіемъ. — Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, печальныхъ, мучительныхъ для Эдвина. Вдругъ онъ скрылся. Его отсутствіе огорчило Марію; она воображала себя невинною причиною погибели молодаго человѣка, и мысль сія лишила ее спокойствія. Она выходила каждое утро изъ замка; иногда возвращалась въ него съ заплаканными глазами; наконецъ открылось мнѣ, что она очень часто на-

вѣщала печальныхъ родителей Эдвина... Загадка непонятная: поступки Марїи показываютъ любовь, слова ея показываютъ равнодушїе! одну ее родители Эдвина должны обвинять въ своемъ нещастїи, и одну ее, изъ всего нашего семейства, любятъ они съ какою-то необыкновенною нѣжностїю!"

Эльмина еще не кончила, какъ двери маленькаго домика отворились. Смотрю: никто не показывается; но вижу конецъ бѣлаго платья, развѣваемаго въ дверяхъ вѣтромъ: какъ трепетало мое сердце! Не уже ли это Марїя? Знаю, что она чувствительна, что она имѣетъ тонкую нѣжность, что она могла любить другаго прежде, нежели мы встрѣтились — но та ли это Марїя, которая казалась мнѣ простосердечною, невинною? Та ли это женщина, къ которой привязаны были всѣ радости, всѣ надежды будущей моей жизни?

Я все еще видѣлъ бѣлое платье; угадывалъ, что женщина, стоявшая въ дверяхъ, оставляла этотъ домъ съ сожалѣнїемъ; я страдалъ, я разрывался. Наконецъ она выходитъ, и это Марїя! Она оборачиваетъ голову назадъ, прощается знаками съ пожилою женщиною, которая, остановившись у дверей, провожаетъ ее глаза-

ми; на половинѣ дороги Марія оглядывается въ послѣдній разъ, машетъ рукою; старая женщина входитъ въ домъ . . . и такъ онѣ встрѣчаются и разстаются на одномъ положенномъ мѣстѣ: все между ими привычка! все между ими условіе!

Я побѣжалъ отъ Эльмины. Пока еще незнакомая женщина была въ моихъ глазахъ, по тѣхъ поръ могла она кликнуть Марію, по тѣхъ поръ и Марія могла еще сама собою къ ней возвратиться: я воображалъ, что видя ихъ вмѣстѣ, имѣю способъ сдѣлать какое нибудь новое открытіе. Но когда Марія осталась одна; когда замѣтилъ я, что она съ каждымъ шагомъ ко мнѣ приближается, то я почувствовалъ въ себѣ одно желаніе не видать ее! . . . О Боже! Марія, къ которой душа моя была такъ привязана! Марія, которой наружность отвѣчала моему сердцу! . . . Я опрометью прибѣжалъ домой; бросился въ кресла; закрылъ глаза и противъ воли воскликнулъ: нещастный! Ахъ! первая горесть первой любви, какъ нестерпимы твои мученія! Куда сокрылось то щастіе, которое обѣщалъ я себѣ въ воображеніи? Одна минута сія превзошла всѣ горести, которыя ужасали меня въ будущемъ. Я не дышалъ, не мыслилъ; я мучился.

Прошло нѣсколько часовъ, я ихъ не замѣтилъ. Я забывалъ о батюшкѣ, но онъ мною занимался; онъ самъ послѣ обѣда пришелъ въ мою комнату; я всталъ, не говоря ни слова; онъ посмотрѣлъ мнѣ въ глаза; опять посадилъ меня на кресла, придвинулъ къ нимъ маленькой стулъ, и сѣвши подлѣ меня сказалъ: „Для чегожь не прямо къ моему сердцу, неблагодарный? Развѣ я не имѣю слезъ для твоей горести? Развѣ душа моя затворена для твоего щастія?“ Слезы потекли струею изъ глазъ моихъ; я зажалъ руками лице; батюшка, взявши мою руку, принудилъ меня открыться; я бросился къ нему на грудь, цѣловалъ ее; наконецъ воскликнулъ: батюшка! пощадите меня! всѣ горести любви въ моемъ сердцѣ! — „Въ твои лѣта, мой другъ, жизнь прелестна по однимъ только привлекательнымъ ея заблужденіямъ; говори со мною откровенно; скажи мнѣ, что происходитъ въ твоемъ сердцѣ?“ — Какъ обнаружить передъ разсудкомъ отца моего печаль, произведенную двумя или тремя словами? — Онъ выслушалъ меня съ терпѣніемъ друга, имѣющаго одинакія со мною лѣта и одинакія склонности; входилъ во всѣ мои чувства: батюшка! восклицалъ я иногда, щастіе представилось мнѣ только вдали, на одну минуту! оно плѣнило меня

и скрылось . . . . Я старался пересе-лить въ него свою досаду; описывалъ кокетство Марїи, описывалъ суетность, которая заставила ее пожертвовать лю-бовїю фортунѣ и гордости . . . . Батюш-ка слушалъ меня въ молчанїи; каждое слово мое обвиняло Марїю. Наконецъ онъ сказалъ: съ какимъ жаромъ ты будешь опровергать завтра тѣ самыя обвиненїя, которыми стараешься убѣдить меня нынѣ! — Душа моя озарилась незап-нымъ свѣтомъ; новая, никогда неиспы-танная горесть мною овладѣла: я об-винялъ Марїю, тогда, какъ имѣлъ во вла-сти послѣднее утѣшенїе — быть велико-душнымъ! Великодушнымъ? Но былъ ли я справедливымъ? Взялъ ли на себя трудъ выслушать ея оправданїе? — „Батюшка! воскликнулъ я, забудьте мою безразсуд-ность“ — Нѣтъ! я хочу узнать всѣ по-дробности поведенїя Марїи съ Эдвиномъ! — „Нужно ли это? Любовь моя не существу-етъ! я не имѣю права разсматри-вать поступковъ Марїи!“ — Артуръ, не-ужли ты боишься потерять свое сомнѣ-нїе? — Онъ просидѣлъ со мною до поло-вины ночи; холодный разсудокъ его усми-рилъ изступленное мое сердце; но я ос-тался нещастнѣе. Ахъ! для чего похи-щать у меня мою любовь! для чего лишать меня горестной отрады дѣлать упреки!

13 *Августа.* Бѣдное, слабое твореніе! Вчера я рѣшился никогда не видать Маріи! А нынче? Ищу ее, и чувствую, что не искать Маріи выше моей силы! Безъ всякаго рѣшительнаго намѣренія иду въ паркъ Лорда Сеймура; онъ самъ попадается мнѣ на встрѣчу; я съ тайнымъ удовольствіемъ увѣряю себя, что нѣтъ возможности отъ него избавиться, и слѣдую за нимъ въ замокъ. Мы входимъ въ гостиную: Марія смотритъ на меня съ безпокойствомъ. Спрашиваютъ, что со мной сдѣлалось; удивляются; говорятъ, что нѣтъ на мнѣ человѣческаго лица, что я перемѣнился ужасно. Отвѣчаю, что наканунѣ я страдалъ чрезвычайно, что и теперь еще страданіе мое не миновалось. Марія, думалъ я, ты должна быть увѣрена, что я не уважилъ бы такого страданія, которому не ты причиною. Лице ея покрылось блѣдностію — вся душа моя пришла въ волненіе; хочу подойти къ Маріи, хочу ей сказать слово любви и отрады; но тайный голосъ, который меня преслѣдуетъ, который меня терзаетъ, голосъ неумолимый воскликнулъ во глубинѣ моего сердца: она также блѣднѣла отъ горестей Эдвина! Ахъ! естьли душа моя принадлежитъ Маріи, то для чего же Марія не можетъ разрушить во мнѣ мучитель-

наго во мнѣ воспоминанія и удалить отъ меня смутныя мысли о будущемъ? Для чего же, не находя никакой привлекательности въ остаткѣ моей жизни, я не могу ограничить бытія моего тѣми только минутами, въ которыя вижу предъ собою Маріи? — Я сѣлъ подлѣ нее — Сара заслоняла меня стуломъ — опустилъ на руку свою голову, и молчалъ; но я не могъ бы говорить и тогда, когда бы остался одинъ на одинъ съ Маріею: говоря, я только что усилилъ бымое мученіе; но чувствуя, что она подлѣ меня, я успокоивался однимъ очарованіемъ ея присутствія: она смотрѣла на меня съ трогательнымъ, унылымъ вниманіемъ; на лицѣ ея написано было безпокойство, но она молчала, и я благодарилъ ее за это молчаніе, которое казалось мнѣ пощадою. Для страждущей души, такъ точно какъ и для больнаго тѣла, есть опасныя минуты слабости, минуты, въ которыя знакомые звуки милаго голоса произвели бы въ ней потрясеніе ужасное и вновь раскрыли бы всѣ ея раны.

Мало помалу я пришелъ въ себя и могъ владѣть самимъ собою. Первое слово, которое дошло до моего слуха, была жестокая насмѣшка, сказанная на счетъ одного семейства, случайно пришедшаго въ бѣдность. Съ удивительнымъ хладнокрові-

емъ разсуждали о состоянїи нещастныхъ, истинно достойныхъ сожалѣнїя. Одни обвиняли ихъ самихъ въ оплошности; другїе утверждали, что имъ не льзя было не предвидѣть того, что съ ними случилось; всѣ вообще были увѣрены, что имъ оставалось еще много способовъ *не умереть съ голоду*. Я начиналъ сердиться; вдругъ слышу голосъ, тихїй, прелестный, голосъ Марїи: „Щастливцы, сказала она съ выраженїемъ ей одной свойственнымъ, слишкомъ разборчивы на нещастїе.“ — Эта гармонїя милаго голоса, это единственное, магическое слово, сказанное и слышное одному мнѣ, это согласїе въ чувствахъ и мысляхъ все оправдывало Марїю въ моемъ сердцѣ. — Марїя! отвѣчалъ я ей такъ же тихо, не знаю, называть ли мнѣ себя виновнымъ, или навсегда отказаться отъ щастїя — но прежде нежели наступитъ вечеръ, эти нещастные будутъ утѣшены. Произнося твое имя, я выведу ихъ изъ бездны! Наши имена, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ, будутъ благословляемы вмѣстѣ.

Какое горестное безпокойство изобразилось во взорахъ Марїи! но я удалился. — Нѣтъ, Марїя! не здѣсь, и не въ одну минуту, и не однимъ словомъ ты можешь возвратить моему сердцу спокойствїе.

Хочу, чтобы въ моемъ присутствіи ты разсмотрѣла всѣ свои чувства; хочу вмѣстѣ съ тобою пройти мысленнымъ взоромъ минувшее время твоей жизни. Ахъ, естьли бы я нашелъ въ тебѣ ту самую Марію, которая представилась мнѣ при первомъ на тебя взглядѣ, ту самую Марію, которая одна на землѣ знакомила меня съ небесами!

15 *Августа.* Напрасно просидѣлъ я цѣлыя послѣобѣда у Лорда Сеймура: Марія не являлась. Въ восемь часовъ приносятъ къ Милади Сеймуръ отъ нее записку; она прочла и подала ее Милорду, который, пробѣжавъ ее глазами, отдалъ назадъ съ усмѣшкою презрѣнія, и началъ играть съ своими собаками — единственное его прибѣжище, когда онъ сердитъ или очень веселъ; онъ гладилъ ихъ, дергалъ за уши, бранилъ — одно слово меня поразило. Я тебя люблю, Діана! — сказалъ онъ одной изъ собакъ, той, которая была сердитѣе и рѣзвѣе — люблю за то, что ты не имѣешь чувствительнаго сердца. Съ какимъ выраженіемъ произнесъ онъ послѣднее слово! Мнѣ казалось, что оно сказано было на счетъ Милади Сеймуръ, которой лице запечатлѣлось сердечнымъ уныніемъ. — Гдѣ Марія? спросилъ я у самого себя съ трепетомъ. — Бѣгу въ

паркѣ и прямо къ жилищу Эдвина. Окны бѣлаго домика были задернуты занавѣсками; я не слыхалъ ни малѣйшаго шороха. Какое волненіе въ моемъ сердцѣ! и вокругъ меня какое спокойствіе! Вслушиваюсь; едва дышу; повсюду глубокое безмолвіе!

Ни что не увѣряло меня, что Марія находилась близко; но тайное, неизъяснимое чувство препятствовало мнѣ удалиться. Я сидѣлъ подъ дубомъ, у самаго домика, и мучился горестными мыслями. „Быть можетъ, на самомъ этомъ мѣстѣ, говорилъ я самому себѣ, увѣрялъ онъ ее въ любви. Здѣсь, можетъ быть, оплакивала она разлуку съ Эдвиномъ.“ — И я воскликнулъ симъ воплемъ души, который и теперь еще звучитъ въ моемъ слухѣ: Марія! никогда не будетъ *онъ любить тебя моею любовію!* Какой ужасный взглядъ обратилъ я на самаго себя въ эту минуту! какъ живо представилось моему воображенію все то, что я готовъ былъ сдѣлать для ея утѣшенія, для ея щастія! вся душа моя вопіяла: удержи, останови Марію! скажи ей, для чего теряетъ она ту любовь, въ которой заключено ея щастіе? И при каждой горести, при каждомъ воспоминаніи, при каждомъ волненіи тѣ же слова и тотъ же голосъ отзывались въ душѣ моей: никогда не будетъ онъ любить ее моею любовію!

Забывшись, не чувствуя, что дѣлаю, чего желаю, иду къ дверямъ маленькаго домика; залаяла собака, и въ ту же минуту отворилась дверь: Марія выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу. Войдите, сказала она, мы васъ ждали: онъ очень дуренъ! — Я схватилъ ее за руку; я воскликнулъ такимъ голосомъ, который самаго меня привелъ въ ужасъ: „Марія! ты здѣсь? Въ какое время!“ — „Ахъ, Боже! сказала она тихо и съ трепетомъ — этого нещастія недоставало мнѣ!“ Ноги ея подогнулись: я взялъ ее на руки, посадилъ на ступень; Марія, слабая, трепещущая, не лишилась чувства; она смотрѣла на меня и молчала; я имѣлъ время собраться съ духомъ. Располагайте мною, сказалъ я ей съ принужденнымъ спокойствіемъ: могу ли быть полезенъ Эдвину? — „Эдвину! кто говорилъ вамъ объ Эдвинѣ?“ — Что съ нимъ сдѣлалось? болѣнъ? раненъ? говорите!“ — Отецъ его при смерти! я дожидаюсь здѣсь Лѣкаря. Она замолчала; грудь ея спиралась рыданіемъ. Каждая слеза Маріи падала на мое сердце и его палила. О какъ много должна она любить Эдвина, когда опасность отца его могла огорчить ее такъ сильно! — „Марія! позвольте мнѣ проводить васъ въ замокъ! — „Нѣтъ, нѣтъ! онъ умираетъ! могу ли снести, чтобы онъ искалъ меня и искалъ напрасно затво-

ряющимся своимъ взоромъ! чтобы онъ проклиналъ меня въ послѣднюю свою минуту!" — А мнѣ, Марія, не уже ли проклинать тотъ часъ, въ который судьба показала тебя моему сердцу? — Марія положила обѣ руки на мою руку: „*Артуръ*!" сказала она — еще никогда не называла она меня Артуромъ. Это имя проникло прямо въ мою душу. Марія! кто открываетъ тебѣ всегда то слово, тотъ взглядъ, которымъ не можетъ противиться мое сердце, которыя подчиняютъ тебѣ мою волю? — „Артуръ! теперь не могу сказать вамъ ничего; завтра поутру придите къ хижинѣ. Мы увидимся, естьли позволитъ матушка. Я встану и приду очень рано!" — А теперь? — „Теперь намъ надобно разстаться! — Она удалилась, не дожидаясь отвѣта, не слушая моихъ упрековъ; я звалъ ее, Марія слышала мой голосъ, оборотила голову — но она не захотѣла ко мнѣ возвратиться . . . . О Марія! придетъ то время, въ которое перестану тебя любить; время, когда найду утѣшеніе въ одномъ словѣ: *я уже не люблю*; когда противъ нещастій моихъ буду вооруженъ единымъ словомъ: *я уже не люблю*! тогда я перестану чувствовать; тогда я все найду въ собственныхъ своихъ силахъ, тогда и самый слѣдъ любви изгладится изъ моего сердца!

16 *Августа.* Заря еще не занималась, когда я пришелъ на то мѣсто, которое назначила мнѣ Марія. Долго сидѣлъ я на камнѣ, смотрѣлъ съ унынїемъ на разцвѣтающїй востокъ, и думалъ о томъ, что скажетъ она въ свое оправданїе. Одно любопытство, а не любовь — такъ увѣрялъ я самаго себя — заставило меня предупредить утро и ожидать здѣсь прихода Марїи. Съ какимъ недовѣрчивымъ чувствомъ внималъ я мысленно голосу непорочности, увѣренїямъ невиннаго ея сердца! все прежнее очарованїе Марїи, ея стыдливая скромность, ея выразительное безмолвїе казались мнѣ однѣми приманками искусства. Словомъ, я готовился признать ее виновною; я осуждалъ Марїю; но я увѣренъ, что горестный вопль удивленїя и отчаянїя исторгся бы изъ моего сердца, когда бы Марїя сама подтвердила предо мною тѣ обвиненїя, которыми обременялъ я ее мысленно въ своей несправедливой досадѣ.

Наконецъ она явилась, и теперь еще вижу это увядшее лице, эту медлительную, трепещущую походку; этотъ унылый, сладостный взглядъ. При первомъ на нее взорѣ укоризна умерла на языкѣ моемъ. Марїя! мнѣ ли извлекать слезы изъ милыхъ твоихъ глазъ, которыя такъ много, такъ часто ихъ проливали! — „Артуръ,

сказала Марія, вамъ говорили объ Эдвинѣ, — я хотѣлъ наименовать сестру ея, но Марія продолжала — не хочу знать, кому обязана я этимъ новымъ нещастіемъ; чувствую, что для меня было бы трудно простить ему.“ — Она отворотилась; я хотѣлъ войти въ хижину. — „Останемся здѣсь, сказала Марія, не будь ничего между мною и небомъ! оно одно справедливо и видитъ глубину сердца!“ — Марія сѣла на дерновую скамью; замолчала; еще разъ отворотилась, чтобы сокрыть отъ меня свои слезы, которыя тихо падали съ длинныхъ ея рѣсницъ: и я, видя сіи прелестныя слезы, забывалъ и досаду свою и любовь, и будущее, и самаго себя! я чувствовалъ одну ея горесть, и сердце мое разрывалось. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я перваго ея слова! Наконецъ Марія сказала: и вы могли быть такъ жестокимъ! осудить Марію, не выслушавъ ея оправданія; оставить Марію, не сдѣлавъ ей ни одного упрека! Чтожь, естьли бы она была виновна и виновна передъ Артуромъ? Назовите другое нещастіе, болѣе чувствительное для ея сердца?“ — Она еще не сказала ни слова въ свое оправданіе; но вся душа моя признавала уже ее невинною. Въ взорѣ Маріи была такая чистая непорочность, ея довѣренность ко мнѣ была

такъ спокойна, такъ неизмѣняема! Я смотрѣлъ на нее съ восхищеніемъ. Простишь ли меня, Марія! сказалъ я; перестанемъ думать о прошедшемъ; намъ принадлежитъ одно будущее. Сей часъ иду къ Милорду Сеймуру; бросаюсь къ ногамъ его, прошу твоей руки — но, прибавилъ я, въ состояніи ли ты забыть . . . Я не могъ продолжать; языкъ мой не въ силахъ былъ произнести имени Эдвина; Марія произнесла его. „Конечно забыть Эдвина — прибавила она съ горькою усмѣшкою, и взоръ ея устремился на небо, какъ будто призывая его въ свидѣтели моей несправедливости — не знаю, что сказано вамъ на счетъ Эдвина, и на что мнѣ знать! Выслушайте меня, Артуръ! Вчера цѣлой вечеръ думала я о прошедшемъ; всѣ обстоятельства, всѣ поступки, всѣ чувства, сами по себѣ слабыя и почти непримѣтныя, но важныя по одному воспоминанію и слѣдствіямъ, все обновилось въ моей памяти; ни что не ускользнуло отъ моего взора: онъ все узнаетъ, говорила я самой себѣ; и щастлива буду, естьли найду то выраженіе, которое согласно съ его мыслію, то чувство, которое должно уничтожить его недовѣрчивость.

„Не стану говорить вамъ о нещастіяхъ моего младенчества: онѣ должны

быть для васъ понятны. Тысяча обстоятельствъ, мѣлкихъ, для постороннаго невидимыхъ или неважныхъ, дѣлали ихъ для меня ощутительнѣе. Матушка принимала ихъ слишкомъ живо къ своему сердцу; и я вмѣсто того, чтобы искать въ ней утѣшителя, всѣми силами старалась скрывать отъ нее свои печали. День рожденія моихъ сестеръ былъ днемъ удовольствія и праздника въ замкѣ Сеймурѣ: но для меня, забытой отцемъ моимъ, ни одинъ день не приносилъ щастія; въ году не было ни одного дня, о которомъ бы я сожалѣла, котораго могла бы ожидать и могла бы радоваться заранѣе. Назадъ тому два года, какъ тетушка, Милади Индіана, праздновала рожденіе Эльмины. Всѣхъ нашихъ сосѣдей пригласили на балъ; въ томъ числѣ и Эдвина съ его отцемъ. Молодой человѣкъ, будучи застѣнчивъ и робокъ, не смѣлъ принимать участія въ удовольствіяхъ праздника; я была печальна и удалялась отъ людей. Эдвинъ не имѣлъ никакого имени; я не имѣла никакого состоянія; и я и онъ были не примѣчены, забыты; мы оба очень скоро замѣтили свое одиночество среди многолюдства. Нѣтъ! мы не сами искали другъ друга; но щастіе, но щастливцы, оттолкнувши насъ отъ своего сообщества, сблизили сердца наши невольно; съ той самой ми-

нуты я начала замѣчать, что всѣ поступки мои занимали Эдвина; и признаюсь вамъ откровенно, самъ Эдвинъ сдѣлался для меня замѣтнѣе съ той минуты; часто находила я въ этой хижинѣ любимые свои цвѣты; въ иное время попадалась мнѣ книга, которую желалъ онъ заставить меня прочесть; короче, тысячи мѣлкихъ воспоминаній, освященныхъ въ глазахъ моихъ общимъ нещастіемъ, и всегда казавшихся мнѣ непорочною привязанностію брата, всякую минуту говорили мнѣ объ Эдвинѣ.

„Въ это время занемогла матушка опасною болѣзнію. О какъ мучительно было для меня это время! Я проводила ночи у ея постели; мнѣ казалось, что потерявъ ее, не буду уже привязана ни къ чему на свѣтѣ. При каждомъ, малѣйшемъ облегченіи, душа моя летѣла къ небу: сохрани ее, милосердое Провидѣніе! повторяла я, обливаясь слезами. Но всякой разъ, когда она чувствовала себя хуже, я умоляла Бога о собственной смерти. Ахъ! — прибавила она, взглянувъ на меня глазами упрека — я не любила Эдвина: онъ никогда не приходилъ мнѣ на память въ минуту опасности; воспоминаніе объ Эдвинѣ представляло мнѣ одно утѣшеніе; никогда, никогда не обѣщало оно мнѣ щастія.

„Въ одно утро — матушка почивала .. я вышла въ садъ и встрѣтилась съ Эдвиномъ у самой хижины. Съ какимъ прискорбіемъ говорилъ онъ со мною о матушкиной болѣзни! съ какимъ участіемъ входилъ во всякое страданіе моего сердца! Не знаю съ чего пришло мнѣ въ голову сказать ему о томъ безпокойствѣ, которое матушка, въ часы безпамятства, обнаруживала на счетъ моей будущей участи; описывая Эдвину выраженія материнской горести, я плакала. Артуръ, вы никогда не бывали нещастны! вы не знаете, какъ можно видѣть друга въ томъ человѣкѣ, передъ которымъ проливаешь слезы!

„Эдвинъ, прощаясь со мною, сказалъ, что всякое утро будетъ приходить къ хижинѣ, освѣдомляться о состояніи матушки. Дружба его меня трогала; я дала Эдвину слово извѣщать его сама о всѣхъ перемѣнахъ матушкиной болѣзни; я почитала это святымъ долгомъ; и въ самомъ дѣлѣ всякой день видалась съ Эдвиномъ на этомъ мѣстѣ, иногда на одну минуту, сказывала одно слово и уходила; иногда — естьли матушка или почивала, или чувствовала себя лучше, или казалась веселѣе — проводила съ нимъ болѣе получаса; но я не помню, чтобы во все это время случилось мнѣ хотя одинъ разъ не думать единственно объ ней.

Скоро начала она оправляться, и я не отходила уже отъ нее ни на минуту. Мы рѣдко видались съ Эдвиномъ; онъ досадовалъ, жаловался: я находила его слишкомъ взыскательнымъ; сожалѣла, что онъ такъ вспыльчивъ; но сказать ли вамъ, Артуръ? я мало заботилась о его недостаткахъ; я никогда не думала, что буду отъ нихъ зависѣть." — Она остановилась; она посмотрѣла мнѣ въ лице, какъ будто хотѣла вообразить все то, чего могла опасаться отъ моихъ недостатковъ. — „Матушка была еще слаба, не выходила на воздухъ; но всякой день приказывала мнѣ прогуливаться въ паркѣ. Въ одну изъ этихъ прогулокъ Эдвинъ предложилъ мнѣ посѣтить его родителей. Я согласилась. Чистота и порядокъ, которые царствовали въ домѣ его, меня поразили. Вы знаете, что въ нашемъ замкѣ матушкина комната убрана моими рисунками. Я никогда не думала, чтобы Эдвинъ ихъ замѣтилъ — вообразитежь мое удивленіе, когда я увидѣла въ комнатѣ его матери точно мои рисунки, разставленные въ такомъ же точно порядкѣ, въ такихъ же точно рамахъ, какъ и у матушки; я покраснѣла; не могла поднять глазъ; чувствовала, что это вниманіе было слишкомъ нѣжно, что сердце мое неспособно было ему отвѣтствовать.

„По словамъ его матери, которая не знала еще меня въ лице, могла я увѣриться, что Эдвинъ мною занимался и очень много: мои обстоятельства, мои любимыя выраженія, мои привычки, мои занятія, мой образъ жизни, словомъ, всё до малѣйшей подробности было ей извѣстно; я видѣла передъ собою человѣка, для меня новаго, но котораго душа, казалось, была неразлучна съ моею отъ самаго начала моей жизни.

„Послѣ завтрака она ввела меня въ библіотеку Эдвина — другое удивленіе! у батюшки въ библіотекѣ находятся два портрета, матушкинъ и его, висящіе одинъ подлѣ другаго; здѣсь почти тоже: я увидѣла Эдвиновъ портретъ, одинакой величины съ батюшкинымъ, въ такихъ же рамахъ, и рядомъ съ нимъ картину. Я не могла не почувствовать, что все, изображенное на ней, относилось единственно ко мнѣ — комната; на стулѣ гитара — я играю довольно изрядно на гитарѣ; на столѣ книги — тѣ самыя, которыя давалъ мнѣ читать Эдвинъ; корзина, похожая на мою и полная любимыхъ моихъ цвѣтовъ; ленты — самыя тѣ, въ которыхъ Эдвинъ увидѣлъ меня въ первый разъ на балѣ; словомъ, все, что напоминало обо мнѣ, выключая одной меня.

„Я чувствовала, говорю вамъ, что все, изображенное на картинѣ, относилось ко мнѣ; но показать, что это чувствую, считала я неприличнымъ: можетъ быть я ошиблась; но развѣ Эдвинъ не имѣлъ бы права мнѣ сказать: какая связь между вами и лентами, гитарою, корзиною, книгами? И вы сами, Артуръ, что бы подумали теперь, естьли бы тогда осмѣлилась я упрекнуть Эдвина? Вы подумали бы, можетъ быть, что я дала ему право мыслить, будто мое сердце, или мое самолюбіе угадали его чувства!

Марія смотрѣла мнѣ въ лице; старалась проникнуть въ мое сердце: но чувства мои были для самаго меня неизъяснимы — такая точность во всѣхъ подробностяхъ, касавшихся до Эдвина, приводила меня въ досаду; я мучилась; душа моя возмущалась . . . но я молчалъ; удерживалъ вздохи . . . , Я боялась, Артуръ, что вы не будете мною довольны, продолжала Марія; но я надѣялась, я чувствовала, что вы не можете не извинить меня!“ — Она опять замолчала ... ждала отвѣта . . . напрасно! могъ ли я отвѣчать, неподвижный, угрюмый, мучимый ожиданіемъ, увѣренный, что еще одно признаніе, и любовь моя должна изчезнуть! — „Ахъ, ради Бога, прервите это ужасное молчаніе! Вините меня, Артуръ; но дай-

те мнѣ средство себя оправдывать!“ — Слезы стремились изъ глазъ ея — „Какое молчаніе! бѣдная, бѣдная Марія! какъ жестоко тебѣ за него отмстили!“ — Отмстили, Марія! за кого отмстили? — „За этого нещастнаго Эдвина! Онъ меня любилъ! ахъ! онъ повѣрилъ бы моему слову, увидя мои слезы!“ — Повѣрилъ! ахъ, я слишкомъ вѣрю тебѣ, Марія! отъ того-то и чувствую такъ живо, что все разлучаетъ меня съ тобою навѣки! — „Разлучаетъ!“ Она упала при этомъ словѣ на скамью, и снова подняла глаза свои на небо, но съ такою непорочною, тихою покорностію, что этотъ единственный взоръ возобновилъ въ душѣ моей всю прежнюю любовь; казалось, что она говорила Богу: онъ сказалъ, чтобы я была нещастна, и я буду нещастна.“ — О Марія! воскликнулъ я въ свою очередь, всегда, всегда найдете во мнѣ истиннаго друга! — Слово другъ, которое для любви моей казалось ужасною угрозою, принесло нѣкоторую отраду ея сердцу. — „Завтра буду здѣсь опять, сказала она. Въ это время обыкновенно просыпается матушка; продолжительная моя отлучка можетъ ее удивить: я буду не въ силахъ вынести ея упрека — на что мнѣ новая горесть!“

22го *Августа*. Пять дней сряду я приходилъ къ хижинѣ — Марія не являлась. Нынче она предупредила меня; я не предчувствовалъ ея присутствія, шелъ тихо, какъ будто противъ воли, и, признаться ли въ моемъ безумствѣ? я испугался, увидя Марію. Такъ, во дни моихъ восторговъ, во дни моей надежды, я угадывалъ, что она меня ожидала; я чувствовалъ себя щастливымъ, самъ не постигая причины сего щастія; а нынѣ, въ первый еще разъ, прихожу сюда безъ волненія, медленнымъ шагомъ и, увидя Марію, едва не вырвалось изъ моего сердца: Марія! для чего мы въ такомъ отдаленіи другъ отъ друга? Что разлучило меня съ тобою, Марія? Не уже ли придетъ такое время, когда мы будемъ встрѣчаться, подобно незнакомцамъ, которые видятъ другъ друга, видятъ и сомнѣваются, вмѣстѣ ли они, или розно? Но первое слово Маріи охладило еще болѣе мое сердце: „сядьте, сказала она, я не имѣю свободы — могу пробыть съ вами одну минуту!“ Одну минуту! За чемъ же приходить? Для чего не сказать ни слова о тѣхъ мучительныхъ дняхъ, въ которые неизвѣстность и ожиданіе меня терзали? — „Хочу открыть передъ вами мое сердце, хочу, чтобы вы могли вмѣстѣ со мною читать въ прошедшемъ!“ — Въ прошедшемъ? Что нужды мнѣ до про-

шедшаго? Настоящее, настоящее — мой мучитель! Она говорила; я не слушалъ; я старался объяснить для самаго себя причину внезапной своей холодности; но мало помалу трогательный, всегда очаровательный голосъ Марїи достигнулъ до моего сердца; я узналъ его; онъ пробудилъ мои воспоминанїя, пробудилъ мою любовь. Такъ, Марїя! твой сладостный голосъ разсѣялъ мое недоумѣнїе. Милый другъ! ожидавши тебя нѣсколько дней напрасно, я долженъ былъ наконецъ потерять надежду, и медленно идти на мѣсто свиданїя, на которомъ, быть можетъ, опять тебя не было, которое можетъ быть надлежало оставить съ такимъ же унынїемъ, съ такою же неизвѣстностїю, какъ и прежде. Какъ радовался я, угадавъ естественную причину того чувства, которое меня безпокоило — и я воскликнулъ съ невольнымъ восторгомъ: я всё еще люблю тебя, моя Марїя! Но Марїя и не сомнѣвалась въ любви моей; восклицанїе мое изумило ее. — Какое новое безпокойство въ вашемъ сердцѣ? спросила она улыбаясь. — Я не хотѣлъ открыть ей своего волненїя, своего безумства. — Говорите объ Эдвинѣ, сказалъ я, въ послѣднїй разъ, несравненная Марїя!

„Не могу сказать вамъ, какимъ образомъ простилась я съ матерью Эдвина.

Слова безъ связи . . . . . привѣтствія . . . помню только то, что я не позволила Эдвину провожать себя въ замокъ. Я возвратилась одна; долго, съ унынїемъ, на самомъ этомъ мѣстѣ, размышляла о прошедшемъ . . . судила самое себя, и находила виновною; тогда начала я сожалѣть, что не имѣла довѣренности къ матушкѣ; можетъ быть она предохранила бы мою неопытность отъ обмана; замѣтила бы любовь въ такомъ чувствѣ, въ которомъ я замѣчала одну только дружбу; можетъ быть она извинила бы меня въ ту самую минуту, въ которую осуждала я себя такъ строго.

„Прибавьте къ этому первому проступку другой: я не смѣла говорить съ матушкою о той привязанности, которую замѣтила къ себѣ въ Эдвинѣ. Какъ сказать ей, что я не совершенно была съ нею искренна? И матушка могла ли бы такъ ясно читать въ моемъ сердцѣ? могла ли бы понимать такъ хорошо, какъ я, что съ каждымъ днемъ, нечувствительно, можно сказать, безъ моего вѣдома, вина моя увеличивалась вмѣстѣ съ увѣренностїю добродушнаго Эдвина? Артуръ! повѣрьте, что не самолюбїе удержало меня обнаружить передъ нею все мое сердце; но я боялась опечалить матушку — я поразила бы душу ея въ самое чувствительное мѣсто.

„Весь этотъ день провела я въ ужасномъ мученіи. На другое утро, я прятала́сь ото всѣхъ, чтобы не встрѣтиться съ Эдвиномъ; къ обѣду надобно было выдти въ гостиную: Эдвинъ первый представился моимъ глазамъ; я обходилась съ нимъ осторожно; была молчалива; начиналъ ли онъ со мною говорить — я отвѣчала однимъ словомъ; подходилъ ли ко мнѣ — я удалялась; короче, поступки мои показывали одно равнодушіе. Эдвинъ смотрѣлъ на меня съ изумленіемъ; наконецъ самъ рѣшился отъ меня удалиться. Это меня обрадовало и въ то же время опечалило: мнѣ жаль было потерять утѣшительную дружбу Эдвина. Съ этого времени, какъ я замѣтила, онъ началъ показывать особенное вниманіе къ Эльминѣ.

„Эдвинъ очень уменъ; Эльмина почитается весьма ученою; тысяча бездѣлокъ могли занимать ихъ пріятно; долго не примѣчали они, что занимались единственно другъ другомъ, что хотѣли другъ другу нравиться; но Эльмина, которая привыкла цѣлое утро сидѣть за книгою, вдругъ начала очень часто выходить изъ кабинета; не было конца прогулкамъ; и чемъ тѣснѣе дружилась она съ Эдвиномъ, тѣмъ положеніе мое становилось несноснѣе: встрѣчаясь со мною на лѣсницѣ, она

отворачивалась съ неудовольствїемъ; въ гостиной разговаривала съ однимъ Эдвиномъ: то скажетъ ему на ухо слово, и засмѣется громко; то вздумаетъ декламировать стихи, имѣющїе отношенїе къ какой нибудь тайнѣ, касающейся до меня; то начинаетъ бранить кокетство, бросая на меня значущїе взгляды — Богъ видитъ, была ли я кокеткою; но есть люди, передъ которыми не льзя оправдаться ни чѣмъ, которые не вѣрятъ, чтобъ можно было заставить любить себя безъ намѣренїя.

„Однажды все наше семейство прогуливалось въ полѣ. Время было прекрасное: мы наслаждались однимъ изъ тѣхъ весеннихъ дней, когда разливаются въ воздухѣ благовонїе и свѣжесть, когда Натура такъ прелестна, что кажется видишь ее въ первый разъ. Веселой Сарѣ вздумалось обѣжать одну изъ молодыхъ нашихъ родственницъ, которая прогуливалась вмѣстѣ съ нами: обѣ онѣ такъ устали, что очень долго не могли перевести дыханїя. Признаться, мнѣ совсѣмъ не понравилась забава, соединенная съ такою ужасною усталостїю, и я отвѣчала въ шутку Сарѣ, когда она предложила мнѣ бѣжать въ мою очередь: надобно бѣгать только на встрѣчу къ тѣмъ, кого любишь! — „Напротивъ, чтобъ удалиться отъ нихъ! сказала Эль-

мина, взглянувъ на меня съ негодованіемъ. Она взяла Эдвина за руку и принудила за собою слѣдовать; Эдвинъ повиновался, хотя нѣсколько разъ оборачивалъ на меня свои взоры.

„Всѣ эти обстоятельства очень маловажны; но, Артуръ, самая малѣйшая подробность должна быть вамъ извѣстна. Ввечеру мы возвратились въ замокъ. Эдвинъ скорымъ шагомъ прохаживался по залѣ; поровнявшись со мною, сказалъ онъ, не подымая на меня глазъ: та, которая говоритъ, что надобно бѣгать только на встрѣчу къ милымъ, конечно вѣритъ любви? Я этого не думалъ! Вы догадаетесь сами, что я не отвѣчала. Эдвинъ нѣсколько разъ проходилъ мимо меня; равняясь со мною, онъ останавливался, ждалъ отвѣта; наконецъ уходитъ съ досадою. Я чувствовала, что онъ на меня смотрѣлъ, и боялась поднять глаза; наконецъ онъ опять приближился, опять сказалъ мимоходомъ: Миссъ Эльмина говоритъ правду — бѣжать, чтобы удалиться! Я посмотрѣла ему въ лице: это обѣщаніе равнодушія было мнѣ пріятно — какая досада сверкала въ его глазахъ! сердце мое сжалось; я опять потупила голову, вздохнула: добрый Эдвинъ былъ истинно мнѣ жалокъ; я не узнавала его, не узнавала той нѣжной, сни-

сходительной дружбы, которую привыкла находить въ его сердцѣ. Ахъ! естьли бы онъ могъ остаться однимъ моимъ другомъ, съ какимъ удовольствїемъ говорила бы я ему объ Артурѣ!" —

Я люблю Марїю, какъ безумный! Душа моя, которая въ одну минуту и зоветъ ее и отвергаетъ, привязана къ ней всѣми силами живѣйшей страсти. На что я здѣсь? Для чего мнѣ говорить, что съ нимъ прїятно было бы ей заниматься мною? Какимъ очарованїемъ всегда встрѣчается ей такое слово, всегда находитъ она такой взглядъ, которыми въ одну минуту возвращаетъ всю прежнюю нѣжность моему сердцу?

„Я начинала уже забывать Эдвина. Въ одно утро прихожу къ хижинѣ — онъ здѣсь! Удивляюсь; хочу идти назадъ, но онъ спрашиваетъ у меня: не уже ли я способна его ненавидѣть, и ненавидѣть тамъ, гдѣ онъ такъ часто обо мнѣ думалъ, такъ часто мечталъ о моемъ щастїи? — „Здѣсь, сказалъ онъ, терзали меня всѣ страсти, которыя способны только волновать человѣческую душу!" Вамъ извѣстенъ мой слабый и робкїй характеръ. Я не смѣла ни отвѣчать Эдвину, ни удалиться. Выраженїе лица его было близко и къ ненависти и къ любви. Одно слово мое могло возвратить ему или всю его нѣжность, или

всю его несправедливость. Тогда-то почувствовала я всѣ опасности того чувства, которому предавалась съ такимъ спокойствіемъ: они привели меня въ ужасъ. И теперь, Артуръ, можетъ быть слово ненависть не произвело бы во мнѣ смущенія, но обѣщаніе дружбы заставило бы меня содрогнуться.

„Могли ли вы подумать, Марія, чтобъ я когда нибудь въ состояніи былъ къ вамъ перемѣниться? — По крайней мѣрѣ имѣю право вамъ напоминать, что мнѣ неприлично этого слышать! — Нѣтъ! выслушайте меня, Марія! прошу васъ именемъ Бога: сердце мое принадлежитъ вамъ съ той самой минуты, въ которую оно васъ узнало. Я обманывалъ себя надеждою, что вы раздѣляете мое чувство — но скоро этотъ обманъ миновался! Вчера сказалъ я самому себѣ: можетъ быть она способна почувствовать къ тебѣ тунѣжную, тихую, непорочную дружбу, которая принимаетъ участіе во всякой радости, которая снисходительна ко всѣмъ печалямъ; но я не знаю, прибавилъ онъ съ прискорбіемъ, что надобно называть мнѣ радостію, и что называть печалію.“

Здѣсь Марія дала мнѣ замѣтить, что Эдвинъ никогда не льстился ея любо-

вію. Милая, милая Марія! какъ сильно желаетъ она передо мною оправдаться! какъ живо я чувствую, что она невинна!

„Я хотѣла отвѣчать Эдвину; но онъ просилъ, чтобы я молчала. Я знаю, что Марія меня не любитъ, прибавилъ онъ — это увѣреніе принудило меня его выслушать; и я сама могла ли что другое сказать ему? Я ѣду въ Индію, продолжалъ Эдвинъ. Одинъ богатый родственникъ оставилъ мнѣ наслѣдство; черезъ шесть мѣсяцевъ возвращусь въ Англію; можетъ быть Лордъ Сеймуръ, изъ уваженія къ моему богатству, отдастъ мнѣ руку Маріи.“ — Мнѣ никогда не приходило въ голову быть женою Эдвина! воскликнула я отъ удивленія. Эдвинъ продолжалъ: не смѣю и говорить о томъ, чтобы вы дали мнѣ слово; прошу одного молчанія! сердце ваше еще свободно: для чего же лишать меня совершенно надежды? — „Но Эльмина?“ — Ахъ! воскликнулъ онъ, простите ли вы меня, Марія? простите ли мнѣ безразсудное мое желаніе произвести въ вашей душѣ безпокойство? Такъ, я искалъ вниманія Эльмины; но я хотѣлъ доказать Маріи, что есть люди, которые способны любить меня! — „Чтожь, есть-ли она васъ подлинно любитъ? И вы, Эдвинъ, могли играть ея сердцемъ? могли

отважиться на нещастіе цѣлой ея жизни?" — Въ эту самую минуту явилась Эльмина. Слышала ли она разговоръ нашъ, или нѣтъ — я не знаю; но ужасы ревности были написаны на лицѣ ея: какое волненіе! какая блѣдность! — Марія! сказала она, матушка тебя дожидается! — Я встала, хотѣла удалиться; Эдвинъ, приближась ко мнѣ, сказалъ въ полголоса: прежде отъѣзда я долженъ непремѣнно узнать ваши мысли! Марія, не требую ничего, кромѣ молчанія; оно замѣнитъ для меня надежду. — Въ это время подошла къ намъ Эльмина, и я не успѣла отвѣчать Эдвину ни слова.

„Пришедши въ замокъ, я узнаю, что матушка и не думала обо мнѣ спрашивать. Она была одна; я открыла ей свое сердце; я на колѣняхъ просила ее примирить меня со мною, и показать мнѣ вѣрный способъ, какъ уничтожить заблужденіе Эдвина, которое усиливалось безпрестанно, при всякомъ случаѣ, безъ малѣйшаго моего участія.

„Конечно Эльмина сказала что нибудь о встрѣчѣ моей съ Эдвиномъ батюшкѣ; конечно предупредила она его противъ насъ обоихъ; но онъ, послѣ обѣда обошелся со мною необыкновен-

но сурово; запретилъ мнѣ приходить въ гостиную прежде Эдвинова отъѣзда; обвинялъ въ моей неосторожности матушку; она хотѣла оправдываться, хотѣла меня защитить — батюшка вышелъ изъ себя; слезы показались на глазахъ матушки; я забыла собственное огорченіе, и дала слово батюшкѣ не видаться съ Эдвиномъ.

„Не можете представить, какъ тягостно было для меня разлучиться съ Эдвиномъ, не уничтоживъ его безразсудной надежды! Что могъ онъ подумать? Молчаніе мое не показалось ли ему тайнымъ согласіемъ? — Ахъ! для чего я съ вами не встрѣтилась, для чего не узнала самой себя прежде Эдвинова отъѣзда?

„Прошло нѣсколько дней — никто не могъ сказать, что сдѣлалось съ Эдвиномъ. Въ одно утро приносятъ ко мнѣ отъ матери его письмо. Сынъ мой — писала она — простился съ вашимъ семействомъ; онъ видѣлъ вашего батюшку, видѣлъ вашихъ сестрицъ; онъ не видалъ только однѣхъ васъ! Къ собственной горестимоей присоединилась теперь ужасная мысль объ отчаяніи Эдвина. Она преслѣдуетъ меня, она разрушила мое спокойствіе. Прошу васъ: придите утѣшить горести-

ную мать! Обѣщаю вамъ не говорить ни слова объ Эдвинѣ!“ Я показала это письмо матушкѣ; она позволила мнѣ идти; я радовалась искренно, что наконецъ представился мнѣ случай уничтожить Эдвиново заблужденіе; шла поспѣшно; казалось, что съ каждымъ шагомъ я возвращала себѣ нѣкоторую часть моей свободы.

„Нахожу Эдвинову мать въ постелѣ: она была больна — могла ли я рѣшиться сказать ей въ этотъ день что нибудь печальное? Въ слѣдующіе дни унылость ея только что увеличивалась. Дулъ ли противный вѣтеръ — онъ останавливалъ Эдвина! Поднимался ли попутный — онъ удалялъ Эдвина! Ахъ! кто знаетъ лучше матери, какъ удаленіе усиливаетъ горесть разлуки! Я нечувствительно прилѣпилась къ этой женщинѣ, которая такъ мила, такъ привлекательна, что всякой человѣкъ готовъ отдать ей свою душу; а я, которой она желала нравиться, которой любви она искала, могла ли не плѣниться очарованіями сердца, привлекающаго къ себѣ всѣ другія? Такъ, я люблю ее, люблю раздѣлять ея печали. Въ послѣдній разъ, когда мы встрѣтились съ вами въ ея домѣ, я приходила навѣстить ея мужа, который занемогъ опасно; теперь ему гораздо лучше, и я спокойна.

„Она никогда не говорила мнѣ о любви Эдвина, и никогда не соглашалась увѣдомить его объ истинномъ расположеніи моего сердца. Я надѣюсь на время, повторяла она: кто веселитъ себя надеждою на будущее, тотъ похищаетъ много часовъ у нещастія. — „Но я не люблю Эдвина!“ — Можно ли не любить Эдвина? — „По крайней мѣрѣ не чувствую къ нему ничего, кромѣ дружбы!“ — Но знаете ли вы, что такое любовь? — „Нѣтъ!“ — Она приложила къ губамъ своимъ палецъ: полно говорить объ Эдвинѣ! Надобно остерегаться, чтобы не сказать что нибудь для него печальнаго: въ этомъ мѣстѣ, гдѣ онъ родился, гдѣ я провела всю его жизнь, мнѣ кажется, что онъ насъ слышитъ, что онъ между нами!“ — Какъ надобно быть жестокимъ, чтобы рѣшиться разтерзать такое милое, материнское сердце! Но я, не думавши, безъ всякаго намѣренія, уничтожила всѣ ея надежды, всѣ призраки ея щастія . . . . Съ какимъ прискорбіемъ замѣтила она привязанность мою къ Артуру!“ —

— Замѣтила, Марія? Скажите, почему вы это думаете?

„Однажды, я произнесла ваше имя. Она покраснѣла, потупила глаза; я въ первый разъ осмѣлился прижать ее къ

своему сердцу; я не хотѣлъ ничего болѣе слышать; Эдвинова мать повѣрила, что она меня любитъ; а я? я буду въ этомъ сомнѣваться? — „Марія! ни слова объ Эдвинѣ! Произнеся мое имя, ты заставила ее вѣрить, что я любимъ! повтори же его при мнѣ! повтори это имя!“ — Она подала мнѣ свою руку, съ непорочною нѣжностію, съ яснымъ веселіемъ, которое перелилось изъ души моей въ ея душу; посмотрѣла мнѣ въ глаза и сказала: Артуръ! навѣки!

1е *Сентября.* Упоенный щастіемъ, мучимый безпокойствомъ, я существую для одной Маріи. Какъ часто она доводила меня до того, что я называлъ себя безумцемъ! Какъ часто заставляла меня улыбаться въ самую минуту мучительной досады! Какъ часто единымъ словомъ; единымъ взглядомъ она разрывала мое сердце! Прошло нѣсколько дней: ни что не нарушало безмятежнаго моего щастія: О наслажденіе, которому нѣтъ имени! едва удерживался я, чтобы не восклицать каждую минуту: я щастливъ! щастливъ выше мѣры! — Какъ она мила! какъ она привлекательна, моя невинная Марія! Естьли она никогда не угадываетъ того, что можетъ меня разсердить; то всякой разъ найдетъ лучшее средство меня успокоить! Не безумство ли? Я досадовалъ

иногда на милую, несравненную тихость ея характера.

Вчера Эльмина и Сара какъ будто нарочно согласились огорчать Марію. Она разливала чай — ни что не могло угодить ихъ прихотямъ: вода была нечиста; чай былъ невкусенъ; нѣсколько разъ надлежало его передѣлывать. Марія, всегда покорная, всегда одинакая, старалась услуживать имъ, какъ будто бы было какое нибудь средство успокоить досаду, неимѣющую причины. Сара спросила у нее, что располагалась она дѣлать поутру; конечно хотѣли узнать, останется ли она дома, чтобы принудить ее выдти — такъ и случилось. Марія наканунѣ дала мнѣ слово провести все утро въ кабинетѣ своей матери: я хотѣлъ читать имъ новую книгу. Какъ я люблю читать, когда Марія меня слушаетъ, сидя за пяльцами; когда она откладываетъ работу свою, чтобъ лучше вслушаться въ такое мѣсто, которое для нее занимательнѣе; одно и тоже слово, одно и тоже положеніе поражаютъ насъ въ одно время; никогда не отвожу глазъ своихъ отъ книги, чтобы не встрѣтиться съ прелестными глазами Маріи! — Марія отвѣчала Сарѣ, что она проведетъ все утро въ кабинетѣ своей матери — и Сара по тѣхъ поръ не оставила ее въ покоѣ, пока она

не согласилась идти съ нею въ поле. Марія позабыла меня! Марія мною пожертвовала! Я разсердился, называлъ ее слабою; говорилъ ей, что она не имѣетъ характера. — Артуръ! отвѣчала мнѣ Марія съ своею очаровательною улыбкою, завтра, когда забуду и вашу досаду и ваши упреки, вы назовете себя слишкомъ щастливымъ, что любите Марію, которая, по словамъ вашимъ, не имѣетъ характера. — Я улыбнулся въ свою очередь; при ней никогда не могу остаться недовольнымъ; но я удалился съ мучительнымъ безпокойствомъ: какъ можно, восклицалъ я, такъ зависѣть отъ чужой воли, такъ покоряться тому, что окружаетъ ее?

Видя передъ собою Марію, я былъ увѣренъ, что она изъ снисхожденія исполнила желаніе сестры своей Сары; но удалясь отъ нее, я видѣлъ въ этомъ поступкѣ одну только слабость, одно забвеніе нашего условія провести утро вмѣстѣ. Боже мой! какъ могъ я съ такою пламенною душею, съ такимъ безпокойнымъ характеромъ, предаваться чувству любви? Я долженъ быть или мучителемъ, или жертвою: не пощажу для Маріи своей жизни; но я потребую, чтобы она и собственною жизнію пожертвовала мнѣ безъ изъятія.

Марія! не давай никакого спокойствія моему сердцу. Въ ту самую минуту, въ которую ты мнѣ откроешь нѣжнѣйшія свои чувства, я можетъ быть захочу подвергнуть ихъ испытанію. Не часто ли случалось, что я притворялся угрюмымъ или непостояннымъ единственно для того, чтобы испытать, превзойдетъ ли твоя привязанность мою несправедливость? Не для того ли принималъ я на себя наружность хладнокровія, чтобы увидѣть, покроется ли прекрасное лице твое блѣдностію, наполнятся ли глаза твои слезами? Марія, мой другъ, моя супруга! съ какою нѣжностію прижму тебя къ моему сердцу! съ какимъ восторгомъ буду говорить, что я тебя люблю! съ какимъ любопытнымъ безпокойствомъ буду смотрѣть, возвратилась ли на лице твое прежняя радость, сіяетъ ли твое лице прежнимъ щастіемъ! Вчера, когда я пришелъ къ твоему отцу, ты не смѣла встать, не смѣла сказать мнѣ милаго: *здравствуй*! но ты летѣла ко мнѣ на встрѣчу взглядомъ, улыбкой — о какъ я былъ щастливъ въ эту минуту! и что же! — самъ не понимаю: конечно духъ возмутитель вселилъ въ меня притворное невниманіе, далекое, слишкомъ далекое отъ моего сердца; я подошелъ къ твоей матери, сказалъ нѣсколько словъ

твоимъ сестрамъ, но отъ тебя отворотился — я видѣлъ лице твое въ зеркалѣ, я замѣчалъ твои движенія — ты была въ замѣшательствѣ, въ нерѣшимости, готова была сдѣлать неосторожность, чтобы ко мнѣ приближиться: тогда я опомнился; но могъ ли я открыть тебѣ свое безумство? Какъ рѣшиться похитить у себя нѣкоторую часть твоего уваженія, твоей довѣренности? Скажу ли — какъ лишить себя возможности волновать твою душу, взглядомъ уничтожать твое веселіе, взглядомъ возвращать тебѣ радостную улыбку въ ту самую минуту, какъ слезы готовы катиться изъ глазъ твоихъ? О Марія! когда бы возможно было мнѣ изъяснить тебѣ все изступленіе моей любви! — Но ты никогда, никогда не узнаешь, до какой степени она несправедлива; милый другъ, ты всякой разъ, вмѣсто того, чтобы обвинять меня, будешь искать въ самой себѣ причины моихъ безразсудныхъ странностей. Думаешь ли, что я не помню твоихъ словъ, милыхъ, трогательныхъ словъ, которыя такъ живы въ моемъ сердцѣ? *Что я сдѣлала?* сказала ты мнѣ своимъ умоляющимъ сладостнымъ голосомъ. Ты почитала себя виновною, потому что я казался тебѣ въ неудовольствіи. Милый, невинный другъ! когда ты бу-

дешь моею, когда ты будешь всемъ моимъ щастїемъ, когда возмешь у меня половину моей жизни: тогда не спрашивай Артура своего о причинахъ. Естьли увидишь меня угрюмымъ, несправедливымъ, прижмись къ моему сердцу; пробуди меня своею тихостїю, своимъ молчанїемъ; душа моя никогда, никогда не въ состоянїи тебѣ противиться.

10 *Декабря.* Прошло нѣсколько недѣль, нѣсколько мѣсяцевъ; я не открывалъ своего Журнала. Но мнѣ легко будетъ возобновить всѣ прежнїя мои впечатлѣнїя: я безпрестанно имѣлъ въ душѣ своей Марїю. Милый другъ! близь тебя не замѣчаю, не чувствую ничего, кромѣ одной настоящей минуты: ни будущее, ни прошедшее для меня не существуютъ; въ разлукѣ съ тобою, настоящее изчезаетъ; живу однимъ воспоминанїемъ, живу одною надеждою.

Въ одно утро я ѣхалъ изъ замка Сеймура, веселый, щастливый, погруженный въ самаго себя: Милади Сеймуръ дала мнѣ слово говорить съ Милордомъ о Марїи. Вдругъ лошадь моя, чемъ-то испуганная, кинулась въ сторону; я не могъ удержаться на сѣдлѣ, упалъ, ударился головою о камень, лишился чувства. Что сдѣлалось со мною, не знаю; помню только то, что я, пришедши въ па-

мять, увидѣлъ себя на постелѣ, окруженнаго батюшкою, лѣкаремъ и Миладди Сеймуръ. Первая моя мысль и первое мое слово были о батюшкѣ, и я благодарю за это Бога! — Потомъ я спросилъ: по какому щастїю Миладди Сеймуръ находилась подлѣ меня? — *Успокойся*, сказалъ мнѣ батюшка; *живите*, сказала мнѣ Миладди Сеймуръ. Лѣкарь запретилъ мнѣ говорить, угрожая оставить меня одного, естьли не буду лежать тихо. Я хотѣлъ нѣчто спросить у Миладди Сеймуръ, но она предупредила меня: Марїя здорова; я скажу ей, что вамъ лучше!"

Миладди вышла. Въ эту минуту я началъ чувствовать жестокое мученїе, крѣпился, не жаловался; батюшка сидѣлъ у постели, смотрѣлъ на меня съ безмолвнымъ вниманїемъ; слезы катились медленно по щекамъ его; я подалъ ему руку; онъ сжалъ ее съ горестною любовїю. Ахъ, Артуръ! сказалъ онъ, жизнь моя кончилась бы съ твоею! А, неблагодарный! какъ часто, въ изступленїи страсти своей, призывалъ я къ себѣ смерть! Думалъ ли я о слезахъ отца моего?

Наконецъ мнѣ сдѣлалось лучше. Батюшка не могъ противиться моимъ вопросамъ, моему безпокойству о Марїи. Онъ разсказалъ мнѣ, что меня принесли домой съ глубокою раною на головѣ; что

Медики сначала отчаявались въ моей жизни; потомъ боялись, чтобы я не лишился ума. „Въ одинъ день — продолжалъ батюшка — ты меня узналъ, ты требовалъ со слезами, чтобъ я соединилъ тебя съ Марїею. Пусть та, говорилъ ты, которую любилъ я такъ много, называетъ васъ отцемъ, когда меня не будетъ! — Могъ ли я не исполнить послѣдней прозьбы умирающаго моего сына? Иду къ Милорду Сеймуру; Милади старалась смягчить его вмѣстѣ со мною; Марїя на колѣняхъ умоляла отца своего склониться на этотъ союзъ печали и слезъ. Я повторялъ слова твои: пусть та, говорилъ я, которую любилъ онъ такъ много, называетъ меня отцемъ, когда его не будетъ! Онъ тронулся моею горестїю, моими слезами. Она ваша! сказалъ онъ, подведши ко мнѣ Марїю; разполагайте ея судьбою; отвезите ее вмѣстѣ съ Милади Сеймуръ въ вашъ замокъ; я скоро за вами послѣдую. Мы прїѣзжаемъ и находимъ тебя въ ужасномъ безпамятствѣ; приближаемся къ твоей постелѣ, ты зовешь своего отца, требуешь отъ него Марїи — будучи въ моихъ объятїяхъ, ты меня призываешь . . . я говорилъ съ тобою, повторялъ, что Марїя принадлежитъ тебѣ! а ты молился Богу, ты просилъ Бога смягчить жестокое мое сердце! — Какое состоянїе! мой бѣд-

ный Артуръ, единственное мое дитя, помѣшанный, страждущій, говорилъ безпрестанно о смерти, о разлукѣ, не зная своего положенія, но чувствуя, что онъ терзается, что онъ умираетъ!

„Какъ описать тебѣ страданіе моего сердца! Марія не отлучалась отъ тебя ни на минуту. О мой сынъ съ какою кротостію, съ какимъ терпѣніемъ старалась она успокоить твой разсудокъ и привести въ нѣкоторой порядокъ твои идеи! — Въ одинъ день (никогда еще ты не казался такъ дуренъ) Марія становится на колѣни передъ своею матерью, передо мною — сынъ мой! продолжалъ онъ съ торжественнымъ видомъ, повторяю тебѣ слова Маріи; пусть будутъ они всегда въ твоемъ сердцѣ; пускай разольютъ на всю твою жизнь сію неизъяснимую прелесть, которая неразлучна съ воспоминаніемъ небеснымъ! — Я люблю Артура, сказала она, люблю въ тысячу разъ болѣе, съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ одной только можно любить его: соедините насъ! соедините, пока еще Лѣкарь не сказалъ ничего рѣшительнаго о болѣзни его, пока еще его состояніе неизвѣстно батюшкѣ! — Какъ, Марія! воскликнула Миладди, въ твои лѣта, навсегда привязать себя къ безумному! — Это слово меня сразило. Марія залилась слезами;

съ умоляющимъ видомъ простерла она свои руки къ матери: никогда, никогда не произносите этого страшнаго слова; оно убиваетъ меня' Матушка, вы меня знаете! думаете ли, что я могу забыть Артура, могу оставить его, когда онъ призываетъ, узнаетъ и слушаетъ одну только меня? Не вы ли позволили мнѣ его любить? Ахъ! благословите насъ прежде, нежели строгій отецъ, прежде нежели равнодушный свѣтъ начнутъ судить о той жертвѣ, которую такъ охотно приноситъ ему мое сердце! Матушка, не довольно ли для меня любить Артура?" — Гдѣ она? воскликнулъ я въ восхищеніи, гдѣ Марія? — Батюшка медлилъ мнѣ отвѣчать: Лѣкарь запретилъ ей ко мнѣ являться. Я умолялъ, я требовалъ, чтобы мнѣ показали Марію. Боже, какое чувство неизъяснимое, восхитительное наполнило мою душу, когда я услышалъ прелестную, легкую походку ея, когда увидѣлъ передъ собою Марію! Ангелъ небесный! воскликнулъ я, правда ли, что ты готова была остаться моею хранительницею, моимъ прибѣжищемъ, когда бы я потерялъ разсудокъ? — „Онъ еще сомнѣвается, сказала она батюшкѣ." — Ахъ, нѣтъ! я не сомнѣвался; но я хотѣлъ, чтобы она сама произнесла это восхитительное увѣреніе. Она запретила мнѣ говорить, велѣла быть спокойнымъ. Съ какою

нѣжностїю смотрѣла она мнѣ въ лице! какая сладость разтворяла мое сердце! Сердце мое къ ней летѣло: она была мое божество, мое щастїе, мой разсудокъ; я видѣлъ очарованїе моей жизни. Съ какимъ удовольствїемъ напоминала она мнѣ, что, въ самые часы помѣшательства, я понималъ ее чувствомъ, хотя не могъ узнавать глазами!

Я просилъ батюшку, чтобы насъ соединили прежде совершеннаго моего выздоровленїя: въ ожиданїи щастїя заключается что-то ужасное! Покуда Марїя не была моею, по тѣхъ поръ страшился я, чтобы смерть не разлучила насъ навѣки; страшился возвращенїя моего здоровья, моей молодости, моего богатства; — такъ, я воображалъ, что совершенство нашего щастїя можетъ вооружить противъ насъ ея сестеръ. Милади Сеймуръ поняла мои чувства; она согласилась исполнить мое желанїе. Милордъ Сеймуръ, она и батюшка были единственными свидѣтелями произнесеннаго мною обѣта — жить для щастїя Марїи!

Милая, добросердечная Марїя! ты побѣдила мое предубѣжденїе; ты усмирила мою пылкость; ты успокоила мучительную мою ревность — я хотѣлъ тобою повелѣвать, но кротость твоя меня покорила.

Съ Французскаго.

ПОЛИТИКА.

VIII.

Взглядъ на Шведскую Финляндію.

Рѣка Кюмень, по Абовскому трактату, заключенному въ 1743 году, составляла границу между Россійскою Имперіею и Королевствомъ Шведскимъ. На южномъ берегу ея находятся деревянный домъ, земляныя шанцы и небольшая батарея.

Ловиза, первый пограничный Шведскій городъ, разположенный близь самаго Финскаго залива, имѣетъ спокойную гавань. Прежде это мѣстечко называлось *Дегерби*; но Король Фридрихъ Адольфъ наименовалъ его Ловизою, и возвысилъ въ достоинство пограничнаго города. Строеніе здѣсь вообще деревянное; домы въ два этажа, выкрашенные красною краскою; наружностію своею они гораздо лучше обыкновенныхъ мѣщанскихъ домовъ въ уѣздныхъ городахъ Россіи.

Борго есть древній, приморскій городъ, имѣющій весьма дурную гавань,

совершенно почти разоренный въ прошедшую войну, но вскорѣ потомъ опять пришедшій въ цвѣтущее состояніе. Въ немъ пребываетъ Епископъ и находится Гимназія. Жители ведутъ неважный торгъ холстомъ.

Гельзингфорсъ, первый изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Швеціи по своей превосходной гавани. Городъ разположенъ на полуостровъ; жители торгуютъ хлѣбомъ, досками и рыбою. Въ прошедшую войну былъ онъ совершенно сожженъ, и съ того времени въ великомъ упадкѣ. Близь самаго города находятся крѣпости *Шварт-гольмъ*, *Густавсверпъ*, *Ленгернъ* и *Свіабургъ*: послѣдняя справедливо почитается маленькимъ Гибралтаромъ.

Тавастгусъ не имѣетъ въ себѣ ничего достойнаго замѣчанія, кромѣ старриннаго Королевскаго Замка, порядочно укрѣпленнаго, съ хорошимъ арсеналомъ и магазиномъ. Самая провинція чрезвычайно плодоносна: прекрасныя поля, тучныя пажити, рѣки, богатыя рыбою всякаго рода, озера, лѣса, короче, она есть лучшая во всей Финляндіи, и ни одна изъ другихъ Шведскихъ провинцій не можетъ имѣть передъ нею преимущества.

Абовъ, главный городъ Шведской Финляндіи, лежащій при самомъ соединеніи Финскаго залива съ Ботническимъ, и лучшій во всей провинціи; древность его простирается до 1155 года; онъ окруженъ горами, имѣетъ покойную гавань и довольно обширенъ. Королева Христина основала здѣсь въ 1640 году Университетъ, который имѣетъ такія же точно привиллегіи, какими пользуется Университетъ Упсальскій. Густавъ Адольфъ основалъ здѣсь въ 1628 году Гимназію для 300 учениковъ. Въ Абовѣ находится Королевскій Придворный Судъ, единственный во всей Финляндской провинціи. Жители торгуютъ хлѣбомъ, досками, лѣсомъ и разными съѣстными припасами. Абовъ извѣстенъ въ Исторіи по трактату, заключенному здѣсь въ 1743 году между Россіею и Швеціею.

Путешественники, отправляющіеся изъ Петербурга въ Шпонгольмъ, ѣдутъ землею на Абовъ: здѣсь садятся на корабль, и миновавши острова, разсыпанные по заливу Ботническому, пристаютъ къ восточному берегу Аланда, переѣзжаютъ сей островъ поперегъ сухимъ путемъ, опять садятся на корабль, и прямо плывутъ къ берегамъ Швеціи.

Зимою не бываетъ переправы черезъ Ботническій заливъ: каналы, раздѣляющіе острова, замерзаютъ такъ крѣпко, что не даютъ прохода кораблямъ, и въ то же время такъ слабо, что ледъ не можетъ сдержать ни одной повозки; сверхъ того промежутокъ открытаго моря, отдѣляющій островъ Аландъ отъ береговъ Швеціи, покрывается такимъ множествомъ огромныхъ льдинъ, что мореплаваніе по немъ становится чрезвычайно опасно, и зимою принуждены бываютъ объѣзжать весь Ботническій заливъ черезъ Торнео, городъ, находящійся въ Шведской Лапландіи.

(*Съ Нѣмецкаго.*)

IX.

О нынѣшней Персіи.

(*Извлеченіе изъ Оливьерова Путешествія въ Персію.*)

Недавно напечатаны въ Парижѣ послѣдніе томы Оливьерова Путешествія, въ которыхъ заключается описаніе Персіи, весьма любопытное, особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, когда Наполеонъ готовится провести свои войска

въ Остъ-Индїю черезъ владѣнїя Персидскаго Монарха. Оливьеръ пишетъ прїятно; слогъ его чрезвычайно простъ; онъ умѣетъ привязывать къ своему предмету вниманїе читателя. Путешествїе его въ Персїю начинается отъ Багдата. Сїя Имперїя управляема была въ его время Деспотомъ Мегемедомъ, дѣятельнымъ и грозным. Сей Государь умѣлъ быть ужаснымъ для Хановъ, которымъ подчинены были его Персидскїя провинцїи; ни одинъ изъ нихъ не смѣлъ и думать о непокорности Мегемеду. Современники наименовали бы его царствованїе *славнымъ*, когда бы не помрачалось оно многими чертами жестокости. Благодаря могуществу его власти, во всѣхъ провинцїяхъ царствовала тишина и порядокъ; дороги не были опасны для путешественника; самые Курды, безпрестанно грабящїе сосѣдственныя Турецкїя провинцїи, не смѣли сдѣлать нападенїя на караванъ, въ которомъ находился Оливьеръ; напротивъ доставляли путешественникамъ нужные для нихъ припасы.

Въ Карманшатѣ, главномъ городѣ обширной провинцїи, нашелъ онъ весьма умнаго Хана, молодаго человѣка 25 или 30 лѣтъ, который обошелся съ нимъ и съ другими товарищами его весьма учтиво. Отъ него получилъ Оливьеръ хорошїя свѣденїя о политическихъ и торговыхъ

сношеніяхъ Персіи съ Россіею и Оттоманскою Портою, и по совѣту его отправился прямо въ Тегеранъ, гдѣ разположился ожидать Министровъ Мегемеда, которой выступилъ съ своимъ войскомъ для завоеванія Хоразана. Путешественники, съ особеннымъ удовольствіемъ, объѣздили Карманшагскую провинцію, которую называютъ одною изъ самыхъ плодоносныхъ и пріятныхъ провинцій Персіи.

На пути своемъ къ Тегерану нашли они множество каравансераевъ, построенныхъ для пристанища путешественниковъ; а на горѣ Биссутунѣ любопытные остатки древности; видѣли Амадань (древняя Экбатана), городъ, весьма замѣчательный для нихъ по своей первобытной важности: со времени ужасныхъ мятежей, которые послѣдовали за низверженіемъ Софіевъ, Амадань представляетъ однѣ развалины. Прибывши въ Тегеранъ, путешественники узнали, что Мегемедъ со всемъ Дворомъ и 60000 войска двинулся къ Хоразани, и немедленно велѣли донести первому Министру, что они присланы отъ Французскаго Правительства для переговора о дѣлахъ весьма важныхъ. Оливьеръ провелъ нѣсколько времени въ Тегеранѣ, видѣлъ

его окрестныя мѣста, и собралъ множество весьма важныхъ свѣдѣній о сей провинціи, о нравахъ, обычаяхъ и просвѣщеніи ея обитателей. Онъ удивляется необыкновенному любопытству народа, которому не льзя отказать въ нѣкоторой степени образованности; находитъ въ немъ гораздо болѣе тонкой обходительности, ловкости, пріятности и просвѣщенія, нежели въ большей части Европейцовъ низшаго класса. Здѣсь, говоритъ онъ, едва замѣтно различіе въ образованности между городскимъ жителемъ и земледѣльцемъ; вообще всѣ состоянія одно съ другимъ сходны: одинакой образъ жизни, обхожденія, разговора. Оливьеръ почитаетъ причиною такого однообразія частыя междуусобныя войны, которыя нѣкоторымъ образомъ смѣшали состоянія: во все продолженіе мятежей каждый Персіянинъ былъ солдатомъ; одна провинція нападала на другую; междуусобіе уничтожило неравенство; всѣ вообще входили въ сношеніе со всѣми.

Путешественники наши дождались въ Тегеранѣ возвращенія Мегемедова; они имѣли нѣсколько переговоровъ о дѣлахъ политическихъ съ первымъ Министромъ; и въ слѣдствіе сихъ переговоровъ, соотвѣтственно ихъ ожиданію, положено было отправить Посланника ко Двору Великаго

Султана. Изъ Тегерана путешественники поѣхали прямо въ Испаганъ; осматривали дорогою плодоносную провинцїю Комъ, и видѣли городъ Каганъ, одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ, великолѣпныхъ и прекрасныхъ во всей Персидской Монархїи. Городъ Испаганъ разоренъ отчасти междуусобными войнами: теперь считается въ немъ не болѣе 50,000 человѣкъ жителей. Сей городъ былъ цѣлїю Оливьерова путешествїя.

Замѣчанїя путешественника о Топографїи Персидскихъ провинцїй, о произведенїяхъ земли, промышленности, землепашествѣ, механическихъ искусствахъ, морской и сухопутной силѣ, весьма любопытны. Шелкъ и шерсть важнѣйшїя произведенїя Персїи. За сто лѣтъ обработывалось такое множество шелку, что, сверхъ ужаснаго количества, употребляемаго на разныя издѣлїя, выпускалось его ежегодно 22000 кипъ, каждая въ 270 фунтовъ, за границу. Персїя промѣнивала его на сукно, кошениль, индиго, краски и мѣлочныя желѣзныя вещи. Но этотъ выгодный торгъ въ великомъ теперь упадкѣ. Персы ведутъ обширную торговлю шерстью, и нѣтъ ни одной земли, въ которой нашлось бы такое ужасное количество шерсти, какъ

въ Персіи; ее или обработываютъ въ провинціяхъ, или отправляютъ въ Константинополь, Алеппо и Смирну. — Земледѣліе находится въ цвѣтущемъ состояніи между Персами; здѣсь болѣе всего заботятся о наводненіи полей посредствомъ каналовъ. Въ механическихъ искусствахъ Персы успѣли гораздо болѣе, нежели Турки; а въ искусствѣ красить матеріи превосходятъ самихъ Европейцевъ. Фарфоръ ихъ можетъ равняться съ Китайскимъ; золотыя и серебряныя издѣлія прекрасны. Они приготовляютъ очень хорошую бумагу; а въ дѣланіи шелковыхъ матерій, простыхъ или сотканныхъ съ серебромъ и шерстью, должны уступить имъ всѣ другіе народы. Казенныя мануфактуры много потерпѣли въ послѣднее время отъ страшныхъ междуусобій: надобно думать, что благодѣтельный миръ опять приведетъ ихъ въ первобытное цвѣтущее положеніе.

Прежде Персидская торговля была гораздо обширнѣе; но въ послѣднія двадцать или тридцать лѣтъ пришла она въ великое неустройство. Торговыя сношенія съ Россіею пресѣчены войною; всѣ связи съ другими Европейскими Державами, исключая одну Турцію, разорваны.

Теперь для Персіи важнѣйшая земля по торговымъ связямъ есть Остъ-Индія.

До послѣднихъ мятежей; Персидская морская сила состояла изъ нѣсколькихъ кораблей, находившихся въ Персидскомъ заливѣ, и маленькаго Каспійскаго флота. Послѣдній совсемъ уничтоженъ. За недостаткомъ лѣса въ южныхъ провинціяхъ Персіи, было бы невозможно имѣть флота въ Персидскомъ заливѣ; когда бы Остъ-Индія не доставляла нужнаго для построенія кораблей лѣса; но перевозка его требуетъ величайшихъ издержекъ. Легче бы было завести флотъ у береговъ Каспійскаго моря: провинціи Гилянь и Мезандеранъ, обильныя лѣсомъ, доставляли бы всѣ нужные для содержанія его припасы.

Въ мирное время не существуетъ въ Персіи никакой собственно такъ называемой арміи; въ военное, большая часть войска бываетъ, при наступленіи зимы, разпускаема. Но такъ называемый *Королевскій домъ* составляетъ самъ по себѣ многочисленный корпусъ войска, готовый всякую минуту выступить въ поле; и всѣ тѣ, которымъ назначено служить въ военной службѣ, должны въ самое короткое время, по установленному особому порядку, являться каждый на сбор-

номъ своемъ мѣстѣ; Ханы, или Губернаторы провинцій, по первому знаку Шаха, или Короля, идутъ, куда имъ назначено, съ своими войсками. Конница, которая вообще предпочитается между Персами пѣхотъ, составлена по большой части изъ Курдовъ, Узбековъ и Авганцевъ; пѣхота, въ минуту опасности, набирается поспѣшно изъ поселянъ. Главный полководецъ имѣетъ титулъ *Сандара*. Ханы предводительствуютъ дивизіями. Персидская конница вооружена стрѣлами, копьями, булавами, саблями и кангарами; сверхъ того каждый солдатъ имѣетъ за поясомъ два пистолета. Огнестрѣльныя оружія употребляются весьма мало: при Шахъ-Надирѣ имѣли Персы прекрасную артиллерію; теперь она оставлена. Европейская тактика совершенно имъ неизвѣстна.

Оливье прекрасно и очень подробно описываетъ нынѣшнее состояніе Наукъ въ Персіи. Онѣ цвѣтутъ, доставляютъ уваженіе и богатство. Мадресовъ, или училищъ, великое множество, и вообще Правительство не жалѣетъ издержекъ на ихъ содержаніе; важнѣйшее находится въ Испагани; здѣсь учатъ Ариѳметикѣ, Геометріи, Астрономіи, *Астрологіи*, Теологіи, языкамъ: Персидскому, Турецкому и Арабскому, изящнымъ Искусствамъ,

Поэзіи, Философіи. Но число учениковъ, которыхъ въ прежнее время считалось отъ 4 до 6000, теперь простирается отъ 2 до 300. Персы употребляютъ много времени на изученіе Риторики; но между ими самыя *доходныя* науки Медицина и Астрологія. Знаніе законовъ ведетъ ко всѣмъ достоинствамъ, духовнымъ и свѣтскимъ; однако Юриспруденты не составляютъ здѣсь особеннаго класса людей, какъ въ Турціи. Важнѣйшее изъ всѣхъ достоинствъ соединено съ титуломъ Кадра, или верховнаго Священника. Сначала всякій Кадръ былъ и главою религіи и первымъ Смотрителемъ владѣній духовныхъ; въ послѣдствіи, дабы ограничить чрезмѣрное, неразлучное съ достоинствомъ Кадра вліяніе, раздробили его могущество — и теперь ихъ двое: одинъ верховный Священникъ, другой главный Смотритель духовныхъ владѣній. Мѣсто Шейкъ-Ислама, или верховнаго судіи, есть самое важное изъ всѣхъ достоинствъ свѣтскихъ; Священники имѣютъ право жениться, и могутъ слагать съ себя свое достоинство произвольно.

Путешественникъ мало говоритъ о Поэзіи Персовъ; Скульптуру и Живопись нашелъ онъ еще въ колыбели. Архитектура напротивъ доведена уже до нѣкотораго сте-

пени совершенства, и весьма прилична къ климату Персіи. Въ музыкѣ, въ пантомимахъ и танцахъ Персы имѣютъ великое превосходство надъ Турками.

(*Съ Нѣмецкаго.*)

X.

Кончина Герцога Брауншвейгскаго.

Герцогъ, получивъ извѣстіе о побѣдѣ Французовъ при Ауэрштетѣ, нѣсколько разъ воскликнулъ съ сердечнымъ прискорбіемъ: quelle honte! какой стыдъ! Это слово сильно выражаетъ состояніе души его въ то время. Онъ раненъ былъ въ оба глаза; его привезли въ Бланкенбургъ гдѣ находились два искусные Брауншвейгскіе Медика; но по нещастію раненый, которому нужно было спокойствіе, не могъ долго пробыть въ этомъ городѣ: побѣдители находились близко, побѣдители, которые съ страшною быстротою летѣли черезъ Гарцъ къ Магдебургу и Гальберштату. Герцогъ, принужденный поспѣшно оставить Бланкенбургъ, нѣсколько времени скитался по проселочнымъ дорогамъ; наконецъ, въ шестый день послѣ Ауэрштетскаго сраженія, достигнулъ черезъ Вассерлебенъ, Остервикъ,

Горнбургъ, Гедвигсбургъ и Зальцдалунъ до Брауншвейга. Отселѣ послалъ онъ письмо къ Императору Наполеону, въ которомъ отдавалъ подъ защиту его великодушія свои нещастныя земли; всѣ его выраженія запечатлѣны высокимъ патріотизмомъ, высокимъ чувствомъ Монарха, истинно привязаннаго къ своему народу; онъ непритворно удивлялся Генію побѣдоноснаго Полководца. Надѣялись, что это письмо произведетъ спасительное дѣйствіе — напрасно! побѣдитель не хотѣлъ условій, не хотѣлъ полагать границъ своему могуществу.

Ни что не могло удержать Герцога въ его столицѣ; 25го Октября, въ 4 часа послѣ обѣда, оставилъ онъ свое отечество, навѣки. Тысячи, съ горестнымъ видомъ, съ унылымъ безмолвіемъ провожали закрытую карету, въ которой лежалъ почтенный старецъ, неподвижно, въ мученіяхъ болѣзни — выѣздъ его казался погребеніемъ; всѣ плакали, всѣ благословляли его взорами. Онъ приказалъ везти себя въ Гамбургъ; во всю дорогу карета была закрыта.

Наконецъ этотъ нещастный Государь нашелъ убѣжище на берегу Эльбы, въ деревнѣ Оттензенъ, гдѣ нынѣ покоящ-ся его остатки. Путешествіе усилило

его болѣзнь, которая сдѣлалась смертельною, прежде нежели могли замѣтить, что она опасна — всѣ усилія искуства остались безъ успѣха; силы его истощались, аппетитъ терялся, каждую ночь сильный потъ изнурялъ ослабѣвающее тѣло его; больной становился тише, покорнѣе, не противился, когда перевязывали ему раны, принималъ лѣкарства безъ прекословія. Сначала старался онъ подкрѣпить себя опіумомъ, который наводилъ на него минутный сонъ; но скоро овладѣла имъ сильная дремота, продолжавшаяся почти безпрестанно; скоро притупился его языкъ, онъ началъ съ великимъ трудомъ изъясняться. 8го Генваря опасность увеличилась чрезвычайно; пульсъ больнаго бился очень слабо и неровно: онъ бредилъ, метался на постелѣ. Наконецъ, 10 Ноября, пресѣклась славная жизнь его. Герцогъ скончался на 72 мъ году отъ рожденія.

Всѣ очевидцы утверждаютъ единогласно, что онъ съ героическимъ терпѣніемъ сносилъ страданія послѣднихъ дней своей жизни. Тѣ, которые находились съ нимъ въ каретѣ, не слыхали отъ него ни единаго болѣзненнаго вопля, ни единой жалобы на прошедшее или настоящее. Узнавши, на смертной постелѣ, что побѣдитель ща-

дилъ его владѣнія, онъ оживился на минуту веселіемъ; утѣшительная надежда озарила душу этого великаго Мужа при разлученіи ея съ міромъ.

(Съ Нѣмецкаго.)

XI.

Извѣстія.

Русскія войска овладѣли наконецъ Свіабургомъ. До 20 го Марта безпрестанно стрѣляли по крѣпости изъ пушекъ и бросали въ нее бомбы; но въ этотъ день Надворный Совѣтникъ Гагельштромъ и кавалергардскій Поручикъ Сухтельнъ имѣли переговоръ съ Комменданомъ ея, Вицъ-Адмираломъ Кронштедомъ, котораго просили пощадить невинныхъ жителей города, терпѣвшихъ ужасный вредъ отъ артиллеріи Свіабургской. Комменданъ сначала отвѣтствовалъ, что онъ сожжетъ городъ, естьли не снимутъ осады; но скоро потомъ перемѣнилъ намѣреніе и далъ знать, что соглашается оставить въ покоѣ жителей Гельзингфорса. Наконецъ 21е Апрѣля рѣшило судьбу Свіабурга, и вся Финляндія принадлежитъ теперь Россіи. — Шведскій Посланникъ находится въ Ревелѣ; онъ

ожидаетъ фрегата для возвращенія своего въ отечество. Увѣряютъ, что Густавъ IV, видя опасность грозящую престолу его, созывалъ Сенатъ, и объявивъ Членамъ его, что Швеція должна сражаться съ Россіею, Франціею и Даніею; спрашивалъ: въ состояніи ли она отразить нападеніе трехъ непріятелей? Ему отвѣчали однимъ молчаніемъ; онъ продолжалъ: „Доколѣ называюсь Монархомъ Швеціи, до тѣхъ поръ ни что не принудитъ меня перемѣнить своихъ поступковъ; но естьли Сенатъ почитаетъ упорство мое безполезнымъ, то соглашаюсь добровольно отказаться отъ Королевскаго титла; пускай Государственные Чины сами ведутъ переговоры съ союзными непріятелями Швеціи.“ По трактату своему съ Англіею, Швеція обязуется привести въ движеніе всѣ свои войска и нужную часть флота, въ особенности гребной, для совокупнаго нападенія на общаго непріятеля; обѣ союзныя Державы, въ слѣдствіе соглашенія, не могутъ, одна отдѣльно отъ другой, заключить особеннаго мира. Англія, съ своей стороны, даетъ Швеціи вспомогательное войско и 1,200,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, или по 100,000 руб. ежемѣсячно. Въ числѣ назначенныхъ въ Швецію Англійскихъ войскъ находится весь Нѣмецкій легіонъ, 6000 пѣхотной

гвардіи и нѣкоторые конные полки. Лордъ Катгартъ начальствуетъ симъ корпусомъ; подъ нимъ находятся Сиръ Джонъ Моръ, Сиръ Давыдъ Бердъ, Сиръ Артуръ Велеслей, бригадные Генералы Дайотъ и Каттонъ. Не смотря на всѣ сіи приготовленія, Англійскія войска еще не отправлены: причиною такой медлительности полагаютъ великій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, который начинаетъ быть ощутителенъ въ Швеціи. Въ одномъ изъ засѣданій Парламента Господинъ Вайтбредъ говорилъ слѣдующее на счетъ договора Англіи съ Королемъ Шведскимъ: „Англія, увлекая Швецію въ войну противъ соединенныхъ Державъ Европы, подвергаетъ ее опасности принять со временемъ самыя невыгодныя условія мира, и можетъ быть несравненно невыгоднѣе тѣхъ, которыя принуждена бы она была согласиться въ настоящемъ ея положеніи. Непонятно, что заставило Шведскаго Короля дать слово не заключать безъ согласія Англіи ни мира, ни перемирія. Положимъ что Англіи представится благопріятный случай помириться съ Французами — останется ли она вѣрною своему договору, естьли Шведскій Король паче чаянія захочетъ продолжать войну?“ — „Деньги, которыми Англія награждаетъ Швецію, прибавилъ Гнъ. Понсонби, должны быть

до временемъ въ Парижѣ или Петербургѣ." — „Руская армія вступила въ Финляндію, говоритъ Издатель Англійскаго Журнала The Jndependent Whigt, а войска Англичанъ во всѣхъ мѣстахъ, кромѣ одной Швеціи. Не время ли подумать о спасеніи нещастнаго союзника? Или (естьли уже положено ему погибнуть) не время ли подумать о спасеніи Англіи? Нещастный, великодушный народъ Британскій, ты падаешь! Невѣжество и упорство приведутъ тебя неминуемо въ пропасть!" — „По полученіи извѣстія о взятіи Гельзингфорса Рускими войсками, сказано въ Англійскихъ Газетахъ The Morning Chronicle, Министры имѣли между собою переговоръ, который продолжался болѣе трехъ часовъ. Трудно описать то впечатлѣніе, которое произвело въ умахъ сіе произшествіе; всѣ почитаютъ его нещастіемъ Государственнымъ; чувства Лондонскихъ жителей изображаются мрачнымъ безмолвіемъ и горестію. Министры еще не обнародовали полученныхъ ими извѣстій; одно только кратное объявленіе сдѣлано въ Лойдсовомъ кофейномъ домѣ." — Шведская армія въ мирное время состоитъ изъ 50,000 человѣкъ; изъ нихъ 18000, подъ предводительствомъ Генерала Клингшпора, находятся въ Финляндіи; Генералъ Толь съ 9000 въ

Шонїи; Генералъ Вегезакъ съ 8000 и Генералъ Армфельдъ съ 10000мъ резервомъ близь Готенбурга. Шведская морская сила, изключая гребный флотъ, котораго часть сожжена въ Абовѣ, состоитъ изъ 20 линейныхъ кораблей и 16 фрегатовъ; въ томъ числѣ множество старыхъ, совершенно неспособныхъ для службы. — Изъ Копенгагена пишутъ, что Датская армїя, находившаяся въ Норвегїи, перешедъ за Шведскїя границы, принудила къ отступленїю отрядъ непрїятельскаго войска, и сожгла нѣсколько Шведскихъ магазиновъ. Сказываютъ, что сильный корпусъ Французскаго войска, перевезенный на корабляхъ Голландскихъ, высаженъ на берега Норвегїи — неизвѣстно еще, справедливы ли сїи слухи.

*

Наполеонъ оставилъ Парижъ; 3 го Апрѣля проѣхалъ онъ черезъ Туръ, гдѣ встрѣченъ былъ Посланникомъ Испанскимъ, Грандомъ первой степени, Кавалеромъ многихъ Орденовъ, который спѣшилъ къ нему въ Парижъ съ письмомъ отъ Принца Астурїйскаго. Маршалъ Дюрокъ подалъ депеши Наполеону, который прочтя ихъ сказалъ, что дастъ аудїенцїю на первой станцїи. Посланникъ, покинувъ карету свою въ Турѣ, послѣдовалъ за Императоромъ въ кабрїолетѣ. 4 Апрѣля Напо-

леонъ прибылъ въ Бурдо, который оставилъ 11 го; въ Байоннѣ воздвигнуты для него тріумфальныя ворота; городъ будетъ иллюминованъ, и приготовлена почетная гвардія, которая вся одѣта въ древнее Бискайское платье и выучена военной экзерциціи. Наполеонъ, какъ увѣряютъ, ѣдетъ прямо въ Мадритъ, потомъ онъ будетъ осматривать Гибральтарскую крѣпость.

*

Безпокойства во внутренности Испаніи не кончились: въ народѣ замѣтно волненіе, и въ самомъ Кабинетѣ Королевскомъ какое-то неустройство. Испанцы по сію пору не знаютъ еще, кто у нихъ Король, Карлъ IV, или Фердинандъ VII. Первый съ супругою и Королевою Этрурскою все еще находится въ Аранжуэцѣ, а Принцъ Астурійскій, или Фердинандъ VII, пребываетъ въ Мадритѣ. Правительство старается представить съ хорошей стороны прибытіе Французскихъ войскъ въ Испанію: въ послѣдней Королевской прокламаціи названы они *почтенными посѣтителями*; не смотря на то, Испанцы показываютъ великую недовѣрчивость къ Французамъ; всякую минуту ожидаютъ въ Мадритѣ бунта. Всѣ увѣрены, что съ прибытіемъ Наполеона возобновится здѣсь и спокойствіе и порядокъ.

Маршалъ Даву наименованъ Герцогомъ Ауэрштетскимъ; увѣряютъ, что корпусъ его долженъ идти въ южную Россію, и что оттуда пойдетъ онъ черезъ Персію въ Остъ-Индію: слухи сіи требуютъ еще подтвержденія. — Пишутъ изъ Вѣны, что Порта соглашается уступить провинціи Боснію и Сервію Австрійскому Императору; и что Австрія, *въ замѣну ихъ*, отдаетъ Галлицію Варшавскому Герцогству. Австрійская армія, собирающаяся на Турецкихъ границахъ, займетъ новопріобрѣтенныя провинціи тотчасъ по заключеніи трактата. Увѣряютъ, что Великій Султанъ принужденъ будетъ сдѣлать и другія не менѣе важныя уступки. — Извѣстіе о занятіи острова Лезино Англичанами несправедливо. — Пишутъ изъ Америки, что Генералъ Моро, имѣвшій участіе въ какомъ-то предпріятіи, противномъ благосостоянію соединенныхъ областей, взятъ подъ стражу. Г. Джефферсонъ объявилъ, что онъ опять будетъ искать Президентскаго мѣста, естьли Америка приметъ участіе въ войнѣ съ Англичанами.

15 *Мая.*

На приложенной картинкѣ изображенъ Велизарій, слѣпой, въ пустынѣ. Юноша, служившій ему проводникомъ, уязвленъ змѣею; онъ умираетъ на рукахъ Велизарія. День склонился уже къ вечеру; слѣпецъ стоитъ на самомъ краю пропасти. Картина сія писана Французскимъ Живописцемъ Жераромъ.

ОПЕЧАТКИ

въ NO 9.

Стран.	стр.	*Напечатано:*	*Читай:*
48	2	Конь! мой, кричитъ пѣтухъ	Конь, мой конь, кричитъ пѣтухъ!
52	4	кто разбилъ и кто палъ.	кто разилъ и кто палъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ, 1808.

No 11.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Бѣдная Нина.

(Истинный анекдотъ.)

Многіе изъ путешественниковъ, находившихся въ 1800 году въ Парижѣ, конечно имѣли случай видѣть бѣдную Нину, которая всякой вечеръ приходила къ Лувру, садилась на камень, играла на гитарѣ, пѣла — мимоходящіе останавливались, слушали, давали ей деньги. Однажды, ввечеру, я шелъ мимо этаго мѣста. Жалобный, трогательный голосъ бѣдной Нины поколебалъ мою душу; приближаюсь; вижу миловидную, двадцатилѣтнюю женщину, въ черномъ платьѣ, весьма опрятномъ, хотя очень бѣдномъ. Она пѣла Романсъ — и какимъ голосомъ, съ какимъ выраженіемъ! Подлѣ нее сидѣла старушка, съ чашею,

въ которую слушатели бросали деньги. Нина замолчала, положила гитару, потупила глаза, вздохнула; зрители, изъ нѣжнаго уваженія къ ея нещастію, поспѣшили удалиться, но я остался: непобѣдимое состраданіе меня удерживало. На дворѣ было уже темно; пѣвица и старушка встали, пошли; я послѣдовалъ за ними въ отдаленіи: Нина имѣла станъ прекрасный, походку легкую, пріятность во всѣхъ движеніяхъ. Онѣ идутъ въ предмѣстье С. Жермень, къ старому дому въ три или четыре этажа; скрываются. Я останавливаюсь, не зная, идти ли за ними, или нѣтъ; наконецъ рѣшаюсь идти: всхожу по крутой лѣсницѣ на третій этажъ, отворяю дверь, вижу бѣдную комнату, въ которой горитъ ночникъ. Старушка и Нина испугались, спросили въ одинъ голосъ: чего мнѣ надобно? Я началъ извиняться, увѣрялъ Нину, что искреннее состраданіе, произведенное въ душѣ моей трогательнымъ ея голосомъ, заставило меня за нею послѣдовать; что я желаю облегчить ея участь; что она должна имѣть ко мнѣ довѣренность. Блѣдныя щеки Нины оживились легкимъ румянцемъ; въ глазахъ ея изобразилась благодарность. Monſieur . . . monsieur... (Государь мой... Государь мой), сказала она съ нѣжностію . . . но вдругъ какъ будто одумавшись и вспомнивъ свое

нещастїе, остановилась, потупила голову, глаза ея померкли . . . Нѣтъ! прибавила она съ глубокимъ вздохомъ, для меня не можетъ ничто перемѣниться! Она указала мнѣ, молча, на кровать; я взглянулъ, и сердце мое замерло. Молодой человѣкъ, прїятнаго лица, но блѣдный какъ смерть, съ тусклымъ, помутившимся взглядомъ сумасшедшаго, представился моему взору; волосы на головѣ его были всклочены; онъ не замѣчалъ насъ, онъ что-то перебиралъ руками; смотрю, вижу передъ нимъ множество бумажныхъ фигуръ, которыя онъ разкладывалъ, приводилъ въ порядокъ, опять перекладывалъ. Нина! воскликнулъ онъ дикимъ голосомъ, не подымая головы. Нина подошла. Чего тебѣ надобно, бѣдный мой Бастїень? спросила она, приподнявъ черные, густые волосы, которыми закрыты были его глаза, и смотря на него съ унынїемъ. Сдѣлай мнѣ другаго купца! этотъ будетъ изрубленъ съ женою и дочерью! . . . . . Онъ опустилъ голову на подушку; глаза его неподвижно устремились на лице Нины; онъ умолкъ, черезъ минуту затрепеталъ; протяжный, болѣзненный вздохъ вырвался изъ его сердца: охъ, злодѣи! воскликнулъ онъ, закрывая лице руками; я отворотился съ ужасомъ; Нина рыдала.

Этотъ нещастный мой мужъ — сказала она — видите, въ какомъ онъ положеніи! ахъ, государь мой! съ нимъ поступили ужасно. Недавно хотѣли его отъ меня взять; но я скорѣе разстанусь съ жизнію, нежели съ нимъ: нѣтъ, мой бѣдный Бастіенъ, Нина тебя не покинетъ! Она сѣла на кровать и поцѣловала его руку.

Я посмотрѣлъ вокругъ себя: въ тѣсной комнатѣ едва было мѣсто для кровати, маленькаго стола и двухъ стульевъ; въ головахъ Бастіеня стоялъ палой и на немъ Распятіе; въ углу висѣлъ образъ Богоматери.

Вы вѣрно любопытны узнать, кто мы и что съ нами случилось, сказала Нина. Отецъ моего мужа былъ купецъ, довольно богатый; онъ жилъ на улицѣ С. Жермень, въ огромномъ домѣ; я жила съ матушкою на той же улицѣ, въ бѣдной хижинѣ. Мы питались рукодѣліемъ: шили бѣлье, вязали чулки. Я часто приходила въ домъ Бастіенева отца, продавать свою работу; Бастіенъ покупалъ у меня чулки; разговаривалъ со мною; провожалъ меня домой къ матушкѣ; словомъ сказать — Бастіенъ полюбилъ меня, а я полюбила Бастіеня. Онъ не думалъ, что онъ богатъ, а я не думала, что я бѣдна: удивительно ли? Мнѣ было

не болѣе пятнадцати лѣтъ, а Бастїеню двадцать два года съ половиною. Ахъ! какъ мы были щастливы! — Нина взглянула на бѣднаго своего мужа и закрыла глаза руками. — Матушка умерла: Господь Богъ взялъ ее къ себѣ изъ милосердїя чтобы она не могла видѣть нещастїя своей дочери. Бастїень сказалъ родителямъ, что онъ меня любитъ, что онъ не хочетъ имѣть никого кромѣ меня женою. Бастїенева мать, добрая, нѣжная душа, которой всего дороже было щастїе сына ея, въ ту же минуту согласилась благословить насъ; но старый отецъ, человѣкъ упрямый, хотя совершенно добродушный, не хотѣлъ и слышать о женитьбѣ Бастїеня. Бастїень оставилъ родительской домъ, принудилъ меня за собою слѣдовать — мы соединились; наняли уголокъ въ пятомъ этажѣ; нѣсколько времени питались своими трудами: Бастїень училъ рисовать и музыкѣ; я шила и вязала чулки. Отецъ его упрямился; мать плакала, но боялась за него вступиться, чтобы еще болѣе не раздражить своенравнаго старика, котораго могло успокоить одно только время. Сдѣлалась революцїя; мы, живучи на чердакѣ своемъ, и не слыхали о томъ, что происходило въ Парижѣ. Вдругъ сказываютъ намъ, что отецъ Бастїеневъ — это случилось въ 1793 году — признанъ подо-

зрительнымъ и брошенъ въ тюрьму. — Вы чужестранецъ, государь мой; вамъ не можетъ быть извѣстно, что значило въ то время такое обвиненіе. — Бастіенъ побѣжалъ къ отцу, нашелъ его на соломѣ, вмѣстѣ съ старушкою, своею матерью: нещастіе дѣлаетъ мягкосердечными — они помирились; старикъ захотѣлъ меня видѣть, обнялъ, благословилъ со слезами. Я и Бастіенъ посѣщали ихъ каждый день, просиживали въ тюрьмѣ до самой ночи. — Въ Августѣ мѣсяцѣ перевели ихъ въ Аббатство, и мы разстались. Каждый день приходили мы къ воротамъ страшной темницы: безжалостные люди не слушали нашей просьбы; ворота для насъ не отворялись; мы всякой вечеръ принуждены были возвращаться домой съ прежнимъ уныніемъ, съ прежнею, горькою неизвѣстностію. Наконецъ 2го Сентября дошелъ до насъ слухъ, что въ Аббатство приказано собираться солдатамъ; что всѣ колодники будутъ изрублены . . . Вообразите нашъ ужасъ! Бастіенъ бѣжитъ въ тюрьму . . . ворота отворены . . . . Боже правосудный! что онъ увидѣлъ! . . . . старика, отца его, тащутъ за сѣдые волосы; мать его бьется на землѣ съ изрубленною головою; маленькая сестра бросается къ нему на руки, кричитъ: *спаси меня!* ее убиваютъ въ его объятіяхъ — онъ обрызганъ ея кровію;

онъ чувствуетъ ея послѣднее содроганіе, и въ ту минуту, какъ хочетъ остановить саблю, поднятую на его отца, старикъ падаетъ къ ногамъ его, стонетъ, палачь повторяетъ ударъ, рубитъ его передъ глазами сына; онъ перестаетъ кричать и умираетъ . . . . Бастіень все это видѣлъ . . . онъ упалъ безъ памяти . . . одинъ добродушный сосѣдъ, сжалясь надъ нимъ, принесъ его домой . . . Боже! въ какомъ положеніи! — Дни черезъ два насъ разлучили; Бастіеня бросили въ тюрьму; не понимаю, какъ я могла перенести эту разлуку: конечно Господу Богу угодно было сохранить меня для того, чтобы нещастный мой Бастіень не погибнулъ отъ голода . . . . Долго не знала я, что сдѣлалось съ Бастіенемъ . . . . Годъ спустя (это было въ Іюнѣ) тотъ самый сострадательный человѣкъ, который вынесъ моего мужа на рукахъ изъ Аббатства, пришелъ ко мнѣ съ объявленіемъ, что Бастіень свободенъ. Не пугайтесь, милая Нина, сказалъ онъ, Бастіень здѣсь; онъ слѣдуетъ за мною . . . . Бѣгу къ дверямъ . . . . онѣ отворяются — Боже мой, что я увидѣла? Бастіеня блѣднаго, сухаго, съ всклоченными волосами, страшно обезображеннаго болѣзнію. Я громко закричала; кинулась къ нему на шею — Бастіень стоялъ какъ деревянный, смотрѣлъ на меня быстро . . .

Нина! сказалъ онъ . . . Ужасный хохотъ его привелъ меня въ содроганіе. О бѣдный, бѣдный Бастіенъ! онъ былъ помѣшанъ . . . . теперь вамъ все извѣстно — Нина закрыла глаза передникомъ и рыдала. Бастіенъ смотрѣлъ на нее мутными глазами и ничего не чувствовалъ. Я вложилъ ей въ руку полный кошелекъ, вышелъ изъ горницы: душа моя терзалась.

Дни черезъ два я выѣхалъ изъ Парижа, но съ тѣмъ, чтобы, осмотрѣвши южныя провинціи Франціи, опять въ него возвратиться. Мѣсяца черезъ два возвращаюсь; первая мысль о Нинѣ; бѣгу въ предмѣстье С. Жермень; взбираюсь на чердакъ стараго дома; стучу въ дверь — нѣтъ отвѣта; зову Нину . . . самъ отворяю дверь . . . вижу одну старушку: она молилась передъ налоемъ . . . маленькая постель была накрыта бѣлымъ покрываломъ. Спрашиваю: гдѣ Нина? — Старушка, не говоря ни слова, сдернула съ кровати покровъ: я увидѣлъ Нину, мертвую, заснувшую тѣмъ сладостнымъ сномъ, въ которомъ нѣтъ уже пробужденія. Наконецъ, подумалъ я, Спаситель твой тебя услышалъ. Я наслаждался нѣсколько минутъ тѣмъ спокойствіемъ, которое царствовало на лицѣ Нины. Улетѣвшая душа оставила нѣжную улыбку на милыхъ, полуувядшихъ устахъ ея.

Гдѣ Бастїень? спросилъ я у старушки.

„Двѣ недѣли, какъ нѣтъ его на свѣтѣ! отвѣчала она. Я опять накрылъ покровомъ мертвую Нину; вынулъ кошелекъ. Возьми эти деньги — сказалъ я старушкѣ — половина ихъ на погребенїе Нины, а половина тебѣ, чтобы ты молилась о душѣ ея и помнила о своемъ нещастномъ другѣ.

(*Съ Нѣмецкаго.*)

II.

Два письма Рускаго путешественника (*).

1.

Аѳины, 1806 *года*. Случаи писать изъ Аѳинъ чрезвычайно рѣдки, милостивый Государь В. Н.; и потому до сего времени я не успѣлъ ничего сказать вамъ о моемъ пребыванїи здѣсь и моихъ занятїяхъ. Изъ великаго множества храмовъ и памятниковъ Аѳинскихъ теперь почти ничего не осталось; существуютъ только развалины храма Минервы, храма Эрехтеева и храмъ Тезеевъ, переименованный

(*) Николая Ѳедоровича Алферова, о которомъ сказано въ N 7 Вѣстника нынѣшняго года.

въ церковь Христіанскую: подъ покровительствомъ Святаго Георгія онъ лучше всѣхъ сбереженъ, хотя превосходные барельефы его пострадали чрезвычайно много. Сіи три остатка древности безъ сомнѣнія превосходнѣйшіе изъ всѣхъ тѣхъ, которые намъ извѣстны; я увѣренъ, что искуство и дарованія человѣческія ничего совершеннѣе ихъ произвести не могутъ. Храмъ Минервы, какъ великолѣпнѣйшее зданіе во всей Аттикѣ, украшенъ былъ многими обширными барельефами; фронтоны же его, вмѣсто барельефовъ, уставлены были множествомъ колосальныхъ статуй, изваянныхъ подъ руководствомъ знаменитаго Фидія. Во время осады Аѳинъ Венеціанами, храмъ сей обращенъ въ плачевныя развалины. Турки, при возобновленіи крѣпостныхъ стѣнъ, предпочтительно предъ прочими мраморами пережигали на известь куски барельефовъ, метоповъ и статуй; нѣкоторые же изъ уцѣлѣвшихъ отъ сего разрушенія недавно перевезены въ Англію Милордомъ Ельгеномъ; а теперь въ главномъ фронтонѣ остались только двѣ фигуры безъ головъ. Работа храма сего удивительна: не взирая на множество вѣковъ, на множество сильныхъ землетрясеній, наипаче на ужаснѣйшее потрясеніе отъ возгорѣвшаго-

ея внутри храма пороху, многіе камни въ основаніи и теперь еще такъ искусно соединены, что никакимъ образомъ непримѣтна черта ихъ раздѣляющая. Діаметръ превосходныхъ Дорическихъ колоннъ храма сего имѣетъ два аршина десять вершковъ; высота же колоннъ пять съ половиною діаметровъ: ничто не можетъ быть совершеннѣе ихъ размѣра. Я не помню Стуартовыхъ чертежей; многіе изъ здѣшнихъ моихъ знакомцевъ увѣряли меня, что высота колоннъ у Стуарта шесть діаметровъ ровно; но какъ бы то ни было, я рѣшился, соревнуя Стуарту, сдѣлать мои чертежи со всею возможною вѣрностію и практическимъ раздробленіемъ всѣхъ частей, составляющихъ сіи три превосходнѣйшіе памятника вкуса и дарованій древнихъ Грековъ, предполагая, что сей малый трудъ мой будетъ полезенъ въ моемъ отечествѣ. Съ сею единственною мыслію, одушевляющею страсть мою къ Художествамъ, безъ дальнихъ вспомогательныхъ средствъ, я произвожу въ дѣйствіе теперешнія мои предпріятія; и естьли бы я увѣренъ былъ въ какомъ нибудь пособіи со стороны Правительства нашего, то препроводилъ бы къ вамъ нѣчто изъ моихъ въ семъ родѣ опытовъ, не для тщеславія пустаго, но чтобы получить нужную для сего помощь: ибо я никакъ

не въ состояніи имѣть изъ моего содержанія людей, для сего необходимыхъ; я жертвую для сего всемъ, что только остается отъ моего пропитанія; и естьли бы оно было достаточно, то никогда бы я роптать на сіе не осмѣлился. *Н. А.*

2.

Корфу, 1807 *года*. Третьяго дня получены здѣсь непріятныя извѣстія: здѣшнія войска наши долженствуютъ выйти отсюда; не извѣстно только, куда и какою дорогою; утверждаютъ притомъ, что Іоническая Республика превращается нынѣ въ провинцію Французскую; нѣкоторые изъ Республиканцевъ, и въ особенности черни, привязанные къ Рускимъ, чрезвычайно тужатъ о сей перемѣнѣ. Аглинскія купеческія суда, находившіяся въ здѣшнемъ портѣ, вчерашняго числа всѣ вышли; Министръ Англійской также приготовился въ путь; многіе увѣряютъ, что онъ не замедлитъ возвратиться въ Мальту. Островъ здѣшній ожидаетъ съ одной стороны сильнаго Французскаго гарнизона, а съ другой блокады отъ Англичанъ. — Недавно предъ симъ прибылъ въ Корфу изъ Тенедоса плѣнный Турецкій Адмиралъ съ Капитаномъ корабля и нѣкоторыми изъ его свиты людьми; ежедневно ожидаемъ мы сюда и плѣннаго

корабля Турецкаго, которой остался для починки въ Тенедосѣ. — Съ Французами миръ, съ Турками перемирїе: вотъ всѣ наши новости.

Здѣшнїй Министръ нашъ отправляетъ курьера въ Петербургъ; я спѣшу воспользоваться симъ случаемъ, дабы извѣстить васъ, почтеннѣйшїй благодѣтель мой, что я еще живъ; испытываю терпѣнье, и совершенно отчаяваюсь въ исполненїи предпрїятїй моихъ. Взгляните, ради Бога, на участь вашего странника! дайте мнѣ какой нибудь совѣтъ! Естьли уже ничего болѣе желать мнѣ не остается, то не лишите меня благодѣтельнаго средства возвратиться въ любезную отчизну мою, и успокоиться отъ трудовъ, терпѣнья и предпрїятїй, можетъ быть, безполезныхъ.

Я никакъ не могу изтребить равнодушно изъ моего воображенїя Аѳинскихъ развалинъ, коихъ божественнымъ вкусомъ и удивительными красотами столь много плѣненъ я, что охотно бы согласился пожертвовать всемъ, естьли бы жертвы мои могли доставить мнѣ вѣрные способы для исполненїя моихъ предпрїятїй. Я рѣшился-было предложить мои услуги, труды и терпѣнїе Милорду Ельгину, съ таковымъ намѣренїемъ, чтобы достигнуть мнѣ моей цѣли; безъ сомнѣ-

нїя предложенїе мое было бы принято, потому что я самъ напередъ былъ удостоенъ онымъ отъ повѣреннаго Милорда Ельгина, превосходнаго Пейзажиста Гна. Лузьери, въ то самое время, какъ оставался въ Аѳинахъ безъ денегъ, и слѣдовательно безъ способовъ продолжать мои предпрїятїя; но по нещастїю, политическїя обстоятельства насъ разлучили.

Я написалъ къ вамъ множество писемъ; мое странствованїе и мои приключенїя должны быть вамъ извѣстны. Въ одномъ изъ нихъ я обѣщалъ вамъ доставить, для исходатайствованїя мнѣ какихъ-нибудь надежнѣйшихъ способовъ, нѣчто изъ моихъ Аѳинскихъ упражненїй, предполагая тогда, что для упражненїй моихъ могу я исходатайствовать себѣ какой-либо удобной уголокъ; но сїе было невозможно: квартиры здѣсь чрезвычайно дороги; жалованье мое такъ мало, что я никакъ не въ состоянїи имѣть сей выгоды; упражненїя же мои и предпрїятїя никого не занимаютъ и не трогаютъ здѣсь; можетъ быть и Сѣверъ сдѣлался теперь для нихъ холоднѣе.

Простите, что пишу такъ нескладно; спѣшу чрезвычайно; боюсь пропустить случай. Простите. Съ совершеннымъ почтенїемъ, и проч. *Н. А.*

III.

Отрывки изъ дневныхъ записокъ послѣдняго Польскаго Короля, Станислава Августа Понятовскаго,

(писанныхъ во время его пребыванія въ Россіи, съ 2 Марта 1797 по 12 Февраля 1798.)

Примѣчаніе Издателя, Гна. Коцебу. Эти записки, которыя можно назвать драгоцѣнными остатками Станислава, получены мною отъ одной знатной Особы, которая позволила напечатать нѣкоторые изъ нихъ отрывки, болѣе другихъ достойные замѣчанія. Король Станиславъ имѣлъ обыкновеніе, всякой день, во время пребыванія своего въ Петербургѣ и Москвѣ, записывать все то, что видѣлъ, читалъ и слышалъ; всякой вечеръ диктовалъ онъ Секретарю своему краткія записки, которыя немедленно пересылаемы были къ друзьямъ его въ Польшу. Въ этомъ Журналѣ нѣтъ ничего важнаго для Историка; но безъ сомнѣнія для всякаго читателя пріятно будетъ знать, какой пріемъ сдѣланъ былъ Станиславу отъ Императора ПАВЛА, чѣмъ занимался этотъ Король въ Россіи, какія сдѣлалъ замѣчанія о Петербургѣ, Москвѣ и пр.

*

Нарва. 8е Марта 1797. Нарвскій Губернаторъ Тизенгаузенъ принялъ Короля съ особенными знаками почтенія. Не возможно обходиться съ путешественниками лучше, внимательнѣе, учтивѣе Дворянъ Лифляндскихъ. Король замѣтилъ въ пріемѣ ихъ какое-то нѣжное добродушіе, которое особенно его тронуло. Увѣряютъ, что Императоръ ПАВЕЛЪ назначилъ къ нему Камергеромъ того самаго Штакельберга, который во время ЕКАТЕРИНЫ былъ Рускимъ Посланникомъ въ Варшавѣ. Какіе странные перевороты въ обстоятельствахъ!

*

Петербургъ. 14 Марта. 9 го Числа Король прибылъ въ Робшу, увеселительный замокъ, въ которомъ скончался ПЕТРЪ III. Здѣсь приготовленъ былъ вкусный ужинъ; Гофмаршалъ Велеурскій встрѣтилъ Короля съ пятью Придворными, одѣтыми въ парадное платье: они привѣтствовали его отъ имени Императора и всей Высокой Фамиліи. По повелѣнію ПАВЛА снятъ былъ для Королевскаго пріѣзда на три дни трауръ. На другой день Король прибылъ на дачу Графини Скавронской, находящуюся въ трехъ верстахъ отъ Петербурга. Здѣсь нашелъ онъ Вицеканцлера Князя Куракина съ большою свитою и придворными экипажами.

Король сѣлъ въ карету, запряженную въ восемь лошадей; а противъ него Князь Куракинъ и Принцъ Станиславъ; Шталмейстеръ Князь Голицынъ ѣхалъ подлѣ кареты верхомъ; впереди скакали Кавалергарды, а позади Лейбгусары. Множество народа провожало карету до самаго Мраморнаго Дворца, гдѣ находился и самъ Императоръ ПАВЕЛЪ, который, обнявши Короля съ дружескимъ видомъ, нѣсколько времени разговаривалъ съ нимъ наединѣ въ боковомъ покоѣ; потомъ Они разстались. Великіе Князья, АЛЕКСАНДРЪ и КОНСТАНТИНЪ, послѣдовали за своимъ Родителемъ. — На другой день Король обѣдалъ у Императора, который посадилъ его между Императрицею и Собою. Императрица и Великія Княжны приводятъ въ удивленіе своими прелестями. Великіе Князья отмѣнно пріятны и ловки въ обхожденіи. Но самъ Императоръ ПАВЕЛЪ есть человѣкъ единственный въ искуствѣ привлекать своими поступками: во всѣхъ словахъ его и взглядахъ замѣтно особенное добродушіе; тонкая примѣчательность его трогаетъ душу. Онъ разговаривалъ съ Королемъ дружески и просто.

*

Мраморный Дворецъ, который стоилъ нѣсколькихъ милліоновъ Коронѣ, расположенъ весьма безпокойно; Королевскіе

служители помѣстились въ немъ съ великимъ затрудненіемъ. — Извѣстіе, что Штакельбергъ назначенъ къ Королю Каммергеромъ, несправедливо; но думаютъ, что онъ оставитъ Дворъ и удетъ на житье въ деревню.

*

17е *Марта.* Третьяго дня Король осматривалъ Эрмитажъ, составляющій особенное отдѣленіе Дворца Императорскаго; въ другихъ мѣстахъ назывался бы онъ *Музеемъ*, *Картинною Галлереею*, *Кабинетомъ рѣдкостей* и т. д. Это зданіе такъ пространно, такъ изобильно чрезвычайными вещами, что Король, въ продолженіе двухъ часовъ, успѣлъ только все окинуть взоромъ, и ничего не разсмотрѣлъ внимательно. Сего дня видѣлъ онъ модель Фернейскаго замка и библіотеку Вольтерову, драгоцѣнную болѣе потому, что многія книги наполнены замѣчаніями, писанными рукою славнаго Автора; замѣчаніями, въ которыхъ заключаются подлинныя его мнѣнія о самыхъ важныхъ предметахъ для человѣчества: о Морали, Политикѣ, Метафизикѣ и пр. — Здѣсь множество миніатурныхъ картинъ, работы Императрицы МАРІИ, которой искуство моглобы сдѣлать честь лучшему Живописцу. Тутъ же показывали Королю разныя вещи, выточенныя Ею изъ слоновой

кости, со множествомъ рѣзныхъ камней, удивительно прекрасныхъ, Ея же работы.— Нынѣ посѣщалъ Король Таврическій Дворецъ, обширный и великолѣпный. Въ той залѣ, въ которой Князь Потемкинъ давалъ послѣдній праздникъ ЕКАТЕРИНѢ, учится цѣлый баталіонъ Гвардіи. Стѣны ея украшены оригинальными картинами, представляющими побѣды Рускихъ флотовъ на Средиземномъ морѣ, взятіе Очакова, Измаила и проч. ЕКАТЕРИНА II, въ послѣдніе годы Своего царствованія, предпочитала Таврическій Дворецъ другимъ: здѣсь обыкновенно занимала Она нижній этажъ, и Ей не нужно было сходить съ лѣстницы для прогулки въ саду, примыкающему къ самому Замку. — Королю показали на одной двери собственноручную надпись Ея, сдѣланную при послѣднемъ Ея посѣщеніи Таврическаго Дворца.

*

Москва, 10го Апрѣля. 7го Числа Король осматривалъ домъ Министра Графа Безбородки. Во всей Европѣ не найдется другаго, подобнаго ему въ пышности и убранствѣ. Особенно прекрасны бронзы, ковры и стулья — послѣдніе и покойны и чрезвычайно богаты. Это зданіе цѣнятъ въ 700,000 рублей. Графъ Безбородко, который самъ показывалъ Королю всѣ ком-

наты, сказалъ, что онъ построилъ этотъ замокъ въ девять лѣтъ. Петербургскій его домъ, который богатѣе драгоцѣнными картинами, не можетъ равняться съ Московскимъ въ великолѣпіи убранства; многіе путешественники, которые имѣли случай видѣть Сенъ-Клу въ то время, когда онъ совсѣмъ отдѣланъ былъ для Французской Королевы, утверждаютъ, что въ украшеніи Безбородкина Дворца и болѣе пышности и болѣе вкусу. Золотая рѣзьба на стульяхъ работана въ Вѣнѣ, а лучшія бронзы куплены у Французскихъ Эмигрантовъ. Въ обѣденномъ залѣ находится парадный бюффетъ, котораго уступы уставлены множествомъ прекрасныхъ сосудовъ золотыхъ, серебряныхъ, коралловыхъ и т. д. Обои чрезвычайно богаты: нѣкоторыя изъ нихъ выписныя; другія дѣланы въ Россіи. Китайскія мебели прекрасны.

*

Москва, 1го Мая. Король, въ отсутствіе Двора, осматривалъ достопамятности, находящіяся въ Кремлѣ. Здѣсь показывали ему остатки пышности древнихъ Царей и Патріарховъ. Одежды, богато украшенныя жемчугомъ, имѣютъ въ себѣ столько же вѣсу, сколько и серебряныя латы нынѣшнихъ Кавалергардовъ, то есть, шестьдесять фунтовъ. Король видѣлъ золотой ковчегъ, въ которомъ хранится свитокъ,

содержащій въ себѣ законы Царя АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА, Отца ПЕТРА Великаго; этотъ ковчегъ сдѣланъ по повелѣнію Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II й; Она также подарила здѣшней Соборной церкви богатыя ризы и золотые сосуды, украшенные брилліантами, съ эмалью, на которой живопись красоты необыкновенной. Въ одной изъ самыхъ обширныхъ Кремлевскихъ залъ находится огромная модель Императорскаго Дворца, которымъ была бы застроена половина всего Кремля, и нѣкоторыя, находящіяся въ немъ церкви заключены бы были въ обширныхъ дворахъ Дворцовыхъ. Король всходилъ на высокую колокольню, называемую Иванъ Великій, съ которой видъ удивительно прекрасный: Москва и всѣ ея окрестности открыты передъ глазами. Огромный колоколъ, на ней висящій, вылитъ по приказанію Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ; онъ имѣетъ въ поперешникѣ девять Польскихъ лактей. У подошвы колокольни находится другой колоколъ огромнѣе перваго, вылитый по повелѣнію Императрицы АННЫ, и имѣющій въ поперешникѣ двенадцать лактей, а въ перпендикулярѣ пятнадцать; сорвавшись съ высоты, онъ такъ углубился въ землю, что принуждены были обрыть вокругъ него на большое пространство, дабы любопытные имѣли способъ его

видѣть. По куску, отбитому въ паденіи колокола, можно судить о чрезвычайной его толщинѣ. Увѣряютъ, что онъ, по средней цѣнѣ, стоилъ болѣе 100,000 рублей. Не подалеку отъ колокола находится батарея, состоящая изъ семи огромныхъ пушекъ, изъ которыхъ никогда не стрѣляютъ: для самой большой потребно ядро во 150 фунтовъ — выстрѣлъ ея потрясъ бы, или разрушилъ всѣ близкія зданія.

*

6 го *Мая*. Нынче Король ѣздилъ верхомъ на *Воробьевы горы*, съ вершины которыхъ самый лучшій видъ на Москву. Императрица ЕКАТЕРИНА приказала перенести сюда деревянный Дворецъ, въ которомъ хотѣла праздновать первый миръ съ Оттоманскою Портою; теперь этотъ Дворецъ разрушенъ: жаль прекраснаго мѣста и вида! — Покатость горы едва примѣтна; положеніе замка можно назвать очаровательнымъ. Въ сторонѣ прекрасная тѣнистая роща.

*

7 го *Мая*. Нынче Король давалъ большой обѣдъ. Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ, который страдаетъ жестокою зубною болѣзнію, оставался дома съ Супругою. Императоръ и вся Императорская Фамилія пріѣхали ровно въ два часа. Принцъ Станиславъ съ Господиномъ и Госпожею Мни-

чехъ приняли Высокихъ Посѣтителей у крыльца; Король встрѣтилъ Ихъ на лѣсницѣ. Поставили кушанье. Король думалъ сначала, что Императоръ и Императрица пойдутъ впередъ одни; но Императоръ хотѣлъ, чтобы Императрица подала руку Королю, ожидая, что Онъ, какъ обыкновенно случалось за Императорскимъ столомъ, займетъ свое мѣсто между Ими; но какъ скоро Императоръ съ Супругою сѣли за столъ (задомъ къ свѣту, чтобы не быть обезпокоенными отъ солнечныхъ лучей): то Король помѣстился противъ Нихъ и придвинулъ къ Нимъ супъ: ему извѣстно было, что при Дворѣ за обѣденнымъ столомъ обыкновенно ставились передъ Императоромъ и Императрицею особенныя суповыя чаши, изъ которыхъ Они сами для себя накладывали супъ. Тарелки подавали Камергеры Трембовскій и Вольскій; Ихъ Императорскія Величества не хотѣли, чтобы они служили во все продолженіе обѣда, и приказали имъ отдать блюда Императорскимъ Пажамъ. Въ половинѣ обѣда Императоръ и Императрица пили за здоровье Короля. Столъ состоялъ изъ 36 кувертовъ; Дамы были: Госпожа Ренне и Ливенъ, Обергофмейстерины Великихъ Княженъ; Фрейлина Нелидова, Принцесса Радзивиль, Княгини Рѣпнина и Волхонская; мужчины: Князь

Безбородко, Вицеканцлерь Князь Куракинь; Фельдмаршалы: Рѣпнинь, Салтыковь и Мусинь-Пушкинь. Растопчинь извинился: онь боленъ. Послѣ стола Императоръ разговаривалъ нѣсколько времени очень дружески съ Королемъ, и пригласилъ его на другой день къ Своему столу. —

Прибавлено симпатическими чернилами рукою Короля: Прошу, чтобы въ Варшавскихъ Вѣдомостяхъ не печатали моихъ записокъ. Видя разположеніе здѣшняго Двора ко мнѣ, я долженъ болѣе всего желать, чтобы какъ можно менѣе занимались мною въ моемъ Отечествѣ. Со мною *лично* обходятся, какъ не льзя лучше; но часто даютъ мнѣ чувствовать, что я не долженъ говорить о *другихъ*. Мои соотечественники, слыша о дружескомъ разположеніи ко мнѣ Императора, осыпаютъ меня прозьбами и письмами: но, къ крайнему своему огорченію, я принужденъ имъ отказывать.

*

1 го *Іюня*. Нынче въ 7 часовъ вечера ѣздилъ Король съ своею свитою въ Останькино, подмосковное село Графа Шереметьева, который давалъ для него праздникъ. Число гостей перваго класса простиралось до 200. Король осматривалъ замокъ и садъ: вездѣ чрезвычайное великолѣпіе. Пошли въ театръ; играли Оперу *Самнитскіе*

браки, въ которой актерами были крѣпостные люди Графа Шереметьева; одежды прекрасныя; костюмъ сохраненъ съ великою точностїю; одна актриса играла въ бриліантовомъ уборѣ, который цѣнятъ во 100,000 рублей; многїе изъ балетчиковъ танцовали прекрасно. По окончанїи Оперы, Король отведенъ былъ въ другїя комнаты; но черезъ полчаса возвратился въ залу театра, котораго уже не было: сошли по нѣсколькимъ ступенямъ, покрытымъ алымъ бархатомъ, въ обширную галлерею, и въ ту же минуту загремѣла музыка: начались танцы. Въ одиннадцать часовъ Король вышелъ на балконъ: весь садъ былъ прекрасно иллюминованъ, а передъ самымъ балкономъ горѣло вензловое имя Станислава Августа. Въ двенадцать часовъ сѣли ужинать: за столомъ находилось болѣе ста человѣкъ. Графъ провожалъ Короля до самой кареты; онъ напомнилъ ему о своей *наслѣдственной* благодарности. И я и отецъ мой, сказалъ онъ, имѣли щастїе получить отъ Вашего Величества Польскїе Ордены. Дорога отъ Останькина до Москвы освѣщена была горящими смоляными бочками.

*

Петербургъ, 6 *Іюля*. Король осматривалъ замокъ *Чесьму*, находящїйся въ семи верстахъ отъ Петербурга.

ЕКАТЕРИНА II основала въ немъ Орденъ Св. Георгія, и въ одной изъ надписей сказано, что церковь сего замка заложена при Шведскомъ Королѣ Густавѣ III, а кончена при Императорѣ Іосифѣ II. Всѣ комнаты главнаго корпуса украшены портретами нынѣшнихъ Европейскихъ Монарховъ, и барельефами, изображающими древнихъ Рускихъ Царей до Михаила Романова. Въ одной круглой залѣ находятся всѣ портреты Государей Царствующаго колѣна. Здѣсь показывали Королю золотую чернильницу съ эмалью, на которой изображены миніатурною живописью морскія побѣды Рускихъ. Въ нижнемъ этажѣ хранится Англійской фаянсовой сервизъ прекрасной работы; на немъ нарисованы зеленою краскою по зеленому полю лучшіе Англійскіе увеселительные замки; на краяхъ тарелокъ и чашъ изображена, вмѣсто герба, зеленая лягушка. Возвратясь въ Петербургъ, Король видѣлъ слона, котораго Бухарскій Ханъ прислалъ покойной Императрицѣ. Когда Персіанинъ говоритъ съ нимъ по Индійски, то онъ понимаетъ его и слушается безъ всякаго принужденія.

*

16*го Іюня.* Сего дня Король осматривалъ картинную Галлерею Сенатора Соймонова, которая не велика, но заключаетъ

въ себѣ нѣкоторыя драгоцѣнности, между прочими Джїорданово сраженїе Амазонокъ съ Центаврами. Надобно удивляться точности, съ какою Живописецъ послѣдовалъ Стихотворцу Овидїю. Замѣтны двѣ фигуры, изъ которыхъ одна находится въ картинѣ Юлїя Романа, сраженїе Константиново; а другая въ Арбельскомъ сраженїи Лебреня, съ тою только разницею, что въ двухъ послѣднихъ мужскїя лица, а въ первой женскїя. — Господинъ Соймоновъ есть человѣкъ, отличный своими достоинствами и чрезвычайно прїятный въ обращенїи.

*

Петергофъ, 3 *Іюля*. Король живетъ на берегу моря, въ увеселительномъ замкѣ Mon plaisir, которой и теперь отчасти находится въ такомъ точно положенїи, въ какомъ онъ былъ при ПЕТРѢ I; ЕКАТЕРИНА II (собственныя комнаты Ея отведены теперь Королю) украсила его весьма много. По окончанїи вахтъ-парада и по совершенїи крестинъ у Князя Щербатова, въ которыхъ Императоръ и Императрица были Возпрїемниками младенца, пришли сказать Королю, что ПАВЕЛЪ приглашаетъ его къ обѣду. Послѣ стола Императоръ самъ показывалъ Королю Дворецъ, и вводилъ его въ свой кабинетъ, обитый досками и вы-

крашенный кофейною краскою. Кабинетъ сей точно таковъ былъ при ПЕТРѢ Великомъ; всѣ другія комнаты замка болѣе или менѣе передѣланы; онъ одинъ сохранилъ свою *прародительскую* древность. Ввечеру Король со всею Императорскою Фамиліею прогуливался по саду въ линейкѣ: Императоръ, кажется, преимущественно привязанъ къ этому прекрасному мѣсту, въ которомъ столько памятниковъ Прадѣда Его, Великаго ПЕТРА. Фонтаны Петергофскіе чистотою воды своей превосходятъ Версальскіе; между прочими находятся здѣсь такіе точно, какіе въ Римѣ, на площади Святаго Петра. Ужинали на берегу моря, въ тѣни густыхъ деревъ; вечеръ былъ самый прекрасный и тихій.

*

16*го Іюля.* Нынче, въ присутствіи Короля и всего Двора, совершенъ былъ въ одной дворцовой залѣ бракъ Графа Дитрихштейна съ придворною Дамою Шуваловою; Нунцій Литта, въ Епископской одеждѣ, благословлялъ супруговъ; потомъ они обвѣнчаны въ Дворцовой церкви по обряду Греческаго исповѣданія: Бальи Литта держалъ вѣнецъ надъ женихомъ, а Графъ Шуваловъ надъ невѣстою. Сама Императрица убирала ее собственными бриллiантами, которыхъ было на ней почти на милліонъ.

17 го Іюля, Императоръ отъѣзжая со всею Фамиліею въ Кронштатъ, весьма дружески простился съ Королемъ.

*

22го *Іюля*. Король ѣздилъ на дачу Князя Куракина. Княгиня Долгорукая, другъ Княгини Куракиной, праздновала день ея рожденія въ Александровскомъ. Нынѣшняго года этотъ праздникъ данъ мѣсяцемъ ранѣе, по той причинѣ, что Австрійскій Посланникъ, Графъ Кобенцль, любезный обѣимъ Княгинямъ, долженъ былъ очень скоро оставить Петербургъ: хотѣли въ послѣдній разъ угостить того человѣка, который всегда бывалъ душею сихъ праздниковъ. Гостей сначала пригласили въ рощу; тамъ дѣти обѣихъ Княгинь сидѣли въ лавкахъ, сдѣланныхъ изъ вѣтвей и дерна, раздавали плоды, цвѣты и тому подобное. На вывѣскахъ написаны были стихи, выбранные изъ лучшихъ Стихотворцевъ и приличные празднику; одно дитя говорило маленькую рѣчь; потомъ всѣ онѣ взялись за руки и начали танцовать. Изъ рощи пошли въ театръ. Княгиня Долгорукая прекрасно представляла сцену изъ Оперы: *Нина, или сумасшедшая отъ любви.* Потомъ показывали Китайскія тѣни за флёромъ. Прежде всего явилось *Солнце*, и это солнце былъ самъ Австрійскій Посланникъ, одѣтый

въ золотое штофное платье, съ сїяніемъ вокругъ головы, сдѣланнымъ изъ золотой бумаги. За нимъ слѣдовалъ *Мѣсяцъ* — первый Италїанскїй пѣвецъ Мандини, который послѣ вмѣстѣ съ Ларивьеромъ представлялъ очень забавно разлуку Ореста съ Пиладомъ. Потомъ Ларивьеръ игралъ ролю зубнаго лѣкаря и дѣлалъ операцїю надъ Мандини — всѣ чрезвычайно много смѣялись. За сими комическими сценами слѣдовали *Живыя картины*. Содержанїе ихъ самое извѣстное: на примѣръ, открытїе *Ахилла* (котораго представляла Гжа Лебрень) между подругами *Деидамїи* (Княгиня Долгоруная); *Стратоника* (также Княгиня Долгорукая), сидящая у постели своего пасынка; Дарїево семейство и т. п. Гжа Лебрень дѣлала всему разпоряженїе такъ искусно, что зрѣлища сїи казались истиннымъ очарованїемъ. Весь Петербургъ сожалѣетъ объ отъѣздѣ Графа Кобенцля, котораго чрезвычайно здѣсь любятъ, и съ которымъ никто не можетъ сравниться въ прїятности обращенїя: онъ единственный человѣкъ по своей ловкости, остроумїю, веселости. Княгиня Долгорукая играла у него на театрѣ ролю Камиллы съ удивительнымъ совершенствомъ. Ввечеру, на канунѣ своего отъѣзда, былъ онъ отмѣнно забавенъ; на

примѣръ, онъ самымъ смѣшнымъ образомъ игралъ съ дѣтьми въ *горшуны*: дѣти представляли *цыплятъ*, а онъ *Насѣдку!*

Гатчина, 9е Сентября. Нынче ввечеру Императрица спросила у Короля: играетъ ли онъ въ карты? Очень дурно, отвѣчалъ Король. Я вѣрно хуже, сказалъ Императоръ. А мнѣ непремѣнно надобно сыграть партїю въ пикетъ par contenance (для виду), прибавила Императрица, садясь за карточный столъ съ Фельдмаршалами Салтыковымъ, Рѣпнинымъ и Каменскимъ. 10го Числа просилъ Король Императора, чтобы Онъ приказалъ показать ему всѣ достопамятности Гатчины: ему представили Генералъ-Адъютанта Плещеева. Увѣряютъ, что этотъ человѣкъ, который служилъ въ Американскую войну на Англїйскомъ флотѣ, никогда не говоритъ противнаго своимъ мыслямъ: онъ кажется имѣетъ высокїй, необыкновенный характеръ. Онъ показалъ Королю весь Гатчинскїй замокъ: внутреннее разположенїе сего зданїя тоже самое, какое было въ то время, когда оно принадлежало еще Князю Орлову; но послѣ Императоръ разпространилъ его и украсилъ по собственному вкусу. Между картинами самыя замѣчательныя: Робертовы, одна Вернетова; Карлъ III, Испанскїй Король, за столомъ:

оленья травля, которую Принцъ Конде подарилъ Императору, когда онъ находился въ Шантильи, будучи еще Великимъ Княземъ. Достойны замѣчанія три Граціи, писанныя на мраморѣ: это антикъ, найденный между развалинами Геркуланума. Въ гостиной комнатѣ надъ каминомъ находится древній барельефъ, весьма хорошо сбереженный; сказываютъ, что онъ составлялъ часть украшеній Траянова памятника, съ котораго перенесенъ на Константиновы ворота; *художники-похитители* (artiftes brigands) украли его ночью, и продали Оберъ-Каммергеру Графу Шувалову, который путешествовалъ тогда по Италіи. Въ Кабинетѣ Императора находится портретъ Принца Генриха Прусскаго, помѣщенный между четырмя Россійскими Фельдмаршалами. Король не могъ порядочно осмотрѣть сада. Императору весьма пріятно было, что мѣсто, которое предпочитаетъ Онъ другимъ, нравилось и Королю. *Мнѣ кажется*, сказалъ Онъ, *что я только здѣсь бываю дома.* Въ самомъ дѣлѣ, пріятное Павловское во многомъ должно уступить Гатчинѣ.

*

Петербургъ, 17 *Октября*. Нынче ввечеру Князь Долгорукій неожиданно удивилъ Короля прекраснымъ театромъ, который

во время его отсутствія построенъ былъ въ Мраморномъ дворцѣ. Играли двѣ Французскія Комедіи: le conseil paternel (родительской совѣтъ) и Флоріанову le bon menage (щастливое семейство). Первая сочинена Графомъ Головкинымъ, воспитаннымъ въ чужихъ краяхъ: въ ней много остраго и пріятнаго. Госпожа Липвинова играла первую ролю; другіе Актеры были: Графъ Лерхенфельдъ, Маркизъ Монмортъ, извѣстный Оффрень и Ларивьеръ. Въ другой Комедіи, Княгиня Долгорукова играла съ обыкновеннымъ своимъ совершенствомъ милыя дѣти ея представляли маленькихъ Арлекиновъ.

*

23 *Октября* ночевалъ у Короля Греческій Епископъ *Евгеній*, родомъ изъ Корфу, котораго ЕКАТЕРИНА II сдѣлала Епископомъ Тавриды. Онъ сложилъ съ себя свое званіе, и здѣсь проживаетъ очень спокойно свой пенсіонъ. Сказываютъ, что онъ перевелъ Энеиду на Греческій языкъ прекрасно и близко. Онъ говоритъ по Французски и Италіянски; читалъ всѣхъ лучшихъ Французскихъ и Италіянскихъ Писателей; разговоръ его чрезвычайно пріятенъ и живъ; никто не повѣритъ, чтобы онъ имѣлъ восемьдесять лѣтъ: на лицѣ его написаны молодость и здоровье.

*

Гатчина, 26 Октября. Императоръ удивилъ нынѣче Императрицу представленіемъ большой Италіянской Оперы, Анфоссіевой Зенобіи, которое въ самомъ дѣлѣ было чрезвычайно. Декораторъ Гонзага превзошелъ самаго себя: въ этомъ родѣ живописи онъ можетъ почесться однимъ изъ превосходнѣйшихъ Художниковъ на свѣтѣ. На маленькомъ театрѣ, гдѣ первые люди сидятъ у самаго оркестра, оптическое дѣйствіе, производимое искуствомъ его, есть точное очарованіе. На примѣръ, на занавѣсѣ нарисованъ Храмъ, который, будучи видимъ вблизи, не болѣе какъ въ разстояніи шести шаговъ, кажется совершенно отдѣлившимся. Декорація лѣса могла бы спорить въ совершенствѣ съ картиною Бреигеля. Лучь солнца, ударяющаго сквозь узкое окно тюрьмы, обманывалъ зрѣніе. Увѣряютъ, что въ Италіи нѣтъ ни одного Декоратера, который превосходилъ бы Гонзагу въ искуствѣ. Послѣ Оперы данъ былъ прекрасный балетъ, въ которомъ Пикъ, не смотря на свои шестьдесять лѣтъ, удивлялъ зрителей быстротою и легкостію. Императоръ приказалъ приготовить эту же самую Оперу для Петербургскаго Придворнаго театра къ 24 Ноябрю. Ганзага долженъ былъ съ великою поспѣшностію писать новыя декораціи, и въ этомъ случаѣ доказалъ онъ

удивительнымъ образомъ чрезвычайную изобрѣтательность своего Генія. Между прочимъ въ новыхъ его декорацїяхъ замѣтили сїянїе Луны, отражаемой въ водѣ, достойное кисти славнаго Вернета. Смерть Прусскаго Короля остановила представленїе пїесы, приготовленной къ 28му Декабря.

*

Петербургъ, 5 Декабря. Нынче посѣтилъ Короля Принцъ Конде, который увѣряетъ, что узналъ его, видѣвши только одинъ разъ въ жизни, въ 1754 году, у себя на балѣ. — Когда Принцъ Конде вышелъ изъ кареты у Таврическаго Дворца, очищеннаго, по приказанїю ПАВЛА, для его пребыванїя: то встрѣченъ былъ служителями, одѣтыми въ такую точно ливрею, въ какую наряжены были собственные слуги его, когда Императоръ ПАВЕЛЪ посѣщалъ Шантильи (какая тонкая примѣчательность!). На всѣхъ придворныхъ, данныхъ Принцу каретахъ, вмѣсто Рускаго герба, написанъ гербъ Конде; и Рускїй орелъ, изображенный на знаменахъ Кондева полку, окруженъ Французскими лилїями. Императоръ подарилъ ему Чернышевскїй домъ. Принцъ, вступая въ него въ первый разъ, увидѣлъ на воротахъ: Hotel Condé.

*

15 *Декабря.* Король былъ на обѣдѣ у Князя Безбородки: чрезвычайная пыш-

ность! Воображенїе повара, который между прочимъ приготовилъ и славную Сарданапалову бомбу съ Эпикуровымъ соусомъ, изобрѣтенную кухмистеромъ Фридриха II, изтощило все свое богатство; подавали вина всякаго рода и самыя лучшїя; вездѣ курились драгоцѣннѣйшїя благовонїя, и всѣ десертныя блюда накрыты были хрустальными колоколами, съ прекрасными Этрурскими фигурами здѣшней фабрики, которой главный Смотритель есть Князь Юсуповъ.

*

8*го Января* 1798. Король смотрѣлъ съ балкона, окруженнаго стеклами, на церемонїю водоосвященїя. Императрица, близкая къ разрѣшенїю отъ бремени, ходила пѣшкомъ въ деревянную часовню, построенную на льду Адмиралтейскаго рва; потомъ пришла на балконъ, приказала открыть окна, и болѣе двухъ часовъ простояла на воздухѣ, безъ зонтика, не чувствуя холода, хотя на ногахъ Ея было множество снѣгу. — — — Графъ Монморанси, сынъ Герцога Лаваля, удивляетъ Петербургъ опытами чуднаго искуства, которому, увѣряетъ онъ, научилъ его Епископъ Нансїйскїй. Имянно: ему показываютъ почеркъ какого-нибудь незнакомаго съ нимъ человѣка — обыкновенно адрессъ письма, не сказываютъ имени; онъ спрашиваетъ, мужчи-

на, или женщина, иполучивъ отвѣтъ, угадываетъ почти навѣрное, какихъ лѣтъ и какого характера эта неизвѣстная особа. Онъ нѣсколько разъ изумлялъ вѣрностію своихъ отвѣтовъ, описывая очень сходно такихъ людей, которыхъ не зналъ въ лице, которыхъ не было даже и въ Петербургѣ. Лафатеръ имѣлъ бы право ему завидовать.

(Здѣсь кончится Журналъ Станислава. Онъ скончался отъ паралича, 1798 го года 6 Апрѣля.)

(Съ Нѣмецкаго.)

IV.

Пѣсня.

Тихая Гитара, другъ души унылой!
Что съ тобою стало? Нѣтъ въ акордахъ строю,
Звуки всѣ печальны! Иль съ моей душою
Разстроившись вмѣстѣ, тоскуешь по милой?

*

Звукъ твой тихострунный съ пѣніемъ сливайся!
Легкаго зефира голосъ мой коснися!
Голосъ нѣжной страсти къ милой понесися,
Слухъ ея плѣняя, въ сердцѣ отдавайся!

*

Скажи моей милой, чтобъ не горевала;
Рѣзвою, веселой при людяхъ казалась;
Съ горемъ, со слезами одна укрывалась;
Помня о любезномъ, тихонько вздыхала!

*

Слово ея свято, чувства ея нѣжны!
Сердце мое чисто, честь хранить умѣю!
Что люблю не ложно, утверждать то смѣю!
Что жь людей бояться? — Судьбы неизбѣжны!

*

Наше время будетъ, дождемся мы щастья!
Слышалъ я отъ старыхъ, что, по ихъ примѣтамъ,
Даже и понынѣ всегда свѣтитъ лѣтомъ
Солнышко свѣтлѣе послѣ бурь, ненастья.

А. Г.

V.

Адской совѣтъ.

(Отрывокъ изъ Тассова Іерусалима.)
IV Пѣснь.

Межь тѣмъ, какъ Храбрые, весельемъ упоенны,
Спѣшили устроять орудія военны,
Свирѣпый оный врагъ (*) и Бога и людей
На нихъ остановилъ взоръ ярости своей;

(*) Сатана.

Узрѣлъ — и пораженъ великихъ дѣлъ лучами,
Затрясся, заскрыпѣлъ въ неистовствѣ зубами;
Космату грудь его глубокій вздохъ стѣснилъ;
Отчаянный, на мигъ онъ самъ себя забылъ;
Но мигъ — какъ молнія въ нощи по океанамъ,
Сверкнула злая мысль: погибель Христіанамъ!
Велитъ, да всѣ ему подвластны тьмы духовъ
Предстанутъ на совѣтъ противъ Царя міровъ.
Безумный! — онъ мечталъ въ надмѣнности ничтожной,
Бороться Вѣчнаго съ судьбою непреложной!
Безумный! — онъ дерзнулъ равнять себя съ Творцомъ,
Въ десницѣ Коего почіетъ ярый громъ!

И се, пространный адъ внезапу всколебался,
Во мракахъ тартара звукъ трубный раздавался!
Вдругъ по трепещущимъ пещерамъ пробѣжалъ,
И въ грохотахъ глухихъ вкругъ воздухъ завывалъ!
Такъ стонетъ горня твердь, увита облаками,
Когда перунъ, дробясь, льетъ блѣдну смерть браздами;
Такъ стропотна земля, когда стихій раздоръ
Рветъ горы, мещетъ огнь, и съ небомъ держитъ споръ!

Уже, какъ сонмы водъ, ужасны ада боги
Текутъ, свирѣпствуя, предъ Царскіе чертоги —

Ихъ каждой шагъ — гроза; убійство — каждой взоръ.
Неистовый совѣтъ! Погибелей соборъ!
Тамъ остовы звѣрей, свирѣпствомъ оживленны;
Тамъ вмѣсто волосовъ змѣи переплетенны;
Тамъ тянутся хвосты въ безчисленныхъ узлахъ;
Тамъ злыя Гарпіи съ заразой на устахъ;
Горгоны страшныя, Центавры ненасытны,
И Сфинксы, въ таинствахъ жестокихъ неиспытны;
Тамъ томной носится по безднамъ Сциллы вой;
Шипѣнье лютыхъ Гидръ, Тифоновъ свистъ глухой;
Химеры вкругъ себя вьютъ черный огнь клубами;
Титаны борются, и двигаютъ горами;
Въ согласьи яростномъ разятъ себя самихъ;
Но смерть отрадная затворена для нихъ!

Возсѣли, раздѣлясь въ безчисленные лики
Предъ трономъ пламеннымъ свирѣпаго владыки:
Царь древній тартара на ономъ предсѣдалъ;
Желѣзной, тяжкой скиптръ десною обращалъ;
Нестройный станъ его — какъ горы взгроможденны,
Предъ коими утесъ, надъ бездной вознесенный,
И Алпы и Атлантъ, сокрытый въ облакахъ,
Какъ низкой, бѣдной холмъ, изчезли бы въ тѣняхъ!

Чело, величествомъ свирѣпства надымленно,
Блистало ужасомъ и спесью оскорбленной.
Какъ знаменіе бѣдъ, кометы среди тучь,
Багровые глаза бросали тусклый лучь;
На грудь уродливу, покрытую власами,
Простерлася брада, всклокоченна буграми.
Подобясь пропасти въ тѣни густой лѣсовъ,
Зіяли челюсти, питая грозный ковъ;
Какъ сѣрные пары, Везувьемъ воспаленны,
Возходятъ, и гремятъ, и гонятъ свѣтъ полдневный:
Дыханье смертное синѣющимъ столбомъ,
Изъ устъ его клубясь, сливалось въ ярый громъ.
Раздался шумный гласъ — и Церберы вздрогнули;
Въ гортаняхъ замеръ вой, и Гидры зевъ сомкнули;
Не двигался Коцитъ, и ада гулъ престалъ;
Царь тьмы, облокотясь на скипетръ свой, вѣщалъ:

Геенски божества, достойны безъ сомнѣнья
Чертоговъ солнечныхъ, блаженнаго селенья,
Гдѣ радость встрѣтила улыбкой ложной васъ!
Вы вѣдаете гнѣвъ Возставшаго на насъ;
Вамъ вѣдомы его ужасно подозрѣнье,
И славной подвигъ нашъ, и наше униженье!
Онъ сталъ среди небесъ, — и въ буряхъ и громахъ,
На насъ напечатлѣлъ неволи вѣчной страхъ,

И вмѣсто свѣтлыя обители надзвѣздной,
И вмѣсто радостей и славы безмятежной,
Оставилъ намъ сію гробову темноту,
Намъ, коими держалъ онъ тверди высоту!
О! какъ мучительны сіи воспоминанья!
О! кто изчислитъ всѣ души моей страданья!
Мы пали — кто же взятъ на небо? —
Человѣкъ,
Ничтожный прахъ земной, въ пыли начавшій
вѣкъ!
Но тѣмъ не кончилось. — Се Сынъ его явился,
И смерти покорясь, на смерть вооружился,
Припекъ, разпоргъ, плѣнилъ онъ адскія врата,
И съ посмѣяніемъ вступилъ въ сіи мѣста,
И миліоны душъ, намъ отданныхъ вѣками,
Восхитилъ, — и пріумфъ гремитъ подъ
небесами!
О стыдъ! о срамъ! — при насъ, сей гор-
дый Царь побѣдъ,
При нашей слабости, училъ народъ свой, —
нѣтъ —
Училъ весь міръ играть геенной, смертью,
нами!
Но я терзаю васъ сколь горькими словами!
Вы вѣдаете все! Гдѣ есть надежный кровъ,
Кудабъ не досягалъ посолъ его громовъ?
Не древни бѣдствія совѣтовъ сихъ виною:
О будущемъ теперь размыслите со мною.
Воззрите: чьи сіи безчисленны толпы?
Не въ храмы ли его стремятъ свои стопы?

А мы, въ лѣнивомъ снѣ, въ объятьяхъ оболь-
щенья,
Мы спимъ и ждемъ грозы, какъ чада униженья!
А мы снесемъ, чтобы Владыка горнихъ Силъ
И вѣрной нашъ народъ себѣ поработилъ?
Чтобъ Палестина вся его удѣломъ стала,
Чтобъ именемъ его Вселенная дышала,
Чтобы еще языкъ хвалы его гремѣлъ,
И въ новыхъ мраморахъ позоръ нашъ печа-
тлѣлъ!

Увы! давно уже кумиры наши въ прахъ!
Трясутся капища и нѣмотствуютъ въ страхѣ!
Ему обѣты всѣхъ; ему олтарь — весь міръ!
И мурра, и ливанъ, и сладки звуки лиръ!
Прешли тѣ времена, когда народы плѣнны
Въ тріумфѣ къ намъ влеклись изъ края въ
край Вселенны!

Завистливый лишилъ послѣднихъ насъ от-
радъ,
И скоро, скоро пустъ останется весь Адъ! —
Но нѣтъ! — не быть тому! — я живъ!
навѣки живы
И храбрость оная, и оный духъ строптивый,
Съ которымъ, облачась и въ пламень и въ
булатъ,
Мы ужасомъ войны трясли небесный градъ!
Признаюсь, щастіе тогда намъ измѣнило;
Но мужество нигдѣ себя не посрамило!
Возмогшимъ на Творца Вселенныя востать
Не должно ли себѣ побѣды ожидать?

Довольно! — ко трудамъ сподвижники надежны!
Подпора, честь моя! — къ трудамъ, друзья любезны!
Летите, ратуйте противъ Царя судьбы,
Да лягутъ въ прахъ и въ кровь ничтожные рабы!
Да въ пепелѣ умретъ та искра, не созрѣя,
Отъ коей возгорѣть вся можетъ Іудея!
Употребляйте все: и силу, и обманъ,
И чародѣйну лесть! — да узритъ нашъ Тиранъ
Въ кругу сыновъ своихъ раздоръ и тревоненья!
Да изострится мечь убійствъ и разрушенья!
Да воспалитъ любовь всежгущіе огни,
И Сильный посрамитъ свои въ забавахъ дни!
Да въ буйственныхъ толпахъ, раздоромъ упоенныхъ,
Благотворители падутъ отъ одолженныхъ!
Да весь въ развалины преобращенный свѣтъ
Покажетъ Вышнему, что Адъ съ нимъ брань ведетъ!

Еще не кончилъ онъ: — враги небесъ свирѣпы
Уже подвигнулись; ужь прерваны заклепы;
Уже ихъ нѣтъ! — парятъ къ пылающимъ звѣздамъ;
Лишь бѣгалъ томный гулъ по адскимъ областямъ.

Такъ бури шумныя такъ вихри быстрокрылы,
Оставя тишинѣ подземныя могилы,
Влекутъ на небо нощь, и на два міра брань,
Чтобъ вдругъ поколебать и твердь и океанъ!

Мрзлкв.

VI.

Лексиконъ чудака.

Бездѣлка, важное занятіе свѣтскихъ прелестниковъ.

Низость, большая дорога, по которой честолюбіе бѣжитъ ко славѣ.

Благодѣяніе, налогъ, который платятъ съ трудомъ и очень рѣдко, наслажденіе для добраго сердца, мука для сердца неблагодарнаго.

Щастіе, привидѣніе — надежда называетъ его существеннымъ, но ей никто не вѣритъ.

Отсутствіе, лучшее средство для многихъ, которые желаютъ сдѣлаться любезными.

Откровенность, знакъ прямодушія, когда она непритворна; и тонкая сѣть для уловленія добраго сердца, когда она обманчива.

Недостатки, матеріалы Энциклопедіи, сочиняемой всѣмъ человѣческимъ родомъ.

Хитрость, ходячая монета.

Заимодавцы, почтенные люди, которые всегда говорятъ вздоръ, но учатъ насъ выражаться учтиво.

Кротость, качество, украшающее всѣ другія.

Надежда, любезная модная торговка дымомъ, которой товаръ дешевъ, и потому разходится весьма много.

Дурачество, душа міра.

Человѣкъ, прекрасное достоинство, которое многіе присвоиваютъ несправедливо.

Супружество, лотерея, въ которой большая часть билетовъ пустые.

Ничего, сумма нашихъ познаній.

И прочее, самое лучшее во многихъ книгахъ.

Ссора, проступокъ, когда заводишь ее самъ; глупость, когда не хочешь отъ нее уклониться; нещастіе, когда не можешь отъ нее избѣгнуть.

(*Съ Французскаго.*)

VII.

Мысли.

Не вѣрь тому, кто самъ недовѣрчивъ: онъ опасается обмана отъ привычки обманывать другихъ.

*

Лучше потерять друга излишнею искренностїю, нежели унизить себя, говоря неправду ему въ угожденїе.

*

Излишняя недовѣрчивость чаще заводитъ въ обманъ, нежели довѣренность неограниченная.

*

Кокетство есть маска любви.

*

Уживаться съ безразсудными, есть торжество благоразумїя.

*

Нескромный человѣкъ похожъ на распечатанное письмо, которое всякой можетъ читать, когда захочетъ.

*

Не дѣлай ничего въ минуту гнѣва: осмѣлишься ли пуститься въ море во время бури?

*

Дурное общество дѣлаетъ добраго злымъ, а злаго худшимъ.

*

Лѣнь не имѣетъ ни одного заступника, но множество тайныхъ друзей.

*

Многїе люди имѣютъ сходство съ трудными загадками, которыя отгадавъ, забываешь.

*

Настоящее принадлежитъ щастливцу, а будущее нещастному.

*

Извинять въ самомъ себѣ тѣ недостатки, которыхъ не терпишь въ другихъ, не значитъ ли предпочитать чужой глупости собственную?

*

Человѣкъ не могъ бы идти дорогою жизни, когда бы не опирался на посохъ надежды.

*

Чтобъ быть совершенно щастливымъ, надобно почитать себя необходимымъ для щастїя любезныхъ — первое и самое сладкое изъ всѣхъ заблужденїй.

*

Притворство не имѣетъ постоянства; ложь бываетъ всегда прозрачна: взоры вниманїя могутъ проникнуть ихъ насквозь.

*

Когда увидишь добродѣтельнаго, любезнаго Божеству человѣка, въ трудахъ, печали, болѣзни, а злаго среди веселія и наслажденій: тогда подумай, что мы отъ дѣтей своихъ требуемъ воздержанія, не заботяся о развратѣ людей, намъ чуждыхъ; первыхъ подчиняемъ мы строгому порядку, послѣднихъ оставляемъ на произволъ собственнаго испорченнаго ихъ сердца. Таково и Существо Всевышнее въ отношеніи къ добродѣтельному, который Его питомецъ; Оно даетъ ему уроки нещастія; испытываетъ, образуетъ его; готовитъ для Самаго Себя, для сладкой награды безсмертія!

(*Съ Франц.*)

ПОЛИТИКА.

VIII.

Краткое описаніе Свіабурга.

(*Статья присланная*)

Многіе называютъ Свіабургъ сѣвернымъ Гибралтаромъ: столь положеніе и укрѣпленія его способствуютъ къ его оборонѣ! Онъ состоитъ изъ семи острововъ:

I. *Long-on*, или *длинный островъ*, ближайшій къ берегу, имѣетъ въ длину 600 футовъ и 300 футовъ въ ширину.

II. *Wafter Swart-on*, или *западный черный островъ*, находится на юго-восточной сторонѣ отъ перваго; имѣетъ 1400 футовъ въ длину и 800 въ ширину.

III. *Lilla Swart-on*, или *малый черный островъ*, на востокѣ отъ западнаго, имѣетъ 800 футовъ длины и столько же ширины.

IV. *Oster Swart-on*, или *восточный черный островъ*, на востокѣ отъ предыдущаго, имѣетъ 3000 футовъ длины и 1600 ширины.

V. *Warg-on*, или *волчій островъ*, находится между вторымъ и третьимъ; длиною въ 2400 футовъ, а шириною въ 2000; на немъ построенъ Коммендантской домъ, и сдѣланъ для галеръ бассейнъ, раздѣленный на три части двумя кирпичными стѣнами, и имѣющій 800 футовъ длины, 200 ширины и 14 глубины: этотъ бассеинъ прикрытъ деревянною кровлею; входъ въ него затворяется особаго рода шлюзами. — На обѣихъ сторонахъ его высечены въ камнѣ, подъ присмотромъ Генерала Шпренгпорта, другіе два бассейна, для починки худыхъ линейныхъ кораблей или для построенія новыхъ; магазейны и арсеналъ находятся на самомъ берегу, къ которому почти вездѣ могутъ приставать корабли.

VI. *Gustaf ward*, или *оружіе Густава*, лежитъ на юго-восточной сторонѣ предыдущаго острова. Длина его 1600 футовъ, ширина 1200; корабли подходятъ къ берегамъ его свободно.

VII. *Skantz landet*, или *крѣпостной островъ*, лежитъ на югѣ отъ шестаго, столь же почти великъ, какъ четвертый или пятый.

Всѣ сіи острова укрѣплены по плану Генерала Эренсвальда. Работа, на которую

издержано около десяти милїоновъ рублей, продолжалась почти 60 лѣтъ: валы прикрыты довольно толстыми гранитными одеждами, и снабжены вездѣ, гдѣ нужно, казематами; укрѣпленїя весьма многосложны; во многихъ мѣстахъ онѣ состоятъ изъ главнаго укрѣпленїя, прикрытаго наружными пристройками, отъ чего внутренность острововъ чрезвычайно стѣсняема. — Свїабургъ не имѣетъ простыхъ обывателей; въ казармахъ его помѣщается 12000 человѣкъ. Между островами Свїабурга и берегомъ Шведскимъ находится обширная гавань, совершенно открытая съ твердой земли. *П. Р.*

IX.

О походѣ сухимъ путемъ въ Остъ-Индїю.

Исторїя говоритъ намъ о трехъ великихъ нападенїяхъ на Остъ-Индїю; быть можетъ, въ скоромъ времени мы будемъ свидѣтелями четвертаго, несравненно важнѣйшаго, и болѣе достопамятнаго. Скажемъ нѣсколько словъ о первыхъ.

Восточная Индїя отдѣлена отъ Персїи цѣпью крутыхъ горъ, которыя про-

стираются черезъ всю Азїю и въ которыхъ множество узкихъ, извивистыхъ проходовъ. Завоеватели, Александръ Великїй, Тамерланъ и Шахъ-Надиръ, въ нашествїяхъ своихъ на сїю землю избирали почти одну и ту же дорогу: это можетъ служить доказательствомъ, что очень мало открытыхъ и свободныхъ путей черезъ горы. На сихъ горахъ обитаютъ народы неустрашимые и дикїе; къ нимъ должно причислить воинственныя нацїи Востока: Авганцевъ, Сеиковъ, Маратповъ, которыя всѣ могутъ выставить многочисленныя армїи въ поле. Въ 1793 и 1794 годахъ Сеики имѣли 248000 вооруженныхъ, въ числѣ которыхъ находилось великое множество конницы. Маратты враги Англичанамъ, и очень недавно видѣли между ими Французскихъ Офицеровъ. — Дожди начинаются въ Остъ-Индїи не въ одно время: это зависитъ отъ положенїя мѣста; обыкновенно на сѣверныхъ горахъ идетъ проливной и постоянной дождь тогда, какъ страшная засуха царствуетъ на смежныхъ съ ними равнинахъ.

Александръ Великїй предпринялъ изъ Самарканды походъ противу Остъ-Индїи, которой богатства прельщали его корыстолюбїе; но предпрїятїе сего завоевателя не имѣло успѣха: онъ двинулся съ

своимъ войскомъ въ то самое время, когда всѣ рѣки, разлившіяся отъ сильныхъ дождей, затопляли дороги. Путь Македонской арміи начинается отъ Каспійскаго моря; она достигла до Бактріи, перешла горную цѣпь, и близь Таксилы (нынѣшняго Аттока) переправилась черезъ Индъ, который въ одномъ только томъ мѣстѣ, по утвержденію Реннеля, течетъ довольно тихо, такъ что можно навести на него мостъ. Въ половинѣ лѣта, во время самаго сильнаго дождя, Александръ оставилъ за собою Гидаспъ (нынѣ Бегатъ): войско его должно было переносить неописанныя трудности; наконецъ, достигнувъ южныхъ береговъ Гифазиса, оно остановилось, и воздвигнувъ у самой рѣки двенадцать олтарей въ память необычайныхъ своихъ подвиговъ, пошло въ обратный путь.

Тамерланъ, имѣвшій пребываніе свое гораздо ближе къ Индіи, могъ лучше Александра знать положеніе земель и качество ихъ климата, онъ избѣжалъ ошибки сего завоевателя, начавши походъ свой въ сухое время. Это случилось въ 1398 году Тамерланъ достигнулъ до самаго Гангеса; но въ 1399 мъ году находился уже опять въ Самаркандѣ.

Шахъ-Надиръ напалъ въ 1738 году на Индію, разорилъ Делли, и въ слѣдующемъ

году возвратился въ Персію, по умерщвленіи множества народа и совершенномъ разхищеніи сокровищъ Индійскихъ. Онъ шелъ тѣмъ самымъ путемъ, которымъ шли Александровы арміи: затрудненія, встрѣченныя имъ на дорогѣ, были чрезвычайно велики. Надиръ, не смотря на свое неограниченное самовластіе, на свои великіе таланты, на опытность свою въ искусствѣ военномъ, имѣлъ нещастіе лишиться почти половины войска при переправѣ чрезъ Пенджабскія рѣки и горы, гдѣ всякую минуту принужденъ былъ сражаться съ дикими народами, обитающими на берегахъ Окса и на предѣлахъ Персіи.

Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, походъ противу Ост-Индіи не можетъ быть сопряженъ съ такими ужасными трудностями. Теперь, для исполненія сего великаго предпріятія, имѣемъ такія средства, какія не могли быть извѣстны ни Александру, ни Тамерлану, ни Шахъ-Надиру; можемъ воспользоваться тѣми ошибками, которыя остановили успѣхи прежнихъ завоевателей; народы и земли намъ извѣстнѣе; дружескій союзъ заключенъ между Наполеономъ и Монархомъ Персидскимъ; Азіатскіе народы, незнакомые съ военнымъ искусствомъ Европейцовъ, не могутъ противиться побѣдоноснымъ ихъ арміямъ;

Остъ-Индїя утѣсняема жестокимъ игомъ Британнїи: въ сердцахъ ея обитателей скрывается жестокая ненависть къ Англичанамъ; и хотя Англїйская армїя можетъ простираться до 130,000, но въ этомъ числѣ только 30,000 Англичанъ, а остальныя 100,000 составлены изъ природныхъ жителей, на которыхъ полагаться весьма опасно; короче: въ наше время походъ противу Индїи есть предпрїятїе чрезвычайное; но мнѣнїе, что сїе предпрїятїе легко можетъ быть увѣнчано успѣхомъ, основано на вѣроятности.

(*Съ Нѣмецкаго.*)

X.

Персидскій Шахъ Фетали, другъ Императора Наполеона.

Вся Персїя, выключая провинцїи Кандагаръ и Георгїю, принадлежитъ теперь скипетру Фетали-Шаха, котораго правленїе кротко и правосудно. Онъ имѣетъ не болѣе 45 лѣтъ, уменъ, прїятенъ, ласковъ, полководецъ мужественный и знающїй, но чуждый всякаго честолюбїя и разрушительныхъ замысловъ завоевателя; Фетали-Шахъ, довольствуясь неограниченностїю верховной власти и почестями, съ

нею неразлучными, не мыслить возмущать спокойствія сосѣдей своихъ, ни похищать насильственною рукою принадлежащихъ имъ владѣній — съ этой стороны онъ совершенно противорѣчитъ правиламъ своихъ предшественниковъ, честолюбивыхъ, привязанныхъ къ корысти, преисполненныхъ хищническаго духа. Водимые сими страстями, они позволяли себѣ все то, что могло ускорить паденіе ихъ трона и ввергнуть отечество ихъ въ ужасные безпорядки безначалія.

Прекрасныя и обширныя провинціи Георгіи платили со временъ Шахъ-Абасса дань Персидскимъ Монархамъ; но въ 1801 году послѣдній Царь Георгій Ираклієвичь, желая положить навсегда преграду нападеніямъ и хищничеству Персовъ, покорился со всемъ народомъ своимъ Скипетру Россіи. Манифестомъ АЛЕКСАНДРА I жители Грузіи причислены къ Россійскимъ подданнымъ, а ихъ провинціи навсегда къ владѣніямъ Рускаго Императора.

Молодой Принцъ Ираклій, который не хотѣлъ отказаться отъ права своего на корону Грузіи, бѣжалъ къ Фетали-Шаху, увидя Россійское войско въ своемъ отечествѣ. Персидскій Монархъ, опасаясь Рускихъ, послалъ на встрѣчу къ нимъ Грузинскаго Принца съ отдѣленіемъ Персидской арміи. Молодой Ираклій былъ раз-

битъ, далъ знать Фетали-Шаху о своей неудачѣ и требовалъ снова помощи. Между тѣмъ Рускіе подвигались впередъ, заняли Дербентъ, Баку и другія Каспійскія гавани; наконецъ овладѣли Эриваномъ и Генге.

Фетали-Шахъ находился тогда въ Мезандеранѣ; онъ усмирялъ бунтующихъ Туркомановъ. Узнавши о вступленіи въ Персію и первыхъ успѣхахъ Рускаго войска, онъ поспѣшилъ возвратиться въ Тегеранъ, для сбора нужной арміи. Переговоры, продолжавшіеся въ теченіе 1804 и 1805 годовъ, остановили на время непріятельскія дѣйствія; наконецъ они прекращены совершенно Тильзитскимъ миромъ, который перемѣнилъ намѣренія Императора Наполеона. Войска Фетали-Шаха могутъ простираться отъ 90,000 до 100,000.

Теперь во внутренности Персіи царствуетъ спокойствіе; ни что не возмущаетъ безопасности гражданъ; торговля цвѣтетъ; нигдѣ не замѣтно междуусобія, неудовольствія, неустройства. Персія, въ настоящемъ положеніи вещей, не можетъ опасаться новаго нападенія со стороны Рускихъ: естьли Россійская армія войдетъ во внутренность Персіи, то безъ сомнѣнія не иначе, какъ съ собственнаго согласія Фетали-Шаха.

Съ Французскаго.

XI.

Мадритъ и Аранжуэцъ.

Мадритъ лежитъ на пространной равнинѣ, которая со всѣхъ сторонъ окружена горами. Сей городъ, прежде нежели Карлъ V и послѣдователи его основали въ немъ резиденцїю, былъ очень неважнымъ и немноголюднымъ мѣстечкомъ; на западѣ и югѣ орошаетъ его рѣка Мансанаресъ, которая зимою бываетъ довольно глубока отъ снѣжной воды; но лѣтомъ высыхаетъ почти до дна, такъ что можно переходить ее вбродъ. Не смотря на то, Филиппъ II построилъ на сей рѣкѣ великолѣпный каменный мостъ, длиною въ 1100 шаговъ, а шириною въ 22; онъ стоилъ ему 200,000 червонцевъ, что заставило сказать одного остроумнаго Француза: я совѣтовалъ бы Королю Испанскому продать мостъ и вмѣсто его купить порядочную рѣку.

Въ Мадритѣ есть хорошїя площади, украшенныя богатыми водометами; великолѣпныя церкви, прекрасные домы, прекрасныя улицы, въ которыя ведутъ кривыя, узкїя, худо вымощенныя, нечистыя и безпокойныя. Большая площадь (placa maior) довольно правильно выстроена, и окружена хорошими одинакаго фасада зданїями. Подъ колоннами домовъ очень покойно

ходить пѣшимъ; каждое окно украшено балкономъ. Такой обширный кругъ великолѣпныхъ зданій бросается сначала въ глаза, но послѣ становится ощутительна неприятность однообразія. Площадь имѣетъ въ окружности 1500 футовъ: здѣсь, а еще чаще въ кругломъ амфитеатрѣ, находящемся близь Алкальскихъ воротъ, происходятъ извѣстныя сраженія съ быками.

Въ Мадритѣ считается 18 приходскихъ церквей, 58 монастырей, 22 гофспиталя, изъ которыхъ главный есть сиротскій домъ. Преждебывшая Езуитская Коллегія, построенная на возвышеніи при самомъ выѣздѣ изъ города, есть лучшее зданіе послѣ Королевскаго замка въ Мадритѣ. Въ этомъ замкѣ находится и та комната, въ которой заключенъ былъ Францискъ I, плѣнникъ Карла V. Шпага его недавно возвращена Наполеону.

Кромѣ Королевскаго Дворца, въ которомъ со временъ Карла Vго обыкновенно жили Испанскіе Короли, находятся въ Мадритѣ и въ окружности его увеселительные замки: Буэнъ-Ретиро, Каза дель Кампо, Эль-Педро, Эскуріалъ, Аранжуэцъ: два первые у самыхъ воротъ столицы; послѣдніе въ нѣсколькихъ отъ нея миляхъ. Мы будемъ говорить объ одномъ

Аранжуэцѣ, который въ послѣднихъ числахъ прошедшаго Марта ознаменованъ былъ достопамятною революцїею.

Аранжуэцъ, по своему прекрасному положенїю, могъ бы назваться чудомъ Натуры: прелесть его составляютъ огромные сады, воды, фонтаны, водопады, очаровательные виды, рощи, яркая, свѣжая зелень. Есть и аллеи, украшенныя безчисленнымъ множествомъ мѣдныхъ статуй: изъ каждой стремится фонтанъ, что составляетъ удивительное, въ своемъ родѣ единственное зрѣлище. Замокъ построенъ на полуостровѣ, образовавшемся отъ слитїя двухъ рѣкъ Тага и Ксарамы; онѣ соединены каналомъ, и теперь замокъ со всѣхъ сторонъ окруженъ водою. Естьли бы на отдѣлку Аранжуэца употреблены были всѣ тѣ суммы, которыя потеряны на украшенїе Сентъ-Ильдефонза, то, вѣроятно, никакое мѣсто на свѣтѣ не могло бы съ нимъ равняться въ красотѣ и великолѣпїи. Онъ лежитъ на пространной равнинѣ, окруженъ холмами и густымъ лѣсомъ, чрезвычайно богатымъ дичиною.

XII.

Письмо изъ Лондона.

Нынѣ читая Англійскіе Журналы, съ великимъ трудомъ можешь разпознавать въ нихъ отличительныя черты разныхъ партій; можно сказать, что всѣ мѣлкія, частныя выгоды уступили мѣсто одной главной, всеобщей — *выгодѣ отечества и его сохраненію.* Министерская и противная стороны нѣсколько сблизились; по крайней мѣрѣ обѣ онѣ согласны въ томъ, что Великобританнія въ опасности; что многіе поступки Министровъ ея непостижимы; что бѣдствія, ужасныя и близкія, угрожаютъ Англійскому народу. Ни одна экспедиція не была учреждена такъ неискусно, произведена въ дѣйствіе съ такимъ легкомысліемъ и не имѣла такихъ печальныхъ слѣдствій, какъ экспедиція противъ Копенгагена. Непонятно, для чего наши Министры, овладѣвъ островомъ Зеландомъ, Датскимъ флотомъ, Датскими арсеналами, Датскою столицею, не ввели 100,000 войска въ Копенгагенъ, не разсудили содержать въ Балтійскомъ морѣ сильнаго флота, который, при помощи Швеціи, сохранилъ бы для нихъ свободный проходъ черезъ Зундъ и обезпечилъ бы совершенно Англійскую торговлю на сѣверѣ Европы? Но безразсудность и корыстолюбіе

суть отличительныя достоинства нашихъ Правителей. Министерскіе Журналы превознесли до небесъ незабвенное завоеваніе Копенгагена, и Министры остались довольны своею политикою; они успокоились на лаврахъ своихъ, не помышляя о томъ, что сдѣлается съ Зундомъ, съ торговлею на Восточномъ морѣ, съ послѣднимъ, нещастнымъ союзникомъ Англійскаго народа, Королемъ Швеціи.

Всякому истинному Британцу надлежало бы имѣть довѣренность къ своимъ Правителямъ: но можно ли думать, чтобъ Англія, окруженная опасностями, лишенная союзниковъ и торговли, спасена была тѣми самыми людьми, которые привели ее на край погибельной бездны?

XIII.

Ріо Янейро,

(нынѣшняя резиденція Принца Бразильскаго.)

Мы читали въ публичныхъ листахъ, что Королевскій Португальскій Дворъ основалъ свое пребываніе въ Ріо Янейро, столицѣ Португальской Америки: сообщаемъ читателю ея описаніе.

Сей городъ выстроенъ очень хорошо, имѣетъ 30000 жителей. Епископство и нѣсколько монастырей; онъ почитается средоточіемъ Бразильской торговли. Прекрасная гавань защищаема четырьмя шанцами, а самый городъ цитаделью Санъ-Себастьянъ.

На югѣ находится островъ Св. Екатерины, отдѣленный отъ твердой земли узкимъ проливомъ. Сей островъ, имѣющій восемь Нѣмецкихъ миль въ длину и не болѣе половины мили въ ширину, также какъ и противулежащая матерая земля, обработанъ около однихъ береговъ, а внутри покрытъ кустарникомъ и лѣсомъ, въ которыхъ множество ядовитыхъ змѣй. По своему плодородію онъ могъ бы приносить гораздо болѣе всякаго рода выгодъ, когда бы колонисты не имѣли недостатка въ невольникахъ; но до сего времени были они слишкомъ бѣдны для ихъ покупки и содержанія. Они получаютъ великое множество хлѣба, садовыхъ и огородныхъ овощей, померанцевъ и другихъ южныхъ плодовъ, которые тучная земля даетъ безъ всякаго почти удобренія. Скота здѣсь очень много; всѣ жизненныя потребности дешевы, по той причинѣ, что жителямъ не куда продавать произведеній своего климата. За жирнаго быка платятъ

здѣсь 8 пїастровъ, за свинью 4, за пару индѣекъ 1, за 500 померанцевъ половину пїастра. Рыбная ловля бываетъ всегда очень изобильна: отъ одной ловли китовъ получаютъ здѣшнїе жители 346,000 пїастровъ. Сначала Правительство содержало ее на откупу; теперь она свободна. Въ Іюлѣ и Августѣ ловятъ около 500 китовъ, изъ которыхъ каждый стоитъ 692 пїастра; но выигрышь былъ бы гораздо важнѣе, когда бы Англичане и сѣверные Американцы также не занимались на южномъ морѣ китовою ловлею.

То мѣсто, въ которомъ обыкновенно живетъ Градоначальникъ, есть Noſtra Senora del Deſtero, городокъ, имѣющїй около 400 домовъ и 3000 жителей: онъ открытъ со всѣхъ сторонъ и защищаемъ одною маленькою батареею. Всею Бразилїею управлялъ доселѣ Вицерой; подъ нимъ находились два верхнихъ Суда, одинъ въ Санъ-Сальвадорѣ, другой въ Рїо Янейро.

Жители Рїо Янейро ведутъ хорошїй торгъ важнѣйшими произведенїями своего климата и промышленности: они выпускаютъ ежегодно болѣе 440,000 центнеровъ сахару (въ 1790 на 6 миллїоновъ крузадовъ — 3,711,000 талеровъ), 58,000 центнеровъ табаку, 400,000 необработанныхъ

и 20,000 обработанныхъ кожъ; деревяннаго масла — въ 1790 на 3,076,000 крузадовъ, 20,000 центнеровъ красильнаго дерева, великое множество прекраснаго корабельнаго лѣсу, какао, ванили, воску и прочее, не считая золота и брилїантовъ.

Король Португальскїй пользовался десятью процентами со всѣхъ вывозимыхъ и ввозимыхъ товаровъ. Бразильскїе доходы его были слѣдующїе: пятая часть всего доставаемаго золота; за право бить золотыя монеты 4,647,500 ливровъ; два процента за перевозку золота на Королевскихъ корабляхъ въ Португалїю; десятая доля всѣхъ произведенїй земли; пошлина съ невольниковъ, которыхъ ежегодно было ввезимо болѣе 16,000; наконецъ продажа соли, ртути, вина, и карточный откупъ, который ежегодно доставлялъ 700,000 ливровъ доходу.

XIV.

Нѣсколько словъ о характерѣ Музульмановъ, Грековъ, Армянъ и Жидовъ Константинопольскихъ.

Въ Константинополѣ живутъ Турки, Греки, Армяне, Жиды, Европейцы,

отъ чего происходитъ великая смѣсь языковъ, обычаевъ, религій. Самый многолюдный классъ народа состоитъ изъ Турковъ, живущихъ и въ городѣ и въ предмѣстіяхъ; Греки составляютъ шестую долю обитателей: ими занята особенная часть города, называемая по Гречески *Фанаракти*, и находящаяся въ концѣ пристани; многіе разсѣяны въ Перѣ, между Франками — такъ обыкновенно называются въ Константинополѣ всѣ иностранцы безъ различія. Армянъ находится въ этомъ городѣ нѣсколько менѣе, нежели Грековъ; они живутъ во внутренности города, въ предмѣстіяхъ; нѣкоторые также въ Перѣ, между Франками. Жиды составляютъ самый малолюдный классъ обитателей Константинополя; они встрѣчаются вездѣ, и въ городѣ и въ Перѣ и въ Галатѣ, и служатъ маклерами для купцовъ, какъ здѣшнихъ, такъ и иностранныхъ.

Одни Магометане — Турки или Арабы — могутъ отправлять Государственныя должности, быть принимаемы въ Янычары, или служить въ военной службѣ. Матросовъ однако вообще набираютъ изъ Грековъ. Турки сверхъ того занимаются торговлею, механическими искусствами, изученіемъ законовъ и Религіи.

Музульмане вообще имѣютъ очень мало свѣденій, суевѣрны, надменны до чрезвычайности. Ученость ихъ ограничивается однимъ познаніемъ различныхъ толкованій Алкорана и вѣденіемъ отечественныхъ законовъ, изъ него почерпаемыхъ; нѣкоторые занимаются Стихотворствомъ, изученіемъ Персидскаго и Арабскаго языковъ, Астрологіею; весьма немногіе имѣютъ нѣкоторое понятіе о Математикѣ и Астрономіи. Медицина ихъ не иное что, какъ скопище малаго числа опытовъ, переходящихъ отъ отца къ сыну, и освященныхъ древностію обычая. Ни Натуральная Исторія, Физика, Географія, мореплаваніе, Тактика едвали извѣстны имъ по имени; въ Исторіи они совершенные невѣжды; о предкахъ своихъ знаютъ по однимъ баснословнымъ преданіямъ; о всѣхъ другихъ народахъ, не выключая и Грековъ, которые прежде ихъ владѣли Турціею, не имѣютъ совершенно никакого понятія. Механическія искуства, выключая красильнаго, приготовленія нѣкоторыхъ шелковыхъ матерій, дѣланія стальныхъ клинковъ и ножей, или весьма несовершенны между ими, или вовсе имъ неизвѣстны. — Европейцы, въ особенности Французы, научили ихъ нѣкоторымъ полезнымъ искуствамъ, на примѣръ: литью пушекъ и мортиръ, строенію кораблей, дѣ-

ланїю ружей, штыковъ и лафетовъ; но гордость народная, невѣжество и фанатизмъ возпрепятствовали и будутъ всегда препятствовать Туркамъ довести сїи искуства до совершенства.

Греки имѣютъ характеръ живой, изобрѣтательный, дѣятельный — они отправляютъ въ Константинополѣ нѣкоторыя ремесла, торгуютъ, служатъ въ морской службѣ, обѣзжаютъ приморскїе города Турцїи, но рѣдко заглядываютъ во внутреннїя провинцїи сей Имперїи. Первое наслажденїе ихъ музыка и танцы. Въ другихъ областяхъ Турцїи занимаются они съ довольною прилѣжностїю земледѣлїемъ. Богатые Греки вообще просвѣщены, оборотливы, хитры; они учатся языкамъ, и всѣми силами стараются занимать мѣсто врачей и переводчиковъ въ домахъ знатныхъ Турковъ. Древнїя фамилїи съ великимъ усердїемъ стараются присвоить титулы Государственныхъ толмачей Оттоманской Порты, или опасное достоинство правителей Валахїи и Молдавїи. Они вообще суевѣрны, робки и строго наблюдаютъ посты. Духовныхъ людей между ими весьма много. Верхнее духовенство просвѣщено и богато; низшее и бѣдно и въ страшномъ невѣжествѣ.

Всѣ Армяне — купцы, они ведутъ самый обширный торгъ въ Имперіи Турецкой, чрезвычайно искусны, терпѣливы, неутомимы, разсчетливы; торгуютъ во внутренности всей Азіи, Остъ-Индіи; вездѣ имѣютъ огромные магазины, вездѣ имѣютъ своихъ корреспондентовъ; большая часть изъ нихъ знаютъ механическія искуства; они банкиры, поставщики, повѣренные Пашей и знатныхъ Турковъ. Думаютъ, что они не стыдятся никакого средства для собственнаго обогащенія, или для обману покупщика, которому желаютъ продать дурные товары; не смотря на то, исполняютъ они вѣрно обѣщанное, и крѣпко держатся даннаго ими слова. Они очень строги въ послѣдованіи своимъ обычаямъ, точно исполняютъ предписаніе своей религіи, но суевѣрны и невѣжды. Естьли бы имѣли они болѣе просвѣщенія и лучшихъ правителей, то могли бы сдѣлаться народомъ необыкновеннымъ.

Здѣшніе Евреи должны во многомъ уступить Европейскимъ: они бѣднѣе, несвѣдущѣе и суевѣрнѣе; ведутъ всякаго рода торгъ, не презираютъ и самыхъ низкихъ должностей; рѣдкіе изъ нихъ бываютъ лѣкарями или переводчиками, и ни одинъ не занимается землепашествомъ. Богатые живутъ лихоимствомъ, отдаютъ деньги

на закладъ, по два, по три и болѣе процентовъ на сто въ мѣсяцъ. Въ сохраненіи обычаевъ своихъ они такъ же строги, какъ и Армяне; живутъ отдѣльно отъ Туровъ, которыхъ боятся чрезвычайно: видъ Музульманина приводитъ Еврея въ трепетъ.

(*Изъ Олиеьерова Путешествія въ Турцію.*)

XV.

Извѣстія.

Теперь Европа обращаетъ глаза свои на Испанію. Наполеонъ въ Байоннѣ: онъ судитъ Фердинанда VII и Карла IV — сына-похитителя короны, съ отцемъ-Монархомъ, слишкомъ слабымъ для поддержанія вѣнца своего. По сію пору обстоятельства сего чрезвычайнаго возмущенія въ Испаніи покрыты для насъ совершенною неизвѣстностію: сообщаемъ читателю одно вѣрное и самое замѣчательное. 15го Апрѣля Императоръ Наполеонъ прибылъ въ Байонну, гдѣ встрѣтили его Инфантъ Донъ Карлосъ, братъ Астурійскаго Принца, такъ называемаго Фердинанда VII, Португальскіе Депутаты и Герцогъ Фріасъ съ Испанскимъ Посольствомъ; 18го послѣдній, вмѣстѣ съ Гене-

раломъ Савари, поѣхалъ на встрѣчу къ Фердинанду, который оставилъ Мадритъ и спѣшилъ имѣть свиданіе съ Наполеономъ въ Байоннѣ. При самомъ отъѣздѣ его изъ столицы Испанской, была обнародована прокламація, въ которой сказано, что онъ, Фердинандъ, Король Испаніи, зная намѣреніе Наполеона посѣтить Мадридъ, ѣдетъ принять его на границѣ своего Королевства; что мирное согласіе, царствующее между народами Французскимъ и Испанскимъ, должно быть утверждено свиданіемъ обоихъ Монарховъ; что жители Мадрита должны безпрекословно доставлять все нужное для продовольствія Французскаго войска; что путешествіе Короля продолжится нѣсколько дней и прочее. Въ отсутствіи Фердинанда правленіе поручено дядѣ его, Инфанту Донъ Антоніо. 20 Апрѣля Фердинандъ, сопровождаемый своимъ Обер-Гофмейстеромъ, Герцогомъ С. Карлемъ, Герцогомъ Инфантадо, Канонникомъ Эскориквицемъ, Министрами Кеваллосомъ, Мусквицемъ и Лабзадоромъ, прибылъ въ Байонну. Онъ встрѣченъ былъ Принцемъ Нюшательскимъ и Маршаломъ Дюрокомъ. 30 Апрѣля прибыли туда же и родители его, Король Карлъ IV съ супругою. Въ проѣздѣ ихъ черезъ Бургосъ, гдѣ Генералъ Вердье представлялъ имъ Французскихъ

Офицеровъ, отрядъ Испанской Королевской гвардіи, провожавшій Принца Астурійскаго до Байонны, хотѣлъ занять караулъ на Королевской квартирѣ; но Карлъ IV, остановивши Офицеровъ, сказалъ имъ съ сильнымъ движеніемъ: Государи мои, не требую никакой отъ васъ почести: въ Аранжуэцѣ вы презрѣли свою должность; теперь прошу васъ меня оставить! Французскіе солдаты, по приказанію Генерала Вердье, смѣнили Испанскихъ и заняли всѣ Королевскіе караулы. 30 Апрѣля Генералъ Лебрень вручилъ Карлу IV письма отъ Императора Наполеона, и Принцъ Нюшательскій принялъ его на границахъ Франціи. Того же числа въ два часа по полудни Король и Королева прибыли въ Байонну; Принцъ Астурійскій вмѣстѣ съ Инфантомъ Донъ Карлосомъ встрѣтили ихъ у въѣзда въ городъ, при пушечномъ громѣ; всѣ Гранды были допущены къ рукѣ Ихъ Величествъ; Принцъ Астурійскій хотѣлъ послѣдовать за отцемъ своимъ во внутренніе покои, но онъ удержалъ его; и съ гнѣвнымъ взоромъ сказалъ: Принцъ, развѣ не довольно посрамили вы мою сѣдую голову? Фердинандъ остался какъ пораженный громомъ; на лицахъ Грандовъ изобразились стыдъ и замѣшательство. Въ 5 часовъ посѣтилъ Короля и Королеву Императоръ На-

полеонъ: сцена свиданія обоихъ Монарховъ была трогательна, разговоръ ихъ продолжался нѣсколько часовъ. Король и Королева описывали Императору всѣ горести, всѣ оскорбительные поступки, которые принуждены были они выносить въ теченіе цѣлаго мѣсяца; съ негодованіемъ выражались на счетъ неблагодарныхъ, которые заплатили имъ за всѣ ихъ благотворенія измѣною, и съ презрѣніемъ говорили о своихъ тѣлохранителяхъ, которые въ минуту опасности не осмѣлились защитить законнаго своего Монарха. Ваше Величество! — повторилъ Король съ прискорбіемъ — Вы не можете чувствовать, каково отцу обвинять своего сына въ преступленіи: съ такимъ нещастіемъ ни что на свѣтѣ не можетъ равняться!" — На другой день и Король и Королева обѣдали у Императора. 2го Мая посѣтила ихъ Императрица Іозефина. — Тогоже дня, въ 7 часовъ вечера, получено изъ Мадрита письмо слѣдующаго содержанія: Мадритская чернь, со времени возмущенія въ Аранжуэцѣ, бунтуетъ безпрестанно; ничто не можетъ сравниться съ ея надменностію и буйствомъ. Мнимая побѣда, которую одержала она надъ Королемъ и надъ 200 карабинеровъ, составлявшихъ караулъ Князя мира, ужасно возвеличила ея безразсудную гордость; — здѣсь замѣтили, что съ нѣкотораго времени

сборища народа вдругъ сдѣлались многочисленнѣе; хладнокровные наблюдатели, Испанцы и Французы, чувствовали близость рѣшительной развязки; они ожидали ее съ безпокойствомъ, будучи увѣрены, что одни только строгія, сильныя мѣры могли положить границы буйному изступленію черни. Этрурская Королева и Принцъ Донъ Францискъ, ежедневно оскорбляемые ругательствами безпокойныхъ, рѣшились оставить Мадритъ и требовали пропуска въ Баіонзину. Великій Герцогъ послалъ къ нимъ своего Адъютанта, съ увѣреніемъ, что имъ не будетъ сдѣлано ничего непріятнаго: толпа народа остановила посланнаго на большой площади; онъ началъ защищаться, но былъ обезоруженъ и могъ бы погибнуть, когда бы отрядъ Французскихъ солдатъ не подоспѣлъ къ нему на помощь. Въ ту самую минуту другой Французскій Офицеръ былъ раненъ столпившимися бунтовщиками. Большая Алькальская улица, площадь передъ воротами Солнца и большой рынокъ покрылись безчисленнымъ множествомъ народа. Великій Герцогъ приказалъ ударить тревогу; баталіонъ гвардіи, бывшій у него на караулѣ, двинулся къ Королевскому Дворцу съ двумя пушками: бунтовщики окружили его со всѣхъ сторонъ — построившись въ боевой порядокъ, солдаты начи-

наютъ стрѣлять двумя шпренгами, пули свистятъ по улицамъ, и вмигъ народная толпа разсыпана. Великій Герцогъ приказываетъ Генералу Груши съ отрядомъ войска идти на большую Алькальскую улицу, куда стеклось болѣе 20,000 народа: тридцать картечныхъ выстрѣловъ изъ пушекъ въ минуту очистили и улицу и смежныя съ нею площади; бунтовщики разбѣжались по домамъ; начали стрѣлять изъ оконъ; бригадные Генералы Гильотъ и Добрей велѣли солдатамъ ломать двери домовъ и не щадить никого, кто попадется съ оружіемъ въ рукахъ. Въ то самое время отдѣленіе возмутившихся ворвалось въ арсеналъ, въ которомъ находилось болѣе 10,000 ружей и 20 пушекъ: Генералъ Бернардино, поспѣшно собравши полкъ свой, велѣлъ солдатамъ примкнуть штыки и скорымъ маршемъ пошелъ къ арсеналу. Бунтовщики не успѣли овладѣть ружьями, сдѣлали два или три пушечныхъ выстрѣла, но были въ минуту вытѣснены и многіе изъ нихъ положены на мѣстѣ. Изъ ближнихъ деревень сбѣжалось множество поселянъ съ кольями и ружьями; но увидя, что возмутившіеся разсѣяны, они побѣжали назадъ, разсыпались по полю; конница поскакала за ними въ погоню, и всѣ тѣ, которые настигнуты были съ оружіемъ въ рукахъ, схвачены или пере-

стрѣляны. Въ семъ дѣйствіи имѣлъ участіе одинъ Французскій гарнизонъ. Полки, стоявшіе лагеремъ за городомъ, услышавъ пушечную пальбу, ударили сборъ и пошли съ примкнутыми штыками къ городу; но возмущеніе прежде ихъ прибытія было уже успокоено; нѣсколько тысячь бунтовщиковъ положено на мѣстѣ; со стороны Французовъ убито 25 человѣкъ и ранено около 50. Правительство немедленно обнародовало повелѣніе, чтобы всѣ граждане Мадрита были обезоружены — оно исполнено безъ всякаго ропота, и Мадритъ снова спокоенъ." — Императоръ Наполеонъ, получивъ извѣстіе о сихъ произшествіяхъ, пошелъ къ Королю Карлу, который въ ту минуту возвратился только отъ Императрицы, приглашавшей его къ себѣ на завтракъ. — „Я это предвидѣлъ, сказалъ Король прочитавъ бумаги: злодѣи, которые пожертвовали спокойствіемъ народа моего для удовлетворенія страстямъ своимъ, сами упали въ ту бездну, которую для другихъ готовили. Онъ тутъ же наименовалъ *Великаго Герцога Бергскаго Генералъ-Поручикомъ Королевства*; патентъ на сіе важное достоинство съ нужными сообщеніями о томъ Кастильскому и Военному Совѣтамъ были немедленно посланы въ Мадритъ съ курьеромъ. Карлъ IV отрѣшилъ отъ Регентства Инфанта Антонія,

какъ слабаго и неспособнаго къ начальству человѣка, и призвавъ къ себѣ Астурійскаго Принца, сказалъ ему: Таковы слѣдствія тѣхъ совѣтовъ, которымъ ты вѣрилъ, и которые заставили тебя не уважать святостію законовъ и пренебречь отца Государя, даннаго тебѣ Отечествомъ. Возмущеніе подобно пожару; не трудно его произвести, но запушить сей пожаръ можетъ одна необыкновенная сила, одна великая опытность: и ты и сообщники твои лишены сихъ нужныхъ пособій.“ — Король Карлъ IV сначала намѣренъ былъ утвердить актомъ свое сложеніе Короны; но Королева настояла въ томъ, чтобы онъ просилъ Наполеона возобновить прежній порядокъ вещей — и Карлъ IV объявилъ уже письменно, что онъ *принужденъ* былъ сойти съ престола для спасенія своего семейства и друга своего *Князя мира*, которому угрожали погибелью. Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ развязки. Принцъ Астурійскій, должно думать, небудетъ уже именоваться Фердинандомъ VII. Но что будетъ Карлъ IV? Не предстоитъ ли Испаніи какая нибудь важная перемѣна? Сохранитъ ли царствующая Фамилія престолъ Испанскій? Сіи вопросы должны рѣшиться скоро. Пребываніе Наполеона въ Байоннѣ вѣроятно причислено будетъ къ важнымъ эпохамъ Исторіи. Князь мира

находится теперь въ Байоннѣ. Императоръ объявилъ себя его покровителемъ. По требованїю его Иммануилъ Годои выпущенъ изъ тюрьмы, и въ сопровожденїи Полковника Марлеса оставилъ Испанїю. Онъ много пострадалъ во время своего заточенїя. При выходѣ изъ тюрьмы имѣлъ онъ длинную бороду, одѣтъ былъ въ рубище, казался разслабленнымъ и убитымъ. Дорогою получилъ онъ письмо отъ Короля и Королевы: говорятъ, что оно орошено было слезами Карла IV. Князь мира прочитавъ его, заплакалъ и сказалъ: вотъ первое утѣшительное чувство послѣ моего нещастїя! Цѣлый мїръ покинулъ меня, одинъ Монархъ мой остался мнѣ вѣренъ. Неблагодарные! ни одинъ изъ нихъ, осыпанныхъ моими благодѣянїями, не имѣлъ духу сказать за меня слово: они продали своего Короля, они продадутъ и Принца Астурїйскаго. Теперь единственное мое желанїе, оставить отечество и жить вмѣстѣ съ дѣтьми моими простымъ гражданиномъ во Францїи!"

Люцїанъ Бонапарте живетъ во Флоренцїи, подъ именемъ Генерала Бульи — во всей Тосканѣ декретомъ Наполеона уничтожены Феодальные титулы и привиллегїи — Анкона будетъ причислена къ Италїянскому Королевству — Генералъ

Мармонъ наименованъ Герцогомъ Рагузскимъ. —

Вспомогательное войско, обѣщанное Англичанами Шведскому Королю, прошло 4 Мая черезъ Зундъ на 40 перевозныхъ судахъ. — По извѣстіямъ изъ Норвегіи, Датская флотилія, находящаяся у береговъ ея, имѣла сраженіе съ Шведскимъ гребнымъ флотомъ близъ Штремштада: выигрышъ остался на сторонѣ Даніи.

Жители острова Мадеры присягнули въ вѣрности Королю Великобританскому. — Увѣряютъ, что Сиръ Сидней Шмитъ отправился съ сильнымъ флотомъ въ сѣверную Америку и долженъ овладѣть Мексикою. — Путешественникъ Мунго-Паркъ погибъ во внутренности Африки; Парламентъ подарилъ вдовѣ его 3,200 фунтовъ стерлинговъ.

1 *Іюня.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ІЮНЬ, 1808.

No 12.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Мунго - Паркъ.

Путешествіе Мунго-Парка писано простымъ и пріятнымъ слогомъ — Авторъ не хочетъ прельщать, онъ любитъ одну истину, представляетъ ее безъ всякаго украшенія, думая болѣе о вещи, которую описываетъ, нежели о наружномъ ея убранствѣ; онъ хочетъ занимать читателя не собою, но тѣмъ предметомъ, которымъ занимается самъ, который для него самаго кажется привлекательнымъ. Читая это любопытное Путешествіе, нигдѣ не замѣчаешь Автора — онъ въ сторонѣ: характеръ его есть простодушіе, скромность, а болѣе всего постоянство и терпѣніе. И Вальянъ путешествовалъ по внутренней Африкѣ; надобно признаться, что всѣ его описанія плѣнительны — но какая

разница между имъ и тихимъ, простосердечнымъ Мунго-Паркомъ! И тотъ и другой подвержены были разнообразнымъ опасностямъ; но Вальянъ, окруженный своими Неграми, путешествуетъ какъ предводитель маленькаго войска: онъ Царь своей небольшой колоніи; онъ имѣетъ подлѣ себя вѣрнаго друга; мирные народы, которыхъ онъ посѣщаетъ, даютъ ему отъ добраго сердца молоко и мясо; вездѣ находитъ онъ гостепріимство и помощь — но Мунго-Паркъ? Онъ одинъ, обремененный нуждою, безоружный, въ необъятной пустынѣ, среди народовъ жестокихъ и суевѣрныхъ: всякую минуту угрожаетъ ему погибель ужасная; и не смотря на то, онъ спокоенъ въ душѣ своей; никогда не слышите вы его роптанія; онъ преданъ Провидѣнію во глубинѣ сердца; описывая судьбу свою, онъ говоритъ о себѣ, какъ будто о человѣкѣ *постороннемъ*, ни мало не занимаясь красивымъ изображеніемъ своего чувства; имѣя безпрестанно передъ глазами важную свою цѣль, онъ забываетъ самаго себя, и только тогда печалится, когда неожиданное препятствіе отдаляетъ его нѣсколько отъ сей цѣли. Посмотрите на него въ ту минуту, когда онъ въ первый разъ приходитъ на берегъ Нигера: какое торжество, какое восхищеніе! „Мы шли болотомъ, говоритъ онъ, вдругъ одинъ изъ проводни-

ковъ моихъ воскликнулъ: *Гео Аффили! смотрите, вода! вода!* Я оглянулся: величественный Нигеръ, широкій, какъ Темза передъ Вестминстеромъ, Нигеръ, предметъ моего странствія, представился глазамъ моимъ озаренный блистаніемъ утренняго солнца и медленно текущій къ востоку: я бросился къ берегу, съ восторгомъ напился воды, и пламенная моя благодарность къ Великому Правителю вселенной, Который невидимо сохранилъ меня среди опасностей и наконецъ привелъ невредима къ желанной цѣли, излилась изъ души моей въ теплыхъ молитвахъ."

Мунго-Паркъ есть добрый, простодушный, прямой человѣкъ, котораго чувства живы, но стремятся изъ сердца безъ всякаго риторскаго украшенія. Съ какою радостію замѣчаетъ онъ каждую черту человѣколюбія въ самыхъ жестокихъ Маврахъ! и какъ легко забываетъ онъ собственное нещастіе при видѣ страданій подобнаго ему творенія! Маленькой Негръ, пастухъ, раненъ смертельно копьемъ разбойника; его приносятъ въ ту деревню, въ которой Мунго-Паркъ, усталый отъ труднаго путешествія, отдыхалъ на воловьей кожѣ у воротъ своей хижины. Мать раненаго съ ужасными воплями бѣжитъ на встрѣчу къ своему сыну, ломаетъ руки, бьетъ себя въ грудь, вы-

числяетъ всѣ добрыя качества своего милаго младенца: никогда, никогда не говорилъ онъ неправды, повторяетъ она, обливаясь слезами. Мунго-Паркъ старается ее утѣшить, осматриваетъ раны мальчика; находитъ, что онѣ опасны, что надобно отнять ему скорѣе ногу; — это предложеніе отвергнуто, и Мунго-Паркъ, въ слезахъ, съ сокрушеннымъ сердцемъ, уходитъ въ свою хижину. Мальчикъ умираетъ того же вечера.

Онъ пробылъ девять дней въ Вондѣ, страдая жестокою, даже опасною лихорадкою — не смотря на то, проводилъ онъ цѣлые дни во ржи, не желая, чтобы хозяинъ, которому боялся онъ быть въ тягость, замѣтилъ его мученіе, и въ то же время собственная горесть не воспрепятствовала ему принять живѣйшаго участія въ судьбѣ одной матери, которая ужасною крайностію принуждена была продать своего сына за нѣсколько мѣрокъ хлѣба. „Боже милостивый! восклицаетъ онъ, что должна вынести мать, прежде нежели рѣшится она продать своего младенца! Это печальное зрѣлище долго терзало мою душу; я долго не могъ забыть той горькой, безмолвной, отчаянной задумчивости, съ какою эта нещастная смотрѣла на свое дитя въ минуту разлуки.“

Онъ тронутъ до слезъ гостепріимствомъ одной добросердечной Нигритянки, которая даетъ ему пристанище въ своей хижинѣ, разстилаетъ предъ нимъ цыновку, приноситъ ему сухой рыбы; между тѣмъ нѣсколько молодыхъ женщинъ поютъ пѣсню, сочиненную ими на *нещастіе бѣднаго, бездомна о старика.* Въ знакъ благодарности Мунго-Паркъ отдаетъ ей благодѣтельницѣ двѣ стальныя пуговицы — послѣднія, оставшіяся у него на камзолѣ.

Не льзя не чувствовать душевнаго уваженія къ Мунго-Парку, когда онъ обнаруживаетъ свою вѣру къ Создателю; когда онъ въ самыхъ ужасныхъ положеніяхъ жизни является непоколебимымъ въ надеждѣ на милость Всевидящаго Промысла. Можно ли не быть разтроганнымъ во глубинѣ души, можно ли не воскликнуть: почтенный, добрый, великодушный Мунго-Паркъ! когда читаешь то мѣсто, гдѣ онъ описываетъ себя, ограбленнаго разбойниками, оставленнаго ими нагимъ, безоружнымъ въ глухомъ лѣсу, въ странѣ, ему неизвѣстной? „Они ушли, говоритъ онъ; я долго сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, горестный, неподвижный, осматривался съ ужасомъ — отвсюду глазамъ моимъ представлялась грозная, неизмѣримая пустыня; вдали ожидали

меня однѣ опасности, однѣ препятствія непобѣдимыя. Одинокій, безоружный, отвсюду окруженный дикими звѣрями и звѣрскими людьми, въ 500 миляхъ отъ самой ближней колоніи Европейцевъ, я долженъ былъ скитаться въ непроходимой степи, во время самыхъ сильныхъ періодическихъ дождей Африканскихъ, не зная дороги, не имѣя ни хлѣба, ни денегъ. Всѣ сіи обстоятельства представились вмѣстѣ моему разсудку; мужество мое начинало колебаться: я мыслилъ, что все для меня кончилось, что болѣе ничего не оставалось мнѣ, какъ броситься на землю и ждать смерти — но вѣра возстановила упадающую мою душу. Никакая человѣческая проницательность, подумалъ я, никакая осторожность не отвратили бы отъ тебя твоего жребія. Ты странникъ, въ землѣ чужой, но развѣ не видятъ тебя сохраняющія очи Провидѣнія, Которое всегда именовало Себя другомъ безпокровнаго странника? Въ эту минуту замѣтилъ я маленькой мохъ, котораго необыкновенная красота какою-то сверхъестественною, непонятною для меня силою, не смотря на горестное мое положеніе, очаровала мои взоры. Упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ для того, чтобъ показать, какъ иногда самая маловажная вещь можетъ быть источникомъ утѣшенія и бодрости.

Это растенїе принадлежало къ самымъ мѣлкимъ; но я не могъ безъ удивленїя разсматривать его листковъ, кореньевъ, сѣмянной оболочки. Повѣрю ли, подумалъ я, чтобъ Существо, которое въ пустынной и невѣдомой части мїра образовало съ такимъ совершенствомъ маленькое, почти незамѣтное для простаго глаза растенїе, смотрѣло съ невниманїемъ на бытїе и мученїя твари, называющей себя Его подобїемъ? Ахъ, нѣтъ! Я ободрился, всталъ, пошелъ впередъ, презирая и голодъ и усталость; я вѣрилъ, что спасенїе было близко — и вѣра моя меня не обманула." —

Мунго-Паркъ, въ опасныхъ обстоятельствахъ, не имѣетъ такой оборотливости, не можетъ такъ пользоваться своимъ краснорѣчїемъ, какъ Вальянъ: душа его пренебрегаетъ обыкновенныя земныя оружїя; она преисполнена довѣренности къ Небу, она покорна и безропотна въ своихъ страданїяхъ; нещастїя всегда устремляютъ ее къ Вѣчному Промыслу.

Сравнивая Мунго-Парка съ Вальяномъ, находимъ въ послѣднемъ и умъ и характеръ Француза, представляющагося съ самой любезнѣйшей стороны своей. Мунго-Паркъ есть истинный Англичанинъ, *благородный*, какъ многїе изъ соотечественниковъ его, и *скромный*, какъ весьма немно-

гіе. Вальянъ плѣнительнымъ разсказомъ обворожаетъ читателя: за него не боишься; знаешь, что съ нимъ ничто, никогда не случается; что онъ показываетъ свою опасность только для того, чтобъ послѣ сильнѣе поразить прекраснымъ описаніемъ мѣста, растенія, птицы. Напротивъ Мунго-Парковы нещастія возбуждаютъ въ васъ постоянное и самое нѣжное чувство состраданія; твердость его возвышаетъ вашу душу; никогда не можете объ немъ подумать, не пожелавъ прижать его къ своему сердцу. И тотъ и другой любезны: но Вальянъ иногда смѣшитъ своею суетностію, а Мунго-Паркъ всегда одинаково достоинъ вашего уваженія: вы съ трепетомъ слѣдуете за нимъ по Африканскимъ степямъ; вы удивляешесь, видя его въ борьбѣ съ опасностями, всегда спокойнаго, всегда неизмѣняемаго въ своемъ характерѣ (*).

(*Съ Нѣмецкаго.*)

(*) Мы слышали, что Мунго-Парково Путешествіе переведено на Руской языкъ, и печатается: эта книга достойна вниманія нашихъ читателей! *Ж.*

II.

Договоръ.

Чтожь дѣлать, милый другъ, люблю,
люблю тебя!
Я сталъ совсѣмъ иной, не узнаю себя!
Готовлюсь все открыть — но взглянешь . . .
содрогаюсь!
Одинъ въ безмолвіи задумавшись скитаюсь!
Грущу, гдѣ нѣтъ тебя, ночь въ скукѣ про-
вожу;
Въ мечтаніяхъ души тебя воображаю;
И естьли иногда сонъ сладкой нахожу,
И въ немъ еще тебя, тебя же я встрѣчаю!

Прилично ль это мнѣ? — Ахъ, нѣтъ!
минулъ ужь вѣкъ
Любовныхъ замысловъ, щастливыхъ заблуж-
деній!
Вторый десятокъ мой протекъ!
Изчезли призраки сердечныхъ возхищеній!
Изчезли — мнѣ ль тебя любить?
Разсудокъ не велитъ съ Амурами шутить:
Рѣзвясь съ мальчишками, въ мальчишки по-
падаешь.
Всё правда! . . . Но вчера . . . ты знаешь! . . .
Могу ли позабыть твой нѣжный разговоръ?
Ты рѣзвостью мила? Но вздохъ, но страс-
тной взоръ,
Но что задумчивость твоя мнѣ обѣщаютъ?
Признаться ли тебѣ? ужь люди примѣчаютъ,

Что ты не такъ рѣзва, безпечна — и меня
Безмолвно слушаешь! — Вчера рука твоя
Мою не покидала;
Она въ моей рукѣ пылала, трепетала!
И пламенной твой взоръ стремился.... на кого?
Кого искалъ? Меня, меня лишь одного!
Я видѣлъ всё — такъ, я любимъ тобою!
Увѣренъ, милой другъ, увѣренъ, что любимъ:
Чье въ мірѣ щастіе сравняется съ моимъ?

Теперь заранѣе намъ должно межь собою
Согласно начертать сердечный договоръ;
Мы тѣмъ предупредимъ семейственный раздоръ,
Неудовольствія, причудливые споры.
Вотъ *первая* статья:
Мы будемъ жить одни, глазъ на глазъ, ты да я.
Здѣсь тьма насмѣшниковъ, которыхъ злые взоры
Во всемъ находятъ зло! Ехидныхъ языковъ
Я право не боюсь! Но модныхъ болтуновъ,
Кудрявыхъ волокитъ, съ лорнетами, сѣочками,
Какъ можно принимать? Признаться, между нами,
Что ихъ ни дружба, ни любовь,
Ни посѣщенія, не могутъ быть пріятны;
И что за щастіе имѣть собранья знатны,
Тьму обожателей, въ шуму ихъ обитать,
Безумно умствовать, безъ толку толковать?

Какъ можно мирную любовниковъ обитель
Въ нарядный маскерадъ шутовъ перемѣнить?
Нѣтъ, нѣтъ, мой милый другъ! я моды не любитель,
Я волокитовъ врагъ! — Возможно ли сносить
Мучительны слова, и въ дружбѣ увѣренье
Безпутныхъ вѣтреницъ? — Имѣешь позволенье
Разъ въ мѣсяцъ . . . . два раза . . . . принять и угостить
Добросердечнаго степеннаго сосѣда,
Шестидесяти лѣтъ — его мила бесѣда:
Онъ другъ премудрости, разврата первой врагъ! . . . . .
И такъ мой сдѣланъ первой шагъ,
И первая статья написана! *Вторая*:
Театровъ никогда тебѣ не посѣщать;
Но въ этомъ, кажется, и жертва не большая!
И намъ ли время убивать,
За дымомъ радостей стремиться?
Мигъ дорогъ для любви! О другъ мой, милой другъ!
Минута праздная чемъ можетъ наградиться?
И что же видимъ мы въ театрахъ? Малый кругъ
Разумныхъ критиковъ! другіе всѣ — зѣваки,
Глупцы, насмѣшники, невѣжды, вертопрахи!
Открылся занавѣсъ — неистовый Герой,
Крича въ стихахъ *умри!* съ отчаяньемъ жеманнымъ,
Дрожащую Княжну *дрожащею* рукой
Ударитъ не впопадъ кинжаломъ деревяннымъ;
Иль громкимъ голосомъ провозглася *увы*,

Безъ слезъ расплачется — въ блаженнѣйшей любви,
Клянетъ себя и жизнь, на сценѣ умираетъ. . . .
И ужинать домой съ Княжною уѣзжаетъ.
Комедія тебя, ты скажешь, веселитъ?
Чему учиться въ ней? Лукавствовать, смѣяться
Надъ добрыми людьми? Но можно ль забавляться
Нещастіемъ другихъ? Тамъ старичокъ смѣшитъ,
Что поздо полюбилъ! — Ахъ, кто повелѣваетъ
Волненіемъ страстей? — Тамъ мужа наряжаетъ
Причоской модною прелестная жена;
И мужъ Амфитріонъ — насмѣшка не одна
На счетъ любовниковъ бываетъ!
Что здѣсь пріятнаго? Къ томужь не вижуль я
И здѣсь соборища *слѣпцовъ немилосердыхъ*,
Которыхъ такъ боюсь? Они найдутъ меня,
Найдутъ, я чувствую — нѣтъ мѣстъ для нихъ священныхъ!
Ахъ! вотъ они! шумятъ! ужь въ ложѣ! Боже мой!
Дадутъ ли гдѣ нибудь мнѣ бѣдному покой?
Увы! тѣснятъ меня, толкаютъ съ извиненьемъ,
А я въ углу стою . . . лукавыя слова
Ихъ слушать осужденъ, съ досадой, съ нетерпѣньемъ! . . .
Молчу — что дѣлать мнѣ? — Супружнія права

Теряютъ дѣйствіе въ собраньяхъ многолюд-
ныхъ.
Но кончился театръ, и мы идемъ съ толпой
Къ подъѣзду — Ахъ! и тутъ, и тутъ гонимъ судьбой,
И тутъ я притѣсненъ толпою безразсудныхъ,
Несносныхъ волокитъ! — За нами вслѣдъ летятъ,
Усердствуютъ тебѣ и руку предлагаютъ.
Возможно ль отказать? Учтивость, говорятъ,
Отказамъ первый врагъ. — Глаза мои теряютъ
Тебя среди толпы, и я одинъ брожу! . . .
Нѣтъ, именемъ любви, мой другъ, тебя прошу:
Забудь навѣкъ театръ, любви моей опасной!
„Готова!“ — Далѣе! танцуешь ты прекрасно;
Я знаю — но тебѣ на балахъ не бывать.
Какъ? Будешь для другихъ такъ мило наряжаться?
Съ намѣреньемъ приготовляться,
Чтобъ нравиться другимъ, прельщать, обворожать?
Чтобъ шумною толпой влюбленныхъ окружаясь,
Въ чаду кадильницъ забываясь,
Изъ жалости одной взоръ бросить на того,
Кто болѣе другихъ пылаетъ, и кого
Ты не нарядами, не блескомъ возхищаешь,
Но сердцемъ, но умомъ, но чувствами плѣняешь.
Ужь танцы начались . . . на вальсъ тебя просить
Подходитъ Адонисъ — онъ съ видомъ боязливымъ,

Бродящимъ взоромъ, торопливымъ
Искалъ прекрасную — и взоръ остановить
Былъ долженъ на тебѣ — и кто не восхи-
тится,
Увидѣвши тебя? — Ужь онъ съ тобой вер-
тится,
Рукою окружа твой тонкой, стройной станъ,
Летаетъ — до полу изъ милости касаясь!
И ты въ его рукахъ! А я? . . . я, разрываясь,
Сижу въ углу одинъ, кляну себя! Въ обманъ
Попался! думалъ быть съ тобою неразлученъ!
Ждалъ удовольствія! теперь несносенъ, ску-
ченъ!
Въ отчаяньи, взбѣшенъ! . . . . Ты, милая,
бѣжишь
Немного отдохнуть — садишься и едва ды-
ханье переводишь;
Трепещетъ грудь твоя . . . — Но ты опять
находишь
Пріятность танцовать! опять на вальсъ спѣ-
шишь,
Опять, опять меня въ смущеніе приводишь
Воздушной легкостью своей! . . .
Нѣтъ, балы позабудь! — Я въ ревности своей
Кажусь взыскателенъ? Чтожь дѣлать, другъ
мой милой!
Могу ли быть тебѣ несносенъ отъ того?
Ахъ, кто причиною? Я сердца моего
Перемѣню ли страсть? Какою силой
Дамъ чувства новыя ему?
Ты скажешь, я тебя на скуку осуждаю,

Изъ дома дѣлаю тюрьму,
Столицу въ монастырь глухой перемѣняю...
Ахъ, нѣтъ! я самъ хочу, чтобъ всюду за тобой
Утѣхи, радости стремилися толпой;
Но я покоя другъ, но скромность обожаю,
И для того тебя въ деревню призываю!
Огромны зданія ненужны намъ съ тобой!
Чертогъ, украшенный искусною рукой,
Очаровательный, чудесный,
Не столь мнѣ нравится, какъ сельскій домикъ, тѣсный,
Но свѣтлой и простой — я тѣсноту люблю;
Боюсь далеко жить отъ той, съ кѣмъ жизнь дѣлю!
Въ одной же горницѣ — кто шепчетъ, кто вздыхаетъ,
Кто стукнетъ, заскрыпитъ, на цыпочкахъ ступаетъ...
Я вижу, слышу, знаю все,
И сердце отъ того спокойнѣе мое!
Чего еще желать блаженства къ дополненью?
Во вкусѣ Англійскомъ, простомъ,
Я рощу насажу — она окружитъ домъ,
Пустыню оживитъ, дастъ пищу размышленью;
Вдоль рощи побѣжитъ струистый ручеёкъ:
Тамъ ивы гибкія бесѣдкою сплетутся,
Березы надъ скамьей развѣсившись нагнутся!
Тамъ мшистый, мрачный гротъ! тамъ свѣтленькой лужокъ!

Здѣсь скромный огородъ принудитъ насъ заняться,
И непорочностью занятій восхищаться!
Мы будемъ щастливы Природой и собой!
Глазъ скоро обойдетъ пустынниковъ владѣнья;
Но ограничимъ въ нихъ всѣ наши наслажденья:
Ахъ! удовольствіе, блаженство и покой
Обширности бѣгутъ, довольны тѣснотой!
Дрожья, творящи забавъ моихъ смиренныхъ
Кто будутъ? Жители села, съ простымъ умомъ;
Умъ стоитъ остроты; въ невѣжествѣ своемъ —
Они почтеньѣе людей высокомѣрныхъ,
Которыхъ называть опасно — замолчу.
И такъ съ тобою я въ деревню полечу,
Забывши свѣтскія печальныя забавы,
И общежитіе, и модные уставы! —
О сколько радостей насъ ожидаетъ тамъ!
Скитаться будешь ты по рощамъ, по горамъ,
Куда глаза глядятъ — но только всё со мною,
Не разлучаяся, рука съ рукою!
Найдемъ прекрасный видъ? Плѣняясь въ сердцѣ имъ,
Присядемъ на часокъ, и взоръ свой усладимъ,
И сердце нѣжными наполнимся мечтами....
Но вечеренъ день, ужь солнце за горами,
Синѣетъ дальный лѣсъ — мы тихою стопой
Идемъ, задумавшись, съ разтроганной душой,
Спокойны, щастливы — деревню переходимъ,
Но мимо хижины убогой не проходимъ!
Тамъ бѣдность, милый другъ, и скорбь,
и гладъ найдешь!

Смотри, какъ блѣдна мать съ дѣтьми къ
тебѣ тѣснится!
Ты всѣхъ нещастныхъ другъ, ты помощь
имъ даешь,
И нѣжная слеза изъ глазъ твоихъ катится!
Такъ всякую семью ты щастіемъ даришь:
Тамъ Ваню добраго на Лизанькѣ женишь;
Тамъ старца дряхлаго ты лѣта уважаешь;
Почетную скамью на свадьбѣ уступаешь,
И болѣ чтобъ меня въ душѣ обворожить,
Ты всѣмъ, мой другъ, велишь себя бого-
творить!
Такъ въ радостяхъ любви мы дней не замѣ-
чаемъ!
Такъ жизнь летящую въ блаженство обра-
щаемъ!

Ратификаціи трактата моего
Я съ нетерпѣньемъ жду! Коль друга своего
Ты любишь, подпиши статьи первоначальны.
Доволенъ будетъ онъ! — Со временемъ для
насъ
Осенни вечера, мечты, прогулки дальны,
Откроютъ новыя! Придетъ блаженный часъ,
Какъ *скрытыя* статьи явятся *на показъ*.

Да . . . . съ.

III.

Кто истинно добрый и щастливый человѣкъ?

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнїю, есть прямо добрый, и слѣдовательно прямо щастливый человѣкъ.

Свѣтъ называютъ театромъ — всякой человѣкъ, въ одно время, и дѣйствующїй и зритель. Актеры стараются блеснуть искуствомъ; зрители восклицаютъ: великїй умъ! чудесное дарованїе! Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ прїобрѣсть благородное названїе *добрый*, чтобы имѣть право именоваться *щастливымъ*.

Ты съ честїю служишь Отечеству; Судья справедливый — всѣ приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный Полководецъ — никто не видалъ, чтобы ты блѣднѣлъ въ виду непрїятеля, чтобы терялъ присутствїе духа въ минуту неуспѣха или замѣшательства. Въ обществѣ называютъ тебя прїятнымъ, ласковымъ, забавнымъ: не льзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все окружающее тебя оживлено твоимъ остроумїемъ, твоими словами, взглядами,

усмѣшками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ! Скажу ли: добрый и щастливый?

Нѣтъ! я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту *представленія*, въ минуту *торжества*; прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе хранитель твоихъ добродѣтелей; быть мож-тъ, источникъ ихъ единое твое честолюбіе. Хочу ли узнать совершенно твой характеръ — я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Семейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ — всѣ призраки изчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ, слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него нестрашныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ; не слышитъ рукоплесканій; онъ можетъ наслаждаться единымъ скромнымъ, для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и неотъемлемымъ щастіемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимственные покровы; свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самаго себя,

не даетъ отчета; и естьли я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ, въ тѣсномъ кругу любезныхъ; когда приходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ; когда, возвращаясь изъ путешествія, приноситъ онъ въ домъ свой новую жизнь, новую дѣятельность, новое щастіе; когда замѣчаю окрестъ его порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь — тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ щастливъ!

Великіе подвиги, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, бываютъ не рѣдко однимъ чрезвычайнымъ *усиліемъ*. Не рѣдко человѣкъ, котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ, котораго пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводятъ насъ въ изумленіе, бываетъ задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ, гдѣ онъ свободенъ, гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго *возбужденія*; гдѣ все почерпается во внутренности души, гдѣ можешь быть веселъ только тогда, когда твое сердце наполнено чистыми, живыми, неизмѣняющимися ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть щастливымъ есть наслаждаться самимъ собою — гдѣ же сїе щастїе, какъ не въ семействѣ? и что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, *доброе* сердце? Человѣкъ-гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими покупаетъ у него почести и отличїя; но *добрый* получаетъ сїи отличїя и почести наряду съ *недостойнымъ*, имѣющимъ одинакое съ нимъ искуство, дѣятельность, скажу — дарованїе. Въ чемъ же его преимущество, собственное, ни съ кѣмъ нераздѣляемое? Въ щастїи добраго сердца, въ тѣхъ наслажденїяхъ, которыя вкушаетъ онъ въ кругу семейственномъ — плодъ, заповѣданный для порочнаго.

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношенїи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованїемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей, любопытныхъ и строгихъ. Честолюбїе замѣнитъ для тебя внутреннюю доброту; и та и другая причины произведутъ одинакое *видимое* дѣйствїе. Но быть хорошимъ семьяниномъ, въ полномъ значенїи сего слова — добрымъ супругомъ, отцемъ, покровителемъ своихъ домашнихъ — говорю безъ изключенїя, не льзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго

сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять, въ маломъ видѣ, всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ; но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь никакое ложное достоинство не можетъ увѣнчано быть ложною наградою; здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ, и вотъ причина того печальнаго отдаленія, въ которомъ многіе, такъ называемые *щастливцы* міра, живутъ отъ тихаго, уединеннаго семейственнаго круга; они боятся вступить въ сіе священное общество! Что принесутъ они въ него съ собою? Мертвое, или испорченное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, непостоянное въ кругу удовольствій, однообразныхъ, но всегда сладостныхъ для души ясной, веселой и доброй!

Ты ищешь вѣрнаго щастія? Почитай *обязанностію* быть дѣятельнымъ для пользы Отечества; но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства: естьли душа твоя невинна, естьли пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное ща-

стіе' Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самаго себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? Гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ, согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда еще его не имѣешь: образуй для него свою душу; помни, что оно существуетъ для одного невиннаго, благороднаго, исполненнаго высокими чувствами сердца; благодѣтельная, животворящая мечта о немъ да будетъ сопутницею твоихъ юношескихъ лѣтъ! — Совершенствуя себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: плѣнишься ли блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ чистыя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которыя неразлучны съ семейственною жизнію? И естьли твой выборъ уже сдѣланъ, естьли душа твоя замѣтила существо, для нее необходимое: то окружи себя его воспоминаніемъ; воспоминаніе объ немъ будетъ твоею добродѣтелію, твоею совѣстію! — Такъ, естьли Провидѣніе опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ, рѣдкимъ — но рѣдкимъ потому, что рѣдки сіи люди, которые полагали бы

въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, которые минутнаго, живѣйшаго наслажденія, или невѣрной и блистательнѣйшей выгоды, не предпочли бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣтелями щастію — естьли Провидѣніе, говорю, опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ, то смѣло можешь присвоить себѣ титулъ *щастливца*; ты возвратишь сему титлу его утраченное достоинство: на языкѣ твоемъ *щастіе* будетъ знаменовать *добродѣтель, наслажденіе самимъ собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.*

Какое зрѣлище, возвышающее душу, представляетъ намъ добрый семьянинъ — *истинно добрый и щастливый человѣкъ!* Войдите въ его домъ, веселый, скромный, гдѣ царствуетъ опрятность и чистота — при первомъ шагѣ не окружаетъ ли васъ какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарованіе? не чувствуете ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія, того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе щастія? Вы видите передъ собою довольныя лица; плѣняетесь окружающимъ васъ порядкомъ: здѣсь время пролетаетъ быстро, для каждой минуты есть собственное, необходимое занятіе; ми-

нуты *отдѣльнаго* труда приготовляютъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ *общаго* удовольствія, и всякой трудъ приноситъ съ собою свою награду. Послѣдуйте за добрымъ семьяниномъ — и въ свѣтъ, гдѣ исполняетъ онъ обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ онъ представляется вамъ супругомъ, отцемъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ онъ остается одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ онъ ожидаетъ конца, спокойный, увѣренный въ бытіи Божества, неотрицаемаго для сердца, насладившагося истиннымъ щастіемъ, уповающій на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, испытавшаго прямую любовь — вездѣ найдете вы его одинакимъ. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ его щастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ, для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, онъ соединенъ съ своими любезными нѣжнымъ, никогда непокидающимъ его сердца о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранитъ его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочностію своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклоняться отъ зла, когда

онъ долженъ приходить невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоцѣнное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который, вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою, стремится къ одной и той же цѣли — къ щастїю, основанному на совершенствѣ моральномъ который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ; котораго довольный, одобряющїй взоръ есть самая утѣшительная для него награда. Но всѣ обязанности, всѣ удовольствїя свѣта почитаетъ онъ только *посторонними*: главная дѣятельность его внутри семейства — мирная, щастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ нее унылость и скуку, возвышаетъ ее, усиливаетъ, изцѣляетъ. Онъ веселъ, онъ спокоенъ, среди порядка и тишины, которыя окрестъ его царствуютъ. Перенеситесь мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ понятїи своемъ о жизни, согласныхъ въ выборѣ способовъ ею наслаждаться — здѣсь минуты заботъ не имѣютъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда трудимся для однихъ себя: они услаждаются трогательнымъ воспоминанїемъ о существахъ намъ любезныхъ, которымъ посвятили мы всю свою жизнь; здѣсь всякое благородное чувство души становится живѣе, возвышеннѣе,

непорочнѣе — *благотворительность* награждается неоднимъ тайнымъ одобренїемъ сердца, но вмѣстѣ и нѣжнымъ участїемъ милаго существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сопутствуетъ тебѣ въ хижину печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствїи Промысла: ты видишь передъ собою Его посланника въ своемъ товарищѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство; — что можетъ быть трогательнѣе и пламеннѣе *молитвы*, произносимой въ присутствїи милой супруги, вмѣстѣ съ нею, въ полнотѣ своего щастїя? Для кого можетъ быть ощутительнѣе Провидѣнїе, для кого легче любить своего Создателя, какъ не для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоцѣннѣйшими залогами Ихъ милосердїя? Молитва одинокаго человѣка есть *требованїе*; молитва семьянина есть *благодарность*.

Но представляя себѣ щастїе, должно воображать и горестныя потери. Супругъ не рѣдко, и слишкомъ рано, лишается супруги; отецъ переживаетъ дѣтей — утраты незамѣняемыя, ибо онѣ разрушаютъ главное щастїе жизни, къ которому относили мы всякое другое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминанїе? Развѣ тому, кто

наслаждался настоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ! ты жилъ вмѣстѣ съ ними! ты радостно летѣлъ къ своей цѣли, окруженный милыми спутниками; Спутники твои изчезли... но ты самъ не измѣнился; поприще твое опустѣло... но оно все тоже, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи; стремись къ ней, окруженный знакомыми, дружественными тѣнями! Кто разъ насладился семейственными радостями, тотъ никогда, никогда не узнаетъ уже одиночества: горесть будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію! Ж.

IV.

Густавъ Обинье.

Мнѣ минуло двадцать лѣтъ, когда я возвратился, вмѣстѣ съ батюшкою, въ Парижъ, обѣздивъ большую часть Европы. Наше путешествіе продолжалось три года; мы вели чрезвычайно дѣятельную жизнь, которая сначала мнѣ нравилась, потомъ наскучила: сердцу моему нужна была привязанность; безпрестанныя перемѣны, которыя слѣдовали быстро одна

за другою, производили въ немъ какую-то усталость. Наконецъ мы на мѣстѣ! сказалъ я подъѣзжая къ Парижу, мы дома! странническая жизнь моя миновалась!

На другой день, послѣ нашего пріѣзда, батюшка познакомилъ меня съ нѣкоторыми изъ моихъ родственниковъ, о которыхъ прежде, не знаю почему, говорилъ онъ со мною очень мало. Меня приняли съ отмѣннымъ вниманіемъ; казалось, что ожидали отъ меня гораздо болѣе, нежели отъ другихъ молодыхъ людей: въ самомъ дѣлѣ, сынъ Графа Обиньe, который, для пользы воспитанника своего, отказался отъ свѣта, заключилъ себя на пятнадцать лѣтъ въ деревню, и наконецъ, вмѣстѣ съ нимъ, опять являлся на сценѣ свѣта, имъ забытаго, надлежало быть чудомъ: отцы и дѣти смотрѣли на меня съ коварнымъ любопытствомъ. Батюшка представилъ меня Герцогинѣ Дестутвиль. Я не люблю этой женщины, сказалъ онъ; но по своей знатности, своему богатству и уму, она занимаетъ въ обществѣ первое мѣсто: ея одобреніе необходимо для молодаго человѣка, вступающаго въ свѣтъ. Я долго не могъ рѣшиться, знакомить ли тебя съ нею, или нѣтъ; но свѣтскіе люди имѣли бы право назвать меня страннымъ, когда бы я не открылъ

тебѣ дороги въ такой домъ, въ которомъ собирается лучшее общество. И такъ поѣдемъ къ Герцогинѣ. Ты можешь, естьли захочешь, посѣщать ее часто. Что же касается до меня, прибавилъ онъ со вздохомъ, то наши свиданія съ нею конечно будутъ рѣдки.

Батюшка, важный характеромъ и наружностію, никогда не казался мнѣ печальнымъ, и никогда еще не слыхалъ я его вздоха. Эта обязанность знакомить меня съ такою женщиною, которой онъ не любилъ, этотъ первый поступокъ, противный его желанію, признаюсь, нѣсколько уменьшили въ глазахъ моихъ его превосходство, и увеличили достоинство Герцогини Дестутвиль. Она приняла батюшку съ холодною учтивостію, которая чрезвычайно меня удивила; но посмотрѣвъ на меня, она улыбнулась съ какимъ-то нѣжнымъ унынїемъ, и сказала сидѣвшей подлѣ нее женщинѣ: *какъ онъ похожъ на свою мать!* Во взорѣ ея, на меня устремленномъ, была изображена трогательная, сердечная ласка, близкая къ тому чувству, съ какимъ добрая мать смотритъ на своего сына, возвратившагося изъ дальняго путешествія; она какъ будто искала въ чертахъ моихъ знакомаго, милаго образа: смотря на меня, она возобновляла въ душѣ своей про-

шедшее; по лицу ея разливалось тихое уныніе.

Сходство, поразившее Герцогиню, напомнило мнѣ, что я никогда еще не видалъ портрета матушки: мнѣ извѣстно было, что она скончалась въ самую почти минуту моего рожденія; не знавъ ее въ лице, я очень рѣдко объ ней думалъ. Но батюшка? Не уже ли воспоминаніе о миломъ человѣкѣ не могло быть для него любезно? — Герцогиня разговаривала со мною о моихъ путешествіяхъ: я отвѣчалъ ей съ нѣкоторою застѣнчивостію, которую, казалось, замѣтила она съ удовольствіемъ; по крайней мѣрѣ она слушала меня весьма благосклонно. Я самъ не понималъ, что происходило въ моемъ сердцѣ; видя ее въ первой разъ, я чувствовалъ, что она мнѣ знакома и очень близко. Батюшка взялъ шляпу, готовясь ѣхать. Герцогиня встала, подошла къ нему, начала говорить обо мнѣ, хвалила мою наружность, мое обхожденіе; наконецъ сказала, что слухъ о прекрасномъ воспитаніи, которое далъ мнѣ батюшка, заранѣ разположилъ умы въ мою пользу; что въ полгода, естьли буду вести себя осторожно, могу навсегда утвердить хорошее мнѣніе обо мнѣ въ свѣтѣ. На лицѣ батюшки, до того времени важномъ и нѣсколько суровомъ, изобразилось удоволь-

ствіе; онъ просилъ Герцогиню быть ко мнѣ благосклонною; прощаясь съ нею, казался онъ ласковѣе обыкновеннаго; но сѣвши со мною въ карету, опять задумался. Я начиналъ нѣсколько разъ съ нимъ разговаривать; онъ отвѣчалъ отрывисто, наконецъ совсѣмъ пересталъ отвѣчать; мы оба молчали — вдругъ батюшка воскликнулъ: *такъ, это правда! онъ можетъ меня утѣшить!* Утѣшить батюшку? Развѣ онъ имѣлъ горести? Какія же? Я осмѣлился просить у него объясненія: онъ посмотрѣлъ на меня пристально, какъ будто удивляясь невольной своей неосторожности; важное лице его сдѣлалось суровымъ; онъ нѣсколько разъ взглядывалъ на меня въ размышленіи, наконецъ сказалъ, что нѣтъ человѣка на свѣтѣ, совершенно довольнаго своею участію. Это недовѣрчивое молчаніе оставило глубокій слѣдъ въ моемъ сердцѣ; слова: *онъ можетъ меня утѣшить*, безпрестанно въ немъ отзывались. Такъ! я могу быть утѣшителемъ отца моего, говорилъ я самому себѣ, могу для его щастія пожертвовать жизнію; но собственное мое щастіе уже никогда не можетъ отъ него зависѣть! Въ первый разъ почувствовалъ я необходимость найти такое существо, которое любило бы меня изключительно, со всею полнотою любви, которое находило бы во мнѣ всѣ свои

желанія, всѣ свои надежды, всѣ свои радости, и даже всѣ свои печали.

Я занемогъ горячкою; въ недѣлю опасность миновалась. Батюшкѣ между тѣмъ поручено было отъ Двора важное дѣло, котораго успѣхъ зависѣлъ нѣкоторымъ образомъ отъ тайны, поспѣшности и, можно сказать, отъ того уваженія, которое имѣли къ его характеру. Батюшка принужденъ былъ немедленно оставить Парижъ; но я не могъ за нимъ слѣдовать, будучи еще слишкомъ слабъ отъ болѣзни. Мы условились сказывать всѣмъ, что онъ уѣхалъ въ деревню, недѣли на двѣ, за собственнымъ дѣломъ. Его отсутствіе могло продолжиться шесть недѣль; но естьли бы оно продолжилось болѣе, то я обѣщался непремѣнно къ нему пріѣхать. Батюшка оставилъ мнѣ слишкомъ много денегъ. „Густавъ! сказалъ онъ, не входи никогда въ долги: я знаю, что въ твои лѣта никакое обязательство не можетъ быть законнымъ, но слово твое почитаю святымъ. Такъ, мой сынъ, прибавилъ онъ возвысивъ голосъ, ты не имѣешь ни брата, ни сестры; ты одинъ занимаешь мое сердце: ни что не возпрепятствуетъ мнѣ пожертвовать всѣми своими выгодами тому, что въ свѣтѣ называется истинною честію. Не забывай же, Густавъ, что отецъ твой будетъ тер-

пѣть недостатокъ, будетъ нещастливъ, естьли въ молодыхъ лѣтахъ своихъ не остережешь себя отъ излишества. По возвращенїи своемъ въ Парижъ, открою тебѣ свое состоянїе; тогда узнаешь самъ, чего можно тебѣ отъ меня требовать для удовлетворенїя своимъ нуждамъ и прихотямъ. Густавъ, ты другъ мой!" — О, какъ сильно я былъ разтроганъ! Я сжалъ его руку: батюшка! сказалъ я ему, естьли я въ самомъ дѣлѣ другъ вашъ, то для чего жь закрыто для меня ваше сердце? Вы имѣли горести; душа моя готова ихъ раздѣлить; она заранѣ васъ оправдываетъ: каждое ваше слово произведетъ во мнѣ собственное ваше чувство! *Онъ можетъ меня утѣшить!* сказали вы. Кого же, кромѣ меня, могли вы назвать утѣшителемъ? — „Это слово тебя поразило — сказалъ онъ печально. Я не имѣю горестей, мой другъ; или, скажу лучше, для меня тяжело говорить объ нихъ!" — Я бросился къ нему въ объятїя, прижалъ его къ сердцу; надѣялся разрушить ту преграду холодности, которая насъ раздѣляла. Батюшка оттолкнулъ меня — тихо, но оттолкнулъ. Ахъ! для чего не знаетъ онъ, что безъ его довѣренности не можетъ существовать и моя! Для чего показывать мнѣ такъ рано, что наши сердца могутъ быть съ нѣкоторыхъ сторонъ закрыты

одно для другаго! Какъ больно мнѣ было, когда онъ сказалъ съ обыкновенною холодностїю, съ обыкновеннымъ спокойствїемъ своего благоразумїя: повѣрь, Густавъ, я знаю лучше тебя, въ чемъ долженъ я имѣть довѣренность къ моему сыну, и въ чемъ могу не имѣть ея. Садясь въ карету, онъ меня поцѣловалъ; но я, разставаясь съ нимъ въ первый разъ, невольно чувствовалъ, что имѣю нужду въ уединенїи: казалось, что я потерялъ друга, котораго видѣлъ на одну минуту, о которомъ сожалѣлъ, и сожалѣлъ тѣмъ болѣе, что находилъ въ немъ отца несравненнаго.

Дней черезъ восемь меня пригласили на балъ къ Испанскому Посланнику, гдѣ видѣлъ я самое лучшее Парижское общество. При входѣ въ гостиную первая представилась глазамъ моимъ Герцогиня Дестутвиль, которая привезла съ собою молодую Графиню Адельмаръ, свою внуку. Герцогиня сидѣла въ галлереѣ и равнодушно смотрѣла на общество; нечаянно взоры ея встрѣтились съ моими: она улыбнулась, дала мнѣ знакъ, чтобы я къ ней приближился: „Прошу мнѣ сказать, что съ вами сдѣлалось? Зачто вы меня забыли?“ — Батюшки нѣтъ въ Парижѣ, отвѣчалъ я съ замѣшательствомъ. — „Развѣ онъ запретилъ вамъ показываться

въ свѣтъ?“ — Напротивъ, сударыня! онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что я буду очень щастливъ, естьли вы позволите мнѣ пользоваться вашимъ обществомъ! — Мнѣ показалось, что это ее удивило. — „Завтра пріѣзжайте ко мнѣ обѣдать!“ — Я поклонился и сѣлъ позади ея кресла; замѣтивъ это она приказала мнѣ встать и удалиться. „Не будьте подлѣ меня, сказала она ласково: молодой человѣкъ вашихъ лѣтъ долженъ на балѣ быть веселъ, танцовать, искать общества молодыхъ женщинъ, имъ нравиться.“ — Я улыбнулся; она замѣтила мою улыбку. — „Безъ сомнѣнія вамъ угодно почитать меня слишкомъ забавною — сказала она шутя — повѣрьте однако, что мои совѣты могутъ быть для васъ полезны: слѣдуя наставленіямъ вашего батюшки, вы будете имѣть успѣхи въ дѣлахъ важныхъ; слѣдуя моимъ, будете имѣть успѣхи въ свѣтъ.“ — Герцогиня, женщина важная, холодная, съ перваго взгляда вселяющая почтеніе, обходилась со мною оттмѣнно дружески: я слушалъ ее съ удовольствіемъ; мысль, не ошибается ли на счетъ ея батюшка, нѣсколько разъ представлялась моему разсудку; я не захотѣлъ ее разсматривать и бросился въ толпу: блестящія одежды, яркое освѣщеніе комнатъ, музыка, многолюдство, жи-

вость, движенїе — все это вмѣстѣ произвело во мнѣ какое-то новое, чрезвычайно прїятное впечатлѣнїе. Вхожу въ залъ — молодая женщина готовилась танцовать менуэтъ; мужчины и женщины составляли около нее большой кругъ; — приближаюсь — вижу прелестное, милое твореніе: лице, удивительно выразительное, стройный станъ, прїятный взглядъ, душа во всѣхъ движенїяхъ! Мужчина, который велъ ее за руку, казался мнѣ слишкомъ щастливымъ: я почувствовалъ сильное желанїе надъ нимъ посмѣяться.

Менуэтъ кончился; незнакомка пошла на свое мѣсто; неизъяснимое очарованїе влекло меня въ слѣдъ за нею. Глаза мои невольно устремлялись на это лице, живое, остроумное, сохранившее всю ясность, всю милую веселость и простодушїе младенчества. Большїе, черные глаза, въ которыхъ сїяла какая-то спокойная, сердечная нѣжность, которые, казалось, не знали еще горестной задумчивости, не научились предвидѣть печали; гибкой, прїятный и легкой ея станъ, ея прекрасные черные волосы, въ которые вплетены были розы; ея прелестное платье, такъ же украшенное розами — все казалось мнѣ свѣжимъ, цвѣтущимъ, очаровательнымъ. Смотря на нее, чувствовалъ я въ душѣ своей радость: она окружена была

множествомъ молодыхъ людей; шутки ихъ заставляли ее улыбаться, но въ улыбкѣ ея замѣчалъ я одно добродушное снисхожденіе. Нѣсколько разъ глаза ея встрѣчались съ моими — быть можетъ, я ошибаюсь, но всякой разъ выражали они какое-то уныніе; однажды она отворотила голову: мнѣ показалось, что она вздохнула. Я спросилъ о ея имени: Эвелина Адельмаръ, внука Герцогини Дестутвиль, сказали мнѣ — едва не воскликнулъ я отъ радости: *я ее увижу!* Но я повторилъ это слово про себя; сердце мое трепетало отъ удовольствія.

Меня представили ей, какъ родственника Герцогини. Она сказала мнѣ нѣсколько пріятныхъ словъ на счетъ батюшки; желала знать, люблю ли танцы. Вмѣсто отвѣта я спросилъ: можетъ ли она со мною вальсировать? — „Я дала уже слово" — Танцы для меня несносно скучны, сорвалось съ моего языка — „Меня звали на одинъ только первый вальсъ." — Ахъ! позвольте же мнѣ просить васъ на слѣдующій, прибавилъ я, забывъ совершенно, что за минуту назвалъ танцы несносными. Эвелина улыбнулась: въ миломъ простосердечіи своемъ она не скрыла, что понимала мое чувство, и ясный взглядъ ея говорилъ мнѣ: тебѣ не льзя отказаться отъ удовольствія танцовать со мною.

Заиграла музыка — Эвелина встала, начала вальсировать, и всякой разъ, когда она ко мнѣ приближалась, взоръ мой встрѣчался съ ея взоромъ; но въ продолженіе танца она показывала вниманіе къ одному своему Кавалеру. Вальсъ кончился; Эвелина возвратилась на свое мѣсто, сѣла; я опять къ ней приближился, началъ съ нею говорить. Гдѣ вашъ батюшка? спросила Эвелина. — „Его нѣтъ въ Парижѣ! я жду его черезъ двѣ недѣли“ — Черезъ двѣ недѣли? Боже мой! какъ могъ онъ разлучиться съ вами на такое долгое время! сказала она возвысивъ голосъ. — Я не отвѣчалъ; слово *на такое долгое время* показалось мнѣ насмѣшкою. — Вы ошибаетесь, сказала она, естьли думаете, что я шучу. Въ двѣ недѣли можно забыть . . . „Все, кромѣ отца“ отвѣчалъ я, смягчая голосомъ сколько можно суровость моего выраженія. — Она удивилась. — Я замѣчаю, сказала она, что вы имѣете важный характеръ; но я не берусь защищать передъ вами тѣхъ людей, которыхъ вы такъ мало расположены забыть; будьте спокойны! — Я опомнился, почувствовалъ странность моей досады, хотѣлъ загладить свою ошибку: она дала мнѣ чувствовать, что не замѣтила ни глупости моей, ни моего замѣшательства; продолжала говорить просто, ласково, свободно; разспрашивала

меня о моихъ путешествіяхъ, о моихъ удовольствіяхъ; желала знать, которая земля нравилась мнѣ болѣе другихъ, не предпочитаю ли которой нибудь своему отечеству; словомъ, она говорила единственно обо мнѣ, а я занимался единственно ею. — Въ это время подошелъ къ намъ Виконтъ Виларъ, тотъ самый, съ которымъ вальсировала Эвелина; онъ сдѣлалъ Графинѣ самый низкій поклонъ и улыбнулся: она поклонилась ему также низко, съ такою же улыбкою. — *Никогда?* сказалъ Виконтъ съ видомъ сомнѣнія. — „*Менѣе, нежели когда-нибудь*" отвѣчала Эвелина весьма рѣшительно. — Онъ покачалъ головою. *Увидимъ*, сказалъ онъ, и началъ разговаривать съ другою женщиною. Графиня посмотрѣла мнѣ въ глаза. Мнѣ не понравилась ея короткость съ молодымъ Виларомъ: не знаю, съ чего пришло мнѣ въ голову, что сказанныя ими таинственныя слова относились ко мнѣ. — Развѣ батюшка не говорилъ вамъ, что мы другъ другу немного родня? — *Никогда!* отвѣчалъ я въ свою очередь, стараясь казаться очень тонкимъ, хотя не находилъ ничего особеннаго въ томъ забвеніи, которое помѣшало батюшкѣ говорить со мною объ Эвелинѣ. Какъ же я удивился, когда она отвѣчала съ печальнымъ видомъ: я это предвидѣла! я не ошиблась! — „Какъ!

предвидѣли! почему же?" — Семейственныя обстоятельства слишкомъ важная матерія для бала! Хотите ли вальсировать?" — Она подала мнѣ руку, мы стали въ рядъ — и чувствуя на рукахъ своихъ легкую Эвелину, будучи къ ней такъ близко, лицемъ къ лицу. и быстро вертя ее по паркету, я находилъ въ душѣ своей такую живую веселость, такое живое щастіе, какихъ никогда еще не чувствовалъ въ жизни. Я не повѣрилъ бы, когда бы мнѣ сказали, что я увидѣлъ Эвелину въ первый разъ; я сталъ бы смѣяться будущему и называть осторожность безумствомъ, когда бы вздумали увѣрять меня, что будущее можетъ быть для меня опасно. Кончивъ вальсъ, я началъ опять разговаривать съ Эвелиною: во весь тотъ вечеръ мы были вмѣстѣ. „Который вамъ годъ?" спросила она. — Близко ли мы родня? сказалъ я вмѣсто отвѣта. — „Не такъ близко, чтобы любить, или ненавидѣть другъ друга." — По крайней мѣрѣ довольно близко, чтобы имѣть право, мнѣ — съ вами видаться, а вамъ — мнѣ это позволить? — „Мы будемъ искать другъ друга, по долгу родства, съ равнодушіемъ" — отвѣчала она съ пріятнымъ взоромъ шутливости, но взоръ ея прибавилъ: *въ себѣ — не сомнѣваюсь! а ты? — Посмотримъ!*

Я проводилъ ее до кареты. Возвратившись домой, я думалъ объ одной Эвелинѣ, воображалъ ея прелестное лице, ея улыбки, взгляды: сладостное воспоминаніе не оставляло меня до самаго сна; поутру проснулся я въ самомъ веселомъ и щастливомъ разположеніи духа: существо мое казалось мнѣ обновившимся.

Пріѣзжаю къ Герцогинѣ Деступтвиль; она еще не выходила. Въ гостиной было уже много, но одни мужчины. Въ этотъ день (четвергъ) собирались обыкновенно въ домѣ Герцогини всѣ люди, замѣтные по какому-нибудь отличному достоинству; чины и званія, не будучи смѣшаны, были соединены; писатель старался нравиться, знатный быть обязательнымъ; каждый, забывая самаго себя, давалъ чувствовать цѣну другихъ; казалось, что въ эти дни великое слово *я* изглаживалось изъ памяти: всякой, можно думать, опять находилъ его за дверьми; но будучи въ этомъ обществѣ, никто никогда не давалъ его замѣтить.

Герцогиня и Эвелина вышли вмѣстѣ — О! какое очарованіе заключено въ первой привязанности сердца, въ томъ чувствѣ, которое влечетъ одно сердце къ другому, тогда когда еще не начинали они любить; когда еще не извѣстно имъ, должны ли они заключить союзъ

между собою! Эвелина, при вступленіи своемъ въ комнату, замѣтила перваго меня, и мнѣ одному обрадовалась своимъ взглядомъ; а я, взглянувъ на Эвелину, въ одну минуту очарованъ былъ прелестію ея лица, пріятностію ея одежды.

Герцогиня, идя къ своему мѣсту, переговорила со всѣми; Эвелина слѣдовала за нею, каждому сказала пріятное слово, а на меня только взглянула и прошла мимо: я принялъ этотъ взглядъ съ благодарностію; мнѣ пріятно было, что Эвелина отличила меня отъ другихъ.

Я поклонился Герцогинѣ съ глубокимъ, искреннимъ почтеніемъ. „Нынѣ, сказала она, всего приличнѣе вамъ сидѣть подлѣ меня, болѣе заниматься мною. Молодой человѣкъ, дѣлая новое знакомство — прибавила она улыбаясь — долженъ всегда находить хозяйку дома любезною. „Представляю вамъ молодаго своего друга, сказала она обществу, показывая на меня: онъ близокъ воспитаніемъ своимъ къ нашимъ лѣтамъ.“ Я принятъ былъ со вниманіемъ и ласково; сѣлъ за креслами Герцогини. Эвелина сѣла подлѣ нее; она уже не была тою веселою, живою, модною женщиною, которою прельщался я на балѣ Испанскаго Посланника:

я видѣлъ передъ собой скромную, застѣнчивую, кроткую, тихую женщину, которая желаетъ нравиться, не стараясь себя выказывать; къ пріятной наружности присоединяла она пріятность ума, обыкновенно пріобрѣтаемую въ такомъ отборномъ и образованномъ обществѣ.

Разсуждали о новыхъ книгахъ, хвалили безъ восхищенія, критиковали безъ колкости. Герцогиня упомянула о балѣ, бывшемъ наканунѣ; говоря о балѣ, думаешь о женщинахъ — она сказала: „во Франціи женщина является въ свѣтъ обыкновенно послѣ замужства — участь ея рѣшилась: по крайней мѣрѣ, такъ можетъ и должна она думать. Я желаю, чтобы она окружена была нѣкоторымъ спокойствіемъ, нѣкоторою пріятною тишиною; чтобъ взгляды ея были нѣжны и тихи; чтобъ всѣ угадывали, а не замѣчали ея чувства; приходъ ея не долженъ быть слышимъ; громкій смѣхъ ей не приличенъ, въ разговорѣ не можетъ онъ возвышать голоса: говоря тихо, возбуждаешь внимательность; говоря мало, останавливаешь воспоминаніе.“ — Прекрасный образецъ женщины! сказалъ господинъ Сенеси, но позвольте спросить, что находите въ этой женщинѣ натуральнаго? — „Сдѣлаю одно замѣчаніе, отвѣчала Герцогиня:

желаніе нравиться, съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ успѣхѣ, всегда придаетъ какую-то прелесть простотѣ натуральной!" — Отъ разсужденія о женщинахъ перешли къ разсужденію о жизни. Странныя мысли мѣшались съ печальными и мрачными; отъ мрачныхъ и печальныхъ переходили къ чувствамъ пріятнымъ; короче: разговаривать въ домѣ Герцогини Дестутшвиль, значило размышлять вслухъ, въ связи, непринужденно, свободно, съ привлекательною легкостію, безъ всякаго опасенія.

Я возвратился домой съ новою привязанностію къ Герцогинѣ, въ новомъ восторгѣ отъ прелестей Эвелины! На другой день собираюсь къ нимъ опять; но, должно признаться, съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ, опасаясь быть въ тягость, пріѣхать не во время. Я ошибся: Герцогиня и Эвелина приняли меня, какъ будто предузнавъ мое посѣщеніе, съ искреннимъ, дружескимъ удовольствіемъ.

Герцогиня пригласила меня съ собою въ театръ: какъ пріятно мнѣ было сидѣть въ этой каретѣ, съ ними въ троемъ! какъ былъ я внимателенъ къ Герцогинѣ Дестутшвиль! Я подалъ ей руку, отвелъ ее въ ложу, чувствовалъ неизъяснимое удовольствіе предупреждать ея

малѣйшія желанія; она смотрѣла на меня дружески: я чувствовалъ въ душѣ своей сыновнюю къ ней привязанность.

Она спросила у меня, что дѣлаю обыкновенно по вечерамъ? Я признался, что не имѣя большаго знакомства, провожу ихъ вообще дома, одинъ. — „Естьли вы не боитесь моихъ старыхъ лѣтъ, сказала она, то пріѣзжайте каждый день обѣдать и ужинать ко мнѣ, въ ожиданіи возвращенія вашего батюшки; я желала бы заступить въ вашемъ сердцѣ мѣсто матери; я увѣрена, что ваша матушка была бы чувствительна къ той дружбѣ, которую къ вамъ имѣю!“ — Она вздохнула, замолчала, обратила глаза на сцену, во все продолженіе піэсы казалась задумчивою, печальною. Передъ концемъ Оперы она взглянула на меня опять, и сказала пріятнымъ, полнымъ трогательной нѣжности голосомъ: „Густавъ! найди мою карету!“ — *Густавъ!* повторилъ я про себя, *это голосъ матери!* Сердце мое было довольно. Такъ, я буду любить ее столь же нѣжно, какъ любитъ Эвелина: буду ей угождать съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ угождаетъ ей Эвелина; имѣть одно общее занятіе, одно общее чувство съ Эвелиною — какое щастіе!

Герцогиня, возвратившись домой, нашла у себя многолюдное общество; сѣла играть въ карты. Я не зналъ еще ни одной игры, остался одинъ, безъ всякаго занятія, подошелъ къ камину, задумался — натурально объ Эвелинѣ, которую видѣлъ вдали, не будучи самъ ею видимъ; которую одну замѣчалъ въ кругу многолюднаго, веселаго общества. Думая объ Эвелинѣ, я вспомнилъ о мужѣ ея, Графѣ Адельмарѣ, который путешествовалъ по Европѣ, и третій уже годъ былъ розно съ женою. Смотря на Эвелину, забытую имъ, я почиталъ его или безумнымъ, или жалкимъ; не понималъ, для чего никто еще не сказалъ мнѣ о немъ ни слова. Что заставило его удалиться, и такъ на долго? Никто, кромѣ Герцогини Дестутвиль, не могъ объяснить для меня этой загадки. Но какъ осмѣлиться сдѣлать такой вопросъ женщинѣ, имѣющей самое тонкое чувство приличія? Герцогиня, почтенная по своимъ лѣтамъ, но молодая умомъ, отмѣнно уважаема въ обществѣ — всѣ тѣ, которые желаютъ что-нибудь значить въ немъ, ищутъ ея знакомства: молодая женщина, или молодой мужчина, вступающіе въ свѣтъ, почитаютъ важнымъ успѣхомъ, когда имѣютъ позволеніе приближаться къ ея кресламъ и съ нею разговаривать. Герцогиня, чрезвычайно тон-

кая и учтивая въ обхожденіи, никогда не забываетъ того вниманія, которымъ она обязана другимъ, ни того почтенія, котораго имѣетъ право отъ другихъ требовать. Въ разговорѣ не терпитъ она ни восклицаній противорѣчія, ни живости спора: сказываетъ свое мнѣніе просто, не показывая желанія васъ убѣдить, не оставляя вамъ надежды перемѣнить образъ ея мыслей. Никогда не унижаетъ она себя злорѣчіемъ, никогда не изъясняется на счетъ другихъ съ обидною рѣшительностію; свое неодобреніе выражаетъ она однимъ презрѣніемъ, а нелюбовь холодною отдаленностію; когда она говоритъ о человѣкѣ: *его никто не знаетъ*, то надобно разумѣть, что онъ никогда не бывалъ въ хорошемъ обществѣ; а естьли позволяетъ себѣ сказать: *я не имѣю съ нимъ знакомства*, то знайте, что онъ не можетъ быть принятъ въ хорошее общество. Такова она со всѣми. Но со мною? Какая нѣжная, попечительная, трогательная, материнская дружба! Причины предубѣжденія, которое замѣтилъ я на счетъ ея въ батюшкѣ, были для меня трудною загадкою; я не понималъ, для чего, въ моей молодости, никогда не говорилъ онъ со мною о моихъ родственникахъ; для чего не старался гораздо прежде познакомить меня съ домомъ Герцогини. Не смѣя осуждать поступ-

ковъ моего отца; я противъ воли думалъ, что не одно желанїе воспитать меня какъ можно лучше, но вмѣстѣ и нѣкоторое суровое отвращенїе отъ людей было причиною долговременнаго, совершеннаго его одиночества. Я оправдывалъ передъ самимъ собою его сердце. Добрый, почтенный родитель! — восклицалъ я — истинный другъ мой! ты удалялся отъ свѣта, блестящаго, веселаго, но страждущїй и печальный никогда не отходили отъ тебя, не ощутивъ отрады! Сколько разъ случалось, и въ нашемъ уединенїи, и въ нашемъ путешествїи, что я приводилъ къ тебѣ нещастнаго, который получалъ отъ тебя выше своего требованїя! сколько разъ повторялъ ты мнѣ, что первое желанїе твое — образовать, усовершенствовать мою душу! Такъ, неизвѣстность, которою покрыта для меня твоя участь, должна обратиться въ мою же пользу: я признаюсь, что постоянное твое отдаленїе отъ человѣческаго общества кажется мнѣ слишкомъ мрачнымъ, что непривязанность твоя къ роднымъ выходитъ изъ обыкновеннаго порядка вещей: но я уважаю твою тайну; я говорю самому себѣ: сколь нужно быть осторожнымъ въ сужденїи о людяхъ, къ намъ неблизкихъ, когда поступки лучшаго отца могутъ ка-

заться неизъяснимыми въ глазахъ сына, почтительнаго, нѣжнаго, благодарнаго! —

На другой день, я долженъ былъ рано поутру увидѣться съ Герцогинею, по одному дѣлу, которое поручила она мнѣ исполнить. Меня ввели въ ту залу, въ которой обыкновенно собиралось ея общество; она была пуста, и мнѣ пріятно было сидѣть въ ней одному: я воображалъ, что я дома, что принадлежу къ семейству Герцогини Деступтиль; короче, эта веселая мечта трогала мое сердце. Двери и окна были отворены въ садъ, вѣялъ самый пріятный осенній вѣтерокъ, небо сіяло чистымъ, утреннимъ блескомъ: оживленный новыми чувствами, я въ первой разъ находилъ въ самомъ себѣ сію спокойную радость, сіе возхитительное наслажденіе жизнію, которыя обыкновенно производятъ въ насъ прекрасный день и зрѣлище веселой Природы: прежде подобныя впечатлѣнія были для меня менѣе ощутительны. Герцогиня прислала мнѣ сказать, чтобы я подождалъ; въ эту самую минуту увидѣлъ я въ аллеѣ Эвелину: я побѣжалъ къ ней . . . . новое щастіе! до сихъ поръ она представлялась глазамъ моимъ въ богатомъ уборѣ, въ присутствіи множества постороннихъ; но тутъ увидѣлъ я ее въ простой одеждѣ, украшенную однѣми собственными пріят-

ностями, въ тысячу разъ привлекательнѣе прежняго.

Эвелина, увидя меня съ собою наединѣ, смѣшалась — отъ чего, не знаю. Пойдемте къ Герцогинѣ, сказала она, и не дожидаясь моего отвѣта, отворила большую стеклянную дверь. Матушка, сказала она, я привела къ вамъ Графа Обинье! Мы вошли въ кабинетъ. Герцогиня писала. Она оглянулась. Ахъ, Эвелина! сказала она съ нѣкоторымъ огорченіемъ, я просила Густава подождать. Я началъ разсматривать портреты, которые висѣли на стѣнахъ кабинета. Вы видите, Густавъ, портреты любезныхъ мнѣ людей, прибавила Герцогиня печальнымъ голосомъ; ни одного изъ нихъ нѣтъ уже на свѣтѣ!

Герцогъ Дестутвиль изображенъ былъ вмѣстѣ съ своимъ старшимъ сыномъ на огромной картинѣ, вставленной въ богатую раму; на лицѣ его замѣтилъ я холодность и высокомѣріе: взоры мои нѣсколько отвратились. Рядомъ съ этою картиною висѣлъ портретъ молодаго человѣка, прекраснаго лицемъ, съ пріятнымъ, меланхолическимъ взглядомъ. Это Альфредъ, младшій мой сынъ, сказала Герцогиня; глаза ея, устремленные задумчиво на портретъ, наполнились слезами. Немного далѣ, замѣтилъ я двѣ миньятурныя картинки, на которыхъ изображены были двѣ

молодыя женщины. Это моя дочь, мать Эвелины — продолжала Герцогиня; она не сказала ни слова о другомъ портретѣ. Я напомнилъ объ немъ. Она потупила глаза и отвѣчала: это твоя мать! — „Матушка! и въ вашемъ домѣ нахожу ея портретъ! я никогда не видалъ его у батюшки!“ — Должно думать, что его сожалѣнїе объ ней слишкомъ сильно: глубокая, постоянная горесть питается воспоминанїемъ, которое можетъ быть нестерпимо для чувства, болѣе пылкаго.

Обѣ эти картинки были конечно написаны въ одно время — ихъ черныя рамы, и столько восхитительныхъ, едва разцвѣтшихъ прелестей, которыхъ уже нѣтъ, произвели въ душѣ моей чувство, неизъяснимо горестное. Герцогиня его замѣтила. „Видишь ли, Густавъ, для чего я не хотѣла принять тебя въ своемъ кабинетѣ? Ты долженъ быть увѣренъ, что для меня прїятно тебя видѣть вездѣ, во всякое время.“ — Входя въ эту горницу, я былъ спокоенъ и щастливъ; но въ ту минуту вся душа моя страдала: едва я могъ переводить дыханїе! — Что остается намъ отъ долговременной жизни? продолжала Герцогиня: одно сожалѣнїе, однѣ печальныя, напрасныя воспоминанїя! — взглянувши на Эвелину, она прибавила — и робкое ожиданїе будущаго! — „Матушка! сказала Эвелина, мнѣ жаль,

что я привела къ вамъ Густава! — Желая разсѣять мои мысли она указала мнѣ на свой портретъ, висѣвшій надъ письменнымъ столикомъ Герцогини Дестутвиль. Сходенъ ли онъ? спросила она. Я отвѣчалъ и нѣтъ и да, не помня самаго себя: сердце мое поражено было нечаянностїю и горестїю. Герцогиня смотрѣла на портретъ своей внучки съ сердечнымъ унынїемъ. Какъ бы я желала, чтобы этотъ милый человѣкъ былъ щастливъ! сказала она. — Ахъ! воскликнула Эвелина, развѣ я не имѣю лучшей, несравненной матери? — Милый другъ! естьли бы я и осмѣлилась тебѣ повѣрить, то эта мысль была бы новою горестїю для моего сердца: въ мои лѣта каждый день почитается потерею, и съ каждымъ днемъ теряешь надежду на *завтра!* — „Матушка! Бога ради не пугайте меня: я не могу подумать объ этомъ безъ трепета! пойдемте въ садъ: время удивительно прекрасное! – Герцогиня встала. Эвелина схватила ее за руку и повела къ дверямъ. Я остановилъ ихъ и спросилъ: знаетъ ли батюшка, съ какою нѣжностїю привязаны вы къ воспоминанїю о моей матери? — Она поняла, что батюшкино предубѣжденїе противъ нее было мнѣ извѣстно; что я, не осмѣливаясь говорить съ нею прямо, былъ бы весьма щастливъ, когда бы она согласилась сама

его уничтожить. Батюшка вашъ, сказала она, очень долго жилъ въ отдаленіи отъ свѣта и людей: какія бы ни имѣлъ онъ на то причины, я увѣрена, что онъ отвѣчаютъ его характеру и основательны. Одинъ онъ можетъ объяснить для васъ непонятное! — Не будучи доволенъ ея отвѣтомъ, я хотѣлъ войти въ подробности. — „Густавъ! сказала она, взглянувъ на меня почти сурово: мнѣ предубѣждать тебя противъ отца? Когда бы онъ и обвинялъ меня, то я не знаю, имѣла ли бы я право оправдывать себя въ глазахъ его сына.“ — По крайней мѣрѣ не забуду никогда, что въ вашемъ домѣ я въ первый разъ увидѣлъ портретъ моей матери. — „На что почитать это обстоятельство слишкомъ важнымъ? Мать твоя была мнѣ другъ, и другъ, самый близкій къ моему сердцу; желаніе соединить портретъ ея съ портретомъ моей дочери очень естественно! Должно ли оно казаться тебѣ необыкновеннымъ?“ — Герцогиня, стараясь меня успокоить, только усиливала мое волненіе; мы простились; я долженъ былъ опять идти черезъ большую залу: утреннее солнце освѣщало ее по прежнему, но чувства мои были уже не тѣ — одна минута разрушила очарованіе: печальныя мысли бременили мою душу; я думалъ объ одномъ нещастіи, видѣть, какъ изчезаютъ наши любезные!

Герцогиня позволила мнѣ списать матушкинъ портретъ. На другой день прихожу въ ея кабинетъ за полчаса до обѣда, и сажусь за работу. Отворяется дверь, входитъ Эвелина: она совсѣмъ не воображала найти меня въ кабинетѣ, остановилась въ дверяхъ, подумала, черезъ минуту подошла къ моему столу и наклонилась, чтобъ посмотрѣть на мое рисованье. Вдругъ она сказала: и у меня есть портретъ вашей матушки. — У васъ? отъ кого вы его получили? — „Не знаю, по какой причинѣ разстались наши родные: никогда Герцогиня не позволяетъ себѣ говорить со мною объ этихъ обстоятельствахъ; знаю только то, что матушка моя была нѣжнѣйшимъ другомъ вашей; что никогда не снимала она съ себя ея портрета; что она умирая просила меня беречь его свято, какъ лучшій памятникъ ея жизни!“ — Я смотрѣлъ на Эвелину и чувствовалъ, что нѣкоторое тайное, непобѣдимое очарованіе меня къ ней привлекало. Покажите мнѣ этотъ портретъ! сказалъ я съ сильнымъ волненіемъ. Она вышла, говоря, что портретъ находится въ ея комнатѣ; но возвратилась въ ту же почти минуту и отдала мнѣ золотой медальонъ, привязанный къ лентѣ. Мнѣ показалось, что въ золотѣ была чувствительна легкая теп-

лота; на лентѣ, недавно развязанной, остались сгибы узла: тайный голосъ увѣрялъ меня, что Эвелина выходила только за тѣмъ, чтобъ снять съ своей груди портретъ моей матери. Съ какимъ восхитительнымъ движеніемъ убѣждалось мое сердце въ этой мысли! но я не осмѣлился на ней остановиться; я возвратилъ портретъ; она приняла его и покраснѣла; я потупилъ глаза, чтобы не дать ей замѣтить, что я видѣлъ ея краску. Я спросилъ: не уже ли ни одно обстоятельство не было ей извѣстно? — Не знаю ничего, отвѣчала мнѣ Эвелина. Я говорила съ тѣми людьми, которые могли быть очевидными свидѣтелями произшествій: никто не могъ объяснить мнѣ этой тайны. Ни что необыкновенное не было замѣчено въ свѣтѣ; ни одной жалобы, ни одного слова у нихъ не вырвалось; они перестали видѣться, вотъ все, что мнѣ и другимъ извѣстно! Причина этого разрыва есть загадка, которая, можетъ быть, останется понятною только имъ. — „Вижу, сказалъ я, что мы окружены облакомъ, которое приводитъ меня въ ужасъ!“ — Ахъ! отвѣчала Эвелина улыбаясь, это облако не самое темное: мы можемъ еще другъ друга видѣть! — Она напомнила мнѣ, что время идти въ залъ, гдѣ находилось уже довольно гостей; что

скоро пойдутъ обѣдать: я вышелъ изъ кабинета; Эвелина пошла къ Герцогинѣ.

Ввечеру Герцогиня просила Эвелину играть и пѣть; я побѣжалъ за арфою въ ея комнату, которой еще не видалъ, и радовался случаю ее увидѣть. Съ какимъ чувствомъ вступилъ я въ первый разъ въ кабинетъ Эвелины! Все представляло въ немъ привычку къ упражненіямъ и непостоянство въ ихъ выборѣ: фортопіано, арфа, гитара, картины, рисунки, цвѣты, книги, шитье. Ахъ! подумалъ я, всемъ занята, и ни къ чему не привязана! На столѣ увидѣлъ я разкрытаго Массильона; подлѣ него лежалъ томъ Вольтера, и такъ близко, что вѣрно читаны были они въ одно время. Возвратившись въ залъ, я не могъ не сказать Эвелинѣ шутливаго привѣтствія на счетъ ея разнообразныхъ занятій и разнообразныхъ талантовъ. Она забавлялась моими шутками; сама очень пріятно надъ собою шутила: „бранитe меня сколько вамъ угодно, сказала она, вы принудите меня оправдываться и говорить о себѣ хорошее: развѣ это не удовольствіе?“

Она сѣла; начала настроивать арфу, которую велѣла мнѣ поддерживать. Я осмѣлился сказать ей въ полголоса: спойте вашъ любимый романсъ. — Не думаете ли — сказала она также тихо — чтобъ можно было сдѣлать справедливое

заключенїе о человѣкѣ по вкусу его въ музыкѣ? — „На это могу отвѣчать только тогда, когда васъ услышу!“ — То есть: вы скажете, что я вѣтрена и безпечна, естьли спою веселую, быструю арїю; или наградите меня именемъ *чувствительной*, естьли выберу какой-нибудь томной, меланхолической романсъ. — „Напротивъ; веселая, быстрая арїя заставитъ меня подумать, что вамъ прїятно побѣждать трудности; а томная и унылая, что васъ занимаетъ какое-нибудь воспоминанїе.“ — При этомъ словѣ лице ея перемѣнилось: она отдернула отъ меня арфу, которая была еще въ моихъ рукахъ. — „Воспоминанїе! сказала она сухо; я не предвидѣла, что вы это скажете! Она заиграла прелюдїю, играла долго, и между игры спросила меня отрывисто, съ примѣтною досадою: прошу мнѣ сказать, на которомъ году начинаются по вашему мнѣнїю воспоминанїя?“ — Не дожидаясь отвѣта, начала она сонату, огромную, шумную, трудную, въ которой никакимъ способомъ не можно было замѣтить чувства. Кончивъ ее, она встала. Герцогиня опять попросила ее пѣть; все общество приступило къ ней съ такою же просьбою; я стоялъ въ углу и молчалъ — ни что не могло побѣдить упрямства Эвелины.

На другой день пріѣхалъ я къ Герцогинѣ ранѣе обыкновеннаго; въ гостиной не было еще никого изъ постороннихъ; Эвелина сидѣла подлѣ своей бабушки за работою. Увидя меня, она перестала шить и взяла книгу. Я тотчасъ ее понялъ: она хотѣла мнѣ дать почувствовать, что не намѣрена была говорить со мною. Не будучи опытенъ въ искуствѣ разстроивать женскія хитрости, я догадался однако, что въ этомъ случаѣ всего приличнѣе казаться незамѣчательнымъ, и началъ спокойно разговаривать съ Герцогинею. Вдругъ Эвелина воскликнула: я сама думаю, что онъ говоритъ правду! — Что такое? спросила Герцогиня. — Ла-Брюйерова мысль, которая прежде казалась мнѣ самою обыкновенною. — „Какая мысль?“ — *Очень трудно быть кѣмъ нибудь довольною*, сказала Эвелина, смотря мнѣ въ глаза и кивая мнѣ слегка прелестною своею головою. — „Знаю! сказала Герцогиня; она прибавила въ полголоса, наклонившись ко мнѣ: бѣдная моя Эвелина нещастлива! Она вздохнула и перемѣнила разговоръ. Эвелина посмотрѣла на меня задумчиво: этотъ трогательный взглядъ поколебалъ мою душу. Сказали о пріѣздѣ гостей: Эвелина встала и пошла въ садъ. Я скоро за нею послѣдовалъ; но съ такимъ чувствомъ, како-

го еще никогда не замѣчалъ въ своемъ сердцѣ — слова Герцогини: *бѣдная моя Эвелина нещастлива*, не выходили изъ моей памяти. Я желалъ, чтобы она открыла мнѣ свою душу; но я не смѣлъ завести объ этой матерїи разговора: мы долго прохаживались взадъ и впередъ по террасѣ, передъ окнами Герцогини; я молчалъ, боялся самаго себя; увѣренъ былъ, что первое слово мое обнаружитъ передъ нею всю мою душу; чувствовалъ въ груди своей болѣзненное стѣсненїе, почти не могъ дышать. Эвелина примѣтила мое замѣшательство, взглянула на меня съ чувствомъ; спросила нѣжнымъ, убѣждающимъ своимъ голосомъ о причинѣ моего безпокойства. Я продолжалъ молчать. — Развѣ не имѣете вы друга? сказала она тихо и нѣжно. — „Ахъ! воскликнулъ я, вы однѣ могли бы мнѣ отвѣчать на это!“ — Я? возразила она съ принужденною веселостїю; вы шутите: мое положенїе слишкомъ странно для дружеской довѣренности! Никогда, твердилъ мнѣ мой опекунъ, не говори о своихъ печаляхъ и не вѣряй своей тайны женщинамъ — женщины лукавы и ненадежны. Мужчины опасны: бойся имъ вѣрить, повторяетъ мнѣ часто бабушка; скажите, кого слушаться? Но естьли я и способна не открывать никому собственныхъ горестей, при-

бавила она, смотря на меня пристально, то какъ могу не принимать участія въ горестяхъ моихъ друзей и родственниковъ? могу ли не желать, чтобы они были со мною искренны? — Она замолчала. Я увѣрялъ ее, что не имѣю никакихъ *собственныхъ горестей*; что одно слово Герцогини Дестутвиль: *Эвелина моя нещастлива* — слово, которое одна она могла мнѣ разтолковать, было единственною причиною моего безпокойства. „Послушайте меня, Густавъ! сказала она съ довѣренностію: я чувствую сама, что быть съ вами искреннею для меня необходимо. Я желала бы описать вамъ всю свою жизнь, всѣ обстоятельства моего младенчества, всѣ горести молодыхъ моихъ лѣтъ; но я не прежде буду говорить съ вами объ нихъ, какъ наканунѣ пріѣзда вашего батюшки! — Это меня удивило. Какая связь между пріѣздомъ батюшки и вашею довѣренностію, Эвелина? — Самая тѣсная! Батюшка вашъ имѣетъ великое вліяніе на мою участь, и я ничего не открыла бы вамъ, когда бы онъ могъ навсегда остаться въ отлучкѣ: наканунѣ его пріѣзда вы все узнаете, и все *должны* узнать! — „Непонятная тайна!“ — Послушайтесь меня, Густавъ, продолжала Эвелина, перестаньте любопытствовать.“ Въ тотъ самый вечеръ, прибавила она, съ такимъ взоромъ,

которому не возможно было не повиноваться — въ тотъ самый вечеръ, въ который вы мнѣ скажете: *завтра ожидаю батюшку*, на этомъ самомъ мѣстѣ, буду говорить съ вами откровенно, свободно! теперь прибавлю одно слово: я назову себя истинно щастливою, естьли въ этотъ вечеръ мы будемъ согласны и въ мысляхъ и въ чувствахъ.“ Она удалилась, запретивъ мнѣ за собою слѣдовать.

(*Продолженіе въ слѣдующемъ Номерѣ.*)

При концѣ книжки картинка — рисунокъ славной Пуссеневой *Аркадіи*. Пастухи остановились у гроба; надпись: *и я жилъ въ Аркадіи*, заставила ихъ задуматься; они размышляютъ о быстротѣ жизни и невѣрности щастія. Читатели вспомнятъ прекрасные Делилевы стихи:

Imitez le Poussin: aux fetes bonageres
Il nous peint les bergers et les jeunes bergeres,
Les bras entrelacés, danfants fous des ormeaux,
Et près d'eux une tombe ou font ecrits les mots:
Et moi je fus aufi pafteur dans l'Arcadie!
Ce tableau des plaifirs, du néant de la vie
Semble dire: mortels, hatez vous de jouir!
Jeux, dances et bergers — tout va s'evanouir!

Поэтъ распространилъ идею живописца, украсивъ ее противуположностію.

ПОЛИТИКА.

V.

Характеръ и образъ жизни Людамарскихъ Мавровъ.

(Отрывокъ изъ Мунго-Паркова путешествія во внутренность Африки.)

Мавры, населяющіе сѣверную часть Африки, раздѣляются на многія независимыя племена, изъ которыхъ самыми страшными почитаютъ Тразартскихъ и Иль-Бракенскихъ, живущихъ на сѣверномъ берегу Сенегала. — Гедингумскія, Яфнусскія и Людамарскія не столь многочисленные, воинственны и сильны. Каждое племя Мавровъ управляемо Ханомъ, или Царемъ, имѣющимъ надъ ними неограниченную власть Деспота.

Мавры ведутъ жизнь пастушескую; въ мирное время занимаются однимъ скотоводствомъ; пища ихъ одно мясо. Они бываютъ попеременно или слишкомъ обжорливы, или слишкомъ воздержны. По причинѣ частыхъ и строгихъ

постовъ, закономъ имъ предписываемыхъ, и по причинѣ многотрудныхъ путешествій, предпринимаемыхъ ими по дикой пустынѣ, они съ удивительнымъ терпѣніемъ переносятъ голодъ и жажду. Но междутѣмъ естьли Мавру откроется случай удовольствовать свою жадность, то онъ терпѣніе свое вознаграждаетъ безъ всякой умѣренности; обыковенно одинъ Маврь сбѣдаетъ противъ троихъ Европейцовъ. Мавры земледѣліемъ занимаются весьма мало: хлѣбъ, бумажныя матеріи съ другими жизненными потребностями получаютъ они отъ Негровъ, вымѣнивая ихъ на каменную соль, добываемую ими въ минахъ великой своей пустыни.

Здѣсь, по причинѣ чрезвычайнаго безплодія земли, очень мало произведеній, годныхъ для издѣлій мануфактурныхъ; впрочемъ Мавры, изъ приготовляемой женами ихъ пряденой козьей шерсти, для палатокъ своихъ дѣлаютъ сами покровы. Жены ихъ, кромѣ пряденія шерсти, еще выдѣлываютъ кожи для сѣделъ, уздъ, чемодановъ и другихъ различныхъ домашнихъ потребностей.

Мавры изъ желѣза, доставляемаго имъ Неграми, дѣлаютъ довольно искусно копья, ножи и даже котлы; но

сабли; огнестрѣльное оружіе и другіе военные припасы покупаютъ они у Европейцовъ, платя имъ за нихъ Неграми, похищаемыми во владѣніяхъ сосѣдственныхъ. Главная сего рода торговля производится съ Французами, пріѣзжающими на берега Сенегала.

Мавры строго соблюдаютъ Магометанской законъ, преданы предразсудкамъ суевѣрія, и гонятъ всѣхъ Европейцовъ съ бѣшенствомъ. Въ Беноунѣ (*) у нихъ нѣтъ ни одной мечети: молятся въ оградѣ, обвѣшанной рогожами и ни чемъ сверху непокрытой. Первенствующій на ихъ богомоліяхъ есть въ одно время и жрецъ ихъ и учитель; при свѣтѣ ярко горящаго огня, разведеннаго изъ мѣлкаго хворостнику и коровьяго навозу, гордо проповѣдуетъ онъ ученикамъ своимъ Алькоранъ и поучаетъ ихъ заповѣдямъ вѣры. Ихъ письмена очень мало отличны отъ письменъ, находящихся въ Арабской Грамматикѣ, сочиненной Ричардсономъ.

Мавританскіе жрецы выдаютъ себя за великихъ знатоковъ чужестранной Литературы. Ихъ Беноунскій священникъ увѣрялъ меня, что можетъ читать всѣ Христіянскія книги; показывалъ мнѣ раз-

(*) Главный лагерь Мавровъ Людамарскихъ.

личныя варварскія письмена, и въ невѣжествѣ своемъ называлъ ихъ Римскою азбукою; у него также я видѣлъ множество другихъ рукописей, столь же невразумительныхъ, какъ и первыя; онѣ называлъ ихъ Персидскими сочиненіями. Вся библіотека сего великаго мудреца состояла не болѣе, какъ изъ девяти книгъ in quarto, которыя всѣ, какъ мнѣ кажется, были духовныя, потому что въ нихъ почти на каждой страницѣ я видѣлъ имя Магометово, написанное красными чернилами.

По причинѣ чрезвычайной дороговизны бумаги, Беноунскіе ученики обыкновенно пишутъ уроки свои на дощечкахъ. Кажется, они учатся охотно и съ прилѣжаніемъ. Во время ежедневныхъ школьныхъ занятій своихъ, они дощечки сіи всегда носятъ съ собою, вѣшая ихъ себѣ за спину. Молодые воспитанники, знающіе наизусть нѣсколько молитвъ, и умѣющіе прочитать или списать нѣкоторыя мѣста изъ Алькорана, здѣсь почитаются самыми учеными, и сіи малыя ихъ свѣдѣнія даютъ имъ право болѣе уже не считаться въ числѣ малолѣтныхъ. Маврь, гордяся такими познаніями, презрительными глазами смотритъ на неученыхъ Негровъ, и при всякомъ случаѣ, всѣми способами, выказы-

ваетъ свое преимущество предъ тѣми изъ соотечественниковъ, которые меньше его свѣдущи.

У Мавровъ воспитанїе дочерей въ совершенномъ пренебреженїи. Женщины у нихъ мало заботятся о моральномъ своемъ характерѣ, а мущины недостатокъ сей добродѣтели совсемъ не вмѣняютъ имъ въ порокъ. Мавры думаютъ, что женщины, въ сравненїи съ ними, имѣютъ другое, не столько благородное предназначенїе: думаютъ, что онѣ сотворены только для исполненїя воли гордыхъ своихъ повелителей: чувственныя удовольствїя почитаются между ими первымъ достоинствомъ, а рабская покорность первою, необходимою должностїю.

Мавры о женской красотѣ имѣютъ странныя понятїя. У насъ красавицею называютъ ту, которая одарена хорошимъ станомъ, величественною поступью, прелестными и выразительными чертами лица: у нихъ, напротивъ, красоту составляетъ безобразная дородность. Женщина, которую только два невольника могутъ поддерживать, не почитается еще совершенною красавицею; дабы получить ей сїе лестное названїе, надобно, чтобъ ее едва могъ возить одинъ верблюдъ.

Здѣшнія женщины, по причинѣ такого предпочтенія дородности, заблаговременно стараются сдѣлаться толстыми. Въ этомъ состоитъ имъ первая и единственная забота. Матери, нѣжно любящія плодъ свой, каждое утро заставляютъ любезныхъ молодыхъ дочерей своихъ съѣдать множество кускусу и выпивать по огромной чашѣ верблюжьяго молока; мало смотрятъ на то, хотятъ ли ихъ дочери ѣсть или нѣтъ: онѣ должны непремѣнно съѣсть кускусъ и выпить молоко — въ противномъ случаѣ чадолюбивыя матери возбуждаютъ въ нихъ аппетитъ побоями. Я видѣлъ, какъ горько, болѣе часа, одна бѣдная дѣвушка рыдала, держа въ рукахъ чашу съ молокомъ, и какъ доброжелательная мать съ палкою въ рукахъ, принуждала ее пить, и какъ безжалостно била ее, когда она отказывалась повиноваться упрямой своей родительницѣ. Сіе чрезмѣрное употребленіе пищи и питія въ здѣшнихъ дѣвушкахъ не производитъ ни болѣзней, ни несвареній желудка; напротивъ оно имъ доставляетъ всю ту уродливую толстоту, которая столь плѣнительною кажется въ глазахъ Мавра.

Мавры покупаютъ себѣ одежду у Негровъ — по сему жены ихъ платье свое носятъ съ величайшею бережливо-

стїю: онѣ вообще наготу свою прикрываютъ большимъ кускомъ бумажной матерїи, которою опоясываются, которую опускаютъ внизъ почти до земли: одежда, совершенно похожая на нашу Руску́ю юбку; къ платью сему прикрѣплены два четвероугольные лацкана — одинъ напереди, другой назади — и оба завязаны на плечахъ; обыкновенный головный уборъ здѣшнихъ женщинъ состоитъ изъ бумажной повязки, закрывающей лице отъ солнечнаго жара. Надобно однако замѣтить, что Мавританскїя женщины никогда не выходятъ со двора, не закутавшись съ головы до ногъ.

Занятїя здѣшнихъ женщинъ бываютъ различны, смотря по состоянїю ихъ мужей. Ханова жена Фатима и нѣкоторыя другїя живутъ здѣсь точно такъ, какъ и наши Европейскїя женщины: разговариваютъ съ своими посѣтителями или посѣтительницами, читаютъ молитвы и любуются прелестями своего лица, смотрясь въ зеркало. Однѣ простолюдимки занимаются хозяйствомъ. Мавританки всѣ вообще надменны и болтливы; гнѣвъ свой обыкновенно изливаютъ на Негритянокъ, съ которыми, какъ деспоты, поступаютъ самымъ жестокимъ образомъ.

Здѣсь кстатѣ замѣчу я, что бѣдственное состоянїе сихъ нещастныхъ Негритянокъ достойно всякаго сожалѣнїя. Съ самой темной утренней зари онѣ ходятъ съ большими кожаными мѣхами, которые называются *гирбами*, за водою; онѣ возятъ ее на себѣ, какъ скоты, для употребленїя своихъ господъ и для ихъ лошадей, которыхъ Мавры весьма рѣдко позволяютъ гонять на водопой. По окончанїи сей работы Негритянки толкутъ пшеницу и приготовляютъ изъ нее кушанье въ это время палитъ ихъ сверху. — солнце, снизу — раскалившїйся песокъ, спереди — разкладенный огонь. Между дѣла метутъ онѣ палатки, бьютъ масло, короче: дѣлаютъ все, что только можно представить себѣ труднаго; и не взирая на всѣ сїи работы, ихъ кормятъ очень дурно и бьютъ самымъ жестокимъ образомъ.

Одѣянїе Людамарскихъ Мавровъ почти ни въ чемъ не отлично отъ одѣянїя Негровъ. Первые отъ послѣднихъ розняться только тѣмъ, что носятъ на головѣ отличительный знакъ послѣдователей Магометовыхъ — изъ бѣлой бумажной матерїи чалму. Мавры гордятся длинными своими бородами, тѣмъ болѣе, что такїя бороды почитаются вѣрнымъ знакомъ Арабскаго

происхожденія. Али (*), Король Людамарскій, родомъ Арабъ. У всѣхъ Мавровъ волосы на головѣ короткіе, густые и до чрезвычайности черные. Они столько уважаютъ долгія бороды, что даже и обоимѣ чужестранцѣ начали думать выгоднѣе, когда отросла у меня длинная борода. Мавры всегда смотрѣли на нее съ удовольствіемъ, даже съ завистью; они, можно сказать, думали, что такая борода, какъ моя, слишкомъ прекрасна для Христіанина.

Перемежныя лихорадки и кровавый поносъ самыя обыкновенныя болѣзни Мавровъ. Иногда страждущихъ сими болѣзнями лѣчатъ старухи; но чаще случается, что больные отвергаютъ лѣкарства, и ожидаютъ себѣ облегченія отъ одного дѣйствія натуры.

Во все то время, какъ былъ я въ Людамарѣ плѣнникомъ, не удалось мнѣ видѣть ни одного человѣка, на которомъ была бы оспа. Мнѣ сказывали однако, что она здѣсь по временамъ свирѣпствовала. Я слышалъ, что изъ земли Мавровъ часто переходила она къ южнымъ Неграмъ, и что Негры, живущіе на берегахъ Гамбіи,

(*) Мунго - Паркъ былъ у него невольникомъ.

прививая себѣ оспу, получали отъ нее выздоровленіе.

У Людамарскихъ Мавровъ, сколько я могъ замѣтить, уголовныя дѣла рѣшатся очень скоро хотя они мало имѣютъ уваженія къ гражданскимъ правамъ своимъ, но при всемъ томъ знаютъ, сколь много введеніе казни способствуетъ къ удержанію людей отъ всякаго рода злодѣйскихъ поступковъ. Виновнаго всегда представляютъ предъ Али, который судитъ его, и опредѣляетъ наказаніе по собственному своему изволенію. Это я видѣлъ самъ, и въ то же время узналъ, что смертнымъ казнямъ подвергаются почти одни только Негры.

Главное богатство Мавровъ состоитъ во многочисленныхъ стадахъ скота, а первое занятіе въ выгонѣ ихъ на пастьбища. Впрочемъ Мавры не безпрестанно симъ занимаются; большая часть изъ нихъ почти всегда проводятъ жизнь свою въ бездѣйствіи, въ безполезныхъ и ребяческихъ разговорахъ о лошадяхъ, или въ вымышленіи хищническихъ плановъ противъ Негритянскихъ селеній.

Тѣ изъ Мавровъ, которые не любятъ ничего дѣлать, обыкновенно ходятъ къ

Королю въ палатку — тамъ, въ присутствіи его, свободно одинъ о другомъ говорятъ и свободно другъ друга пересуживаютъ; касательно до Государя, кажется, что всѣ они имѣютъ объ немъ самое выгодное мнѣніе: всѣ единодушно его хвалятъ, и часто поютъ пѣсни, въ честь его сочиненныя и наполненныя такого ласкательства, какого никто не можетъ слушать, кромѣ одного Мавританскаго Деспота.

Мавританскій Ханъ во всякое время одѣвается несравненно лучше и чище подданныхъ своихъ. Иногда онъ носитъ платье изъ бумажной матеріи, синяго цвѣту, вывозимой изъ Томбукту; иногда надѣваетъ полотняное или кисейное, покупаемое въ Марокскомъ Королевствѣ. — Палатка Али выше другихъ, и отличается отъ всѣхъ прочихъ бѣлымъ полотномъ, на нее накидываемымъ; впрочемъ, при такомъ великомъ отличіи, не рѣдко въ обращеніи съ своими подданными забываетъ Али верховный санъ свой, часто ѣстъ съ ними изъ одной чаши, и часто въ знойный день ложится на ту самую постель, на которой спитъ пастухъ его верблюдовъ.

Обладатель Мавровъ, для содержанія дому своего и на важнѣйшіе государ-

ственные расходы, собираетъ различныя подати. Съ Негровъ, поселившихся въ его владѣнїяхъ, беретъ хлѣбомъ, холстомъ, или золотымъ пескомъ; съ мѣстъ, въ которыхъ черпаютъ воду, беретъ скотомъ; съ товаровъ, привозимыхъ въ области его, даютъ ему всегда напередъ извѣстную часть изъ самыхъ товаровъ; но при всемъ такомъ сборѣ пошлинъ, самая важнѣйшая отрасль доходовъ сего Государя состоитъ болѣе въ грабежахъ и въ насильственномъ отнятїи чужаго имѣнїя. Негры, живущїе въ Людамарѣ, и прїѣзжающїе туда купцы крайне боятся, чтобъ не узнали, что они богаты. У Али по всѣмъ городамъ Королевства находятся шпїоны, которые по званїю своему увѣдомляютъ его о состоянїи всѣхъ подданныхъ, и доносы сихъ низкихъ исполнителей воли его бываютъ столько дѣйствительны, что очень часто богатые люди, подъ самыми пустыми предлогами, лишаются всего имѣнїя своего, и сравниваются въ бѣдности съ прочими, жалости достойными бѣдняками.

Я не въ состоянїи со всею точностїю опредѣлить числа подвластныхъ законамъ Али Мавровъ — могу только нѣчто сказать о войскѣ сего Государя. Военную силу его составляетъ конница, которая вся очень хороша, и по видимому весьма отли-

чается искуствомъ внезапно нападать на непріятеля. Каждый Людамарскій всадникъ имѣетъ собственную свою лошадь и собственное вооруженіе, состоящее изъ большой сабли, двуствольнаго ружья, красной кожаной сумки для пуль, и изъ пороховаго рожка, навѣшеннаго на перевязь. Сіи дикіе рыцари отъ властителя своего не получаютъ никакого жалованья: военные ихъ подвиги обыкновенно награждаемы бываютъ одною и единственною мздою — хищничествомъ. Аліева конница не весьма многочисленна: когда онъ воевалъ съ Королевствомъ Бамбара, то войско его не простиралось и до двухъ тысячь человѣкъ; мнѣ сказывали сверхъ того, что въ конницѣ своей имѣлъ онъ весьма немного Людамарскихъ *Мавровъ*.

У Мавровъ лошади прекрасны; онѣ покупаются весьма дорогою цѣною: Негритянскіе Государи за одну лошадь платятъ имъ не рѣдко по двенадцати и по четырнадцати невольниковъ.

Людамаръ къ сѣверу граничитъ съ великою пустынею Саарскою. Естьли можно вѣрить всему, что мнѣ наговорили о песчаномъ морѣ сѣверной Африки, занимающемъ столь великое пространство: то оно, по симъ извѣстіямъ, должно совсѣмъ быть необитаемо; здѣсь всѣ

мѣста безплодны: бѣдные кочующіе Арабы гоняютъ свой скотъ даже и туда, гдѣ видятъ хотя малѣйшій признакъ прозябенія; тамъ, гдѣ въ нѣкоторомъ изобиліи находятся и вода и пастьбища, съ неописанною радостію, небольшими отдѣленіями основываютъ они свои колоніи, въ которыхъ живутъ независимо, хотя чрезвычайно скудно, и ни мало не боятся тиранской власти варварійскихъ деспотовъ. Прочая дикая Африканская степь совсѣмъ безводна; по сему въ ней ни кого не увидишь, кромѣ купцовъ, очень рѣдко, съ великимъ трудомъ и опасностію караванами чрезъ нее проходящихъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сей необозримой пустыни находишь иногда песокъ, покрытый рѣдкими, изсохшими кустарниками, которые служатъ для караванновъ пристанищемъ, и которые для верблюдовъ бываютъ самою бѣдною пищею; устрашенный путешественникъ вокругъ себя ничего болѣе не находитъ и ничего не видитъ, кромѣ открытаго неба и неизмѣримаго песчанаго пространства. — Въ сихъ, столь безплодныхъ странахъ напрасно будешь искать предмета, на которомъ бы можно было остановить взоръ свой, — вездѣ представляется одно ужасное уединеніе; душа въ унынiи; безпрестанно боишься, чтобы мучительная

жажда не лишила тебя жизни. „Среди „сей ужасной пустыни путешественникъ „не видитъ ничего, кромѣ мертвыхъ „птицъ, сильными порывами вѣтра туда „занесенныхъ; и когда предается печаль„ному размышленію о долговременномъ „продолженіи остающагося ему пути, то„гда въ трепетѣ души своей онъ ничего „не слышитъ, кромѣ свисту вѣтра, по „пустынѣ носящагося, и кромѣ одного шу„му, прерывающаго изрѣдко страшное без„молвіе мѣстъ сихъ.“

Мавры цвѣтомъ и чертами лица похожи на Антильскихъ Мулатовъ; но въ физіогноміи своей имѣютъ они что-то непріятное. Смотря на лица Мавровъ, кажется, читаешь въ ней разположеніе къ вѣроломству и жестокости; всякой разъ, когда я со вниманіемъ ее разсматривалъ, невольное безпокойство наполняло мою душу. Взоры ихъ дики; иностранецъ, при первомъ на нихъ взглядѣ, не можетъ не почесть ихъ за людей безумныхъ.

Воровство и грабительства, производимыя Маврами въ Негритянскихъ селеніяхъ, суть ясныя доказательства ихъ вѣроломнаго и злаго характера. Иногда они безъ всякой причины, безъ всякаго предлога, и даже увѣривъ напередъ Нег-

ровъ въ своей къ нимъ дружбѣ, неожиданно захватываютъ у нихъ скотъ, или самихъ берутъ къ себѣ въ неволю. Негры весьма рѣдко мстятъ имъ за такое варварство; предпріимчивая и рѣшительная смѣлость, знаніе мѣстъ и особливо быстрыя лошади Мавровъ, дѣлаютъ ихъ самыми страшными врагами. Небольшія Негритянскія селенія, близкія къ сей дикой пустынѣ, находятся въ безпрестанномъ страхѣ, тогда, какъ Мавритянскія племена, живущія съ ними въ сосѣдствѣ, не боятся со стороны ихъ никакого непріятельскаго поступка.

Мавры, подобно скитающимся Арабамъ, смотря на времена года, перемѣняютъ свое мѣстопребываніе, и гоняютъ обыкновенно стада въ тѣ мѣста, въ которыхъ могутъ найти для нихъ удобныя пастьбища. Въ Февралѣ мѣсяцѣ — въ то время, когда солнце пламенными лучами пожигаетъ всѣ пустынныя растенія, снимаютъ они свои палатки, переходятъ къ югу, въ страны, населяемыя Неграми, и проживаютъ тамъ до Іюля, то есть до тѣхъ поръ, когда начнутся сильные проливные дожди. Въ сіе время они берутъ у Негровъ, въ обмѣнъ за свою соль, хлѣбъ, съ которымъ возвращаются въ пустыню, прежнее свое жилище,

и не покидаютъ его до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ дожди и пока мѣсто, прежде имъ занимаемое, снова не сдѣлается для нихъ необитаемымъ.

Необходимость, заставляющая Мавровъ вести кочевную жизнь, пріучаетъ ихъ къ перенесенію трудовъ и крайней бѣдности. Этаго мало — сія необходимость связываетъ ихъ небольшія общества самыми тѣсными узами, и поселяетъ въ нихъ къ чужеземцамъ величайшее отвращеніе. Мавры, не имѣя никакихъ сношеній съ образованными народами, и почитая себя выше Негровъ, потому болѣе, что преимуществуютъ предъ ними нѣкоторымъ знаніемъ наукъ, чрезвычайно надменны, горды, суевѣрны, жестоки. Вообще всякой Маврь съ суевѣріемъ Негра соединяетъ въ себѣ вѣроломство и дикую лютость Араба.

Вѣроятно, что до пріѣзду моего въ Беноунъ большая часть Людамарскихъ жителей никогда не видывали бѣлаго человѣка; но всѣ они ужасно ненавидятъ Христіанъ; всѣ думаютъ, что нѣтъ никакого преступленія въ убійствѣ Европейца. Страданія, претерпѣнныя мною, во время моего у нихъ заточенія, кажется, всѣмъ путешественникамъ могутъ послужить

самымъ наставительнымъ урокомъ, удаляться отъ странъ сего жестокаго и вѣроломнаго народа.

Съ Французскаго Г. Пирвскій.

VI.

Извѣстія.

На тронѣ Испаніи должно явиться новое поколѣніе Государей. Карлъ IV и Фердинандъ VII пріѣзжали въ Байонну единственно для того, чтобы сложить съ себя вѣнецъ и уступить Наполеону право на престолъ Испанскій. Не извѣстно еще, кто будетъ наименованъ Королемъ. Карлъ IV, какъ увѣряютъ, поселится въ Компіенѣ, а Фердинандъ VII въ Наваррѣ. Сообщаемъ Читателю письмо Императора Наполеона къ Принцу Астуріійскому, писанное вскорѣ послѣ возмущенія, произшедшаго въ Мадритѣ и Аранжуэцѣ: — „Я получилъ письмо Вашего Высочества. Изъ бумагъ, доставленныхъ Вамъ родителемъ Вашимъ, могли Вы ясно видѣть, какое принимаю участіе во всемъ, до Васъ принадлежащемъ: позвольте мнѣ, въ настоящихъ обстоятельствахъ, говорить съ Вами искренно и свободно. Я надѣялся, по прибытіи своемъ въ Мадритъ, склонить Высокаго моего друга на нѣко-

торыя нужныя перемѣны въ его правленіи; на нѣкоторую необходимую снисходительность къ общему мнѣнію. Отдаленіе Князя мира отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ казалось мнѣ неизбѣжнымъ и нужнымъ для щастія Испанцевъ. Важныя дѣла на сѣверѣ Европы остановили на время мое путешествіе; возмущеніе въ Аранжуэцѣ предупредило мое прибытіе въ Испанію: не хочу разсматривать его причинъ; не разбираю поступковъ Князя мира — знаю только то, что Государямъ весьма опасно пріучать народъ къ самовластію и кровопролитію; прошу Бога, чтобъ Ваше Высочество, по собственному опыту не узнали, сколь справедливо сіе мнѣніе. Полезно ли для Испаніи губить человѣка, который имѣетъ родственную связь съ ея Монархомъ, который такъ долго имѣлъ въ рукахъ кормило правленія? Онъ не имѣетъ теперь друзей; и Ваше Высочество не будете имѣть ихъ въ нещастіи: народы отмщаютъ намъ охотно за тѣ великія почести, которыя отдаютъ они нашей власти. Напомню Вамъ, что не льзя судить Князя мира, не призывая въ то же время и Короля и Королеву, родителей Вашихъ, предъ судилище: судъ сей дастъ пищу возмутительнымъ страстямъ, пробудитъ общую ненависть; слѣдствія его могутъ быть гибельны

для Испанскаго престола. Ваше Высочество — нѣтъ никакого сомнѣнія — имѣете право Наслѣдника престола; но отъ кого получили Вы сіе право? Отъ вашей родительницы! Лишивъ ее чести, Вы сами лишите себя своего права! Отвратите слухъ свой отъ гибельныхъ совѣтовъ коварства; повторяю, Вы не должны судить Князя мира! преступленія, въ которыхъ его обвиняютъ, теряются въ правахъ престола. Я часто обнаруживалъ желаніе удалить сего человѣка отъ дѣлъ государственныхъ; но дружество мое къ Карлу нѣсколько разъ принуждало меня молчать, и безъ вниманія смотрѣть на его пристрастную привязанность къ своему Министру. Горестный жребій человѣка! удѣлъ его заблужденіе и слабость. — Но все еще можетъ приведено быть въ первобытный порядокъ; пускай оставитъ Князь мира Испанію: предлагаю ему безопасное убѣжище во Франціи. Что же принадлежитъ до низложенія Карла IV, то онъ сведенъ съ своего престола въ то самое время, когда мои войска находились въ Испаніи: въ глазахъ Европы и потомства могу казаться сообщникомъ тѣхъ людей, которые принудили моего союзника и друга отказаться отъ трона — будучи сосѣдственнымъ Монархомъ, я долженъ, прежде нежели признаю сіе состояніе съ тро-

на законнымъ, узнать его настоящія причины. Говорю Вашему Высочеству, Испанцамъ, всему Свѣту, что я готовъ утвердить его своимъ согласіемъ, естьли оно произвольно — и Ваше Высочество будете наименованы Королемъ Испанскимъ. Желаю, чтобы Вы переговорили со мною обо всемъ лично: осторожность, съ какою дѣйствую во всѣхъ обстоятельствахъ, относительныхъ къ симъ происшествіямъ, можетъ служить для Васъ увѣреніемъ, что я готовъ быть Вашимъ защитникомъ, естьли какое-нибудь непредвидѣнное нещастіе постигнетъ Васъ, въ Вашу очередь, на тронѣ Испаніи. Извѣстія, присланныя мнѣ Королемъ Карломъ о происшествіяхъ прошедшаго Октября, были для меня огорчительны и неожиданны. Ваше Высочество весьма неправы: не хочу на то инаго доказательства, кромѣ письма, писаннаго Вами ко мнѣ гораздо прежде, и преданнаго мною забвенію. Будучи Государемъ въ свою очередь, Вы должны узнать, сколь важны, сколь святы права престола: каждый шагъ Наслѣднаго Принца склонить на свою сторону чужеземнаго Государя, есть преступленіе, въ глазахъ моихъ чрезвычайно великое. Ваше Высочество должны опасаться народныхъ смятеній, рѣдко не гибельныхъ, всегда ненадежныхъ. Нѣкоторые изъ солдатъ мо-

ихъ могутъ быть лишены жизни — на слѣдствіемъ того будетъ разореніе всей Испаніи. Замѣчаю съ неудовольствіемъ, что въ Мадритѣ ходятъ по рукамъ письма Генералъ-Капитана Каталоніи; что всѣми средствами стараются привести въ волненіе головы. Надѣюсь, что Вашему Высочеству теперь извѣстны мои мысли. Вы видите, что я еще колеблюсь, что я еще не имѣю рѣшительнаго мнѣнія. Какія бы ни были обстоятельства, прошу Васъ вѣрить, что я, въ отношеніи къ Вамъ, буду слѣдовать тѣмъ самымъ правиламъ, какимъ я слѣдовалъ въ отношеніи къ Королю Карлу; что искренно желаю все привести въ прежній порядокъ, и съ радостью воспользуюсь случаемъ доказать Вамъ свое несграниченное уваженіе. *Байонна.* 16 *Апрѣля* 1808. — 2 Мая. „Король Карлъ писалъ къ своему сыну письмо, въ которомъ между прочимъ сказано, что его поступки противъ отца, законнаго своего Государя, и нѣкоторыя письма, имъ писанныя, навсегда лишаютъ его права на престолъ Испаніи.“ Фердинандъ, получивъ сію бумагу, торжественно отказался отъ короны въ пользу своего родителя, и тотчасъ отправилъ въ Мадритъ къ Инфанту Донъ-Антоніо письмо, въ которомъ сказано: Нынѣ, 6 го Мая 1808,

писалъ я къ родителю своему и законному Государю слѣдующее: „Въ доказательство сыновней привязанности моей къ Вашему Величеству, торжественно слагаю съ себя Испанскую корону — примите ее обратно! прошу Бога, чтобы она многія лѣта сохранилась на священной главѣ Вашей. Осмѣливаюсь представить въ Вашу милость тѣхъ людей, которые служили мнѣ съ 19 го Марта; довѣренность моя къ Вашему Величеству, относительно къ нимъ, неограниченна. Да сохранитъ Васъ Всевышній Промыслъ! *Байонна*, 6*го Мая.* Преданнѣйшій изъ сыновъ Вашихъ, *Фердинандъ.*“ Въ слѣдствіе сего письма, уничтожаю власть, данную мною временному правительству Мадритскому, на случай пребыванія моего въ Байоннѣ. Благодарю Членовъ его и всю націю за преданность, оказанную мнѣ въ послѣднихъ обстоятельствахъ. Прошу ихъ снова прилѣпиться съ чувствами вѣрныхъ подданныхъ къ законному Государю своему, Карлу IV, и уповать на могущественное покровительство Наполеона, который одинъ можетъ сохранить какъ цѣлость Испаніи, такъ и независимость ея народовъ. Бойтесь коварства общихъ враговъ нашихъ; храните согласіе съ вашими союзниками; страшитесь междуусобія и кровопролитія; въ настоящихъ

обстоятельствахъ онъ приведутъ васъ къ погибели неминуемой. Подписано: *Фердинандъ*. — Всѣ *несогласія*, разстроившія семейство Короля Карла, прекращены трактатомъ, который заключенъ между имъ и Императоромъ Наполеономъ. Статьи сего трактата еще неизвѣстны; онѣ не могутъ быть обнародованы до тѣхъ поръ, пока не будутъ представлены Сенату. Изъ прокламацій Короля Карла и Принца Астурійскаго надобно заключить, что всѣ права на *Испанскій* тронъ *уступлены Императору Наполеону*. Увѣряютъ, что многіе знатнѣйшіе Испанцы ѣдутъ въ Байонну, гдѣ соберется *Генеральная - Юнта*, на которой учрежденъ будетъ порядокъ *наслѣдства короны* и многое перемѣнится въ конституціи Королевства Испанскаго. — Великій Герцогъ Бергскій находится въ Мадритѣ; онъ сдѣланъ Генералъ-Поручикомъ Испаніи, живетъ въ Королевскомъ Дворцѣ: Испанцы предсказываютъ, что онъ заступитъ мѣсто и Карла и Фердинанда! —

*

Генералъ Савари и Маршалъ Безье пожалованы Герцогами, а Генералъ Вальтеръ Графомъ. Послѣднему дано богатое помѣстье въ Вестфаліи.

*

Два Рускихъ линейныхъ 74-пушечныхъ корабля, *Петербургъ* и *Москва*, первый подъ командою Коммодора Баряшинскаго, а послѣдній подъ командою Капитана Эльзена, вышли 30 Апрѣля изъ Порто-Ферайо: они соединятся съ Французскимъ флотомъ въ Тулонѣ.

*

Увѣряютъ, что Генералъ Мену наименованъ Губернаторомъ Этрурскаго Департамента. — Изъ Багдада пишутъ, что Англичане сильно разбиты въ Ост-Индіи Маратами, которыхъ предводитель Гаурь разсыпалъ корпусъ Генерала Веллеслея близь Гератпура: Англійская потеря простирается до 12,000 человѣкъ. — Въ письмѣ изъ Варшавы сказано, что въ Польшѣ набирается великое множество рекрутовъ, и что Польскому Графу, Понятовскому, назначено идти съ большимъ опрядомъ войска въ Испанію.

12 *Іюня.*

КОНЕЦЪ XXXIX ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТОЙ ЧАСТИ.

МАЙ, No 9.

Стран.

I. Марія (отрывокъ изъ Артурова Журнала). - - - 3
II. Христіянское увѣщаніе, (на счетъ молодой дѣвушки; которая называется Вѣрою.) - - 40
III. Людмилла; Руская Баллада. - 41
IV. Что есть жизнь? - - 50
V. Парикмахеръ въ своемъ ученомъ кабинетѣ. - - - 53
VI. Изъясненіе картинки. - - 56
VII. Взглядъ на Исторію и Статистику Швеціи. - - - 58
VIII. Принцъ Людовикъ Прусскій. - 70
IX. Извѣстія. - - - 74

МАЙ, No 10.

I. Давыдъ Юмъ при концѣ жизни. (Письмо Адама Смита къ Виллиаму Страхану.) - - 89
II. Заяцъ и Лягушки. (Съ Французскаго.) - - - 98

Стран.

III. Пѣсня. (съ Французскаго.) - 100
IV. Мальвина. (Романсъ.) - - 101
V. Къ Элизѣ. - - - 103
VI. Сѣтованіе. - - - 106
VII. Марія. Отрывокъ изъ Артурова Журнала. (окончаніе). - 107
VIII. Взглядъ на Шведскую Финляндію. 161
IX. О нынѣшней Персіи. (Извлеченіе изъ Оливьерова Путешествія въ Персію.) - - - 164
X. Кончина Герцога Брауншвейгскаго 173
XI. Извѣстія. - - - 176

ІЮНЬ No 11.

I. Бѣдная Нина. (истинный анекдотъ.) - - - 115
II. Два письма Рускаго путешественника. - - - 123
III. Отрывки изъ дневныхъ записокъ послѣдняго Польскаго Короля, Станислава Августа Понятовскаго (писанныхъ во время его пребыванія въ Россіи, съ 2 Марта 1797 по 12 Февраля 1798.) 129
IV. Пѣсня. - - - 159
V. Адской совѣтъ. (Отрывокъ изъ Тассова Іерусалима) - 160
VI. Лексиконъ чудака. - - 167

Стран.
VII. Мысли. - - - 169
VIII. Краткое описаніе Свіабурга. (Статья присланная.) - - 172
IX. О походѣ сухимъ путемъ въ Ост. Индію. - - - 174
X. Персидскій Шахъ Фетали, другъ Императора Наполеона. - 178
XI. Мадритъ и Аранжуэцъ. - 181
XII. Письмо изъ Лондона. - - 184
XIII. Ріо Янейро, (нынѣшняя резиденція Принца Бразильскаго.) - 185
XIV. Нѣсколько словъ о характерѣ Музульмановъ, Грековъ, Армянъ и Жидовъ Константинопольскихъ. 188
XV. Извѣстія. - - - 193

ІЮНЬ, No 12.

I. Мунго - Паркъ. - - 203
II. Договоръ. - - 211
III. Кто истинно добрый и щастливый человѣкъ? - - 220
IV. Густавъ Обинье. - - 230
V. Характеръ и образъ жизни Людамарскихъ Мавровъ. (Отрывокъ изъ Мунго - Паркова путешествія во внутренность Африки). 265
VI. Извѣстія. - - - 282